

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XXV

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона

Редакционный совет

Наталия Большакова-Минченко – главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

Alexander Men' International Charity Society
Riga Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2016

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ШКОЛА ХРИСТИАНСТВА

Так уж получилось, что как-то совершенно естественно пришло понимание, что после размышлений о Церкви Христовой, о творчестве, о смерти, о зле, о Библии, о единстве, о святости – «Христианосу» надо коснуться разговора о современном монашестве. Тема эта вписана и в наше «кредо», которым неизменно, вот уже 25 лет, открывается каждый выпуск альманаха («Путям, которыми идет душа человеческая к Богу, посвящен этот альманах...»), и переплетается она со многими актуальными вопросами религиозного и общечеловеческого бытия, встающими перед каждым из нас, можно сказать, постоянно.

Среди материалов разных номеров «Христианоса» можно найти немалое количество текстов о монашеских движениях и общинах; свидетельств о святых, новомучениках монашеского звания; их жизнеописания, а также и богословское, гомилетическое наследие; и беседы с монахами и монахинями нашего времени.

Но в «Христианосе-XXV» мы попытались дать картину современного монашества с его проблемами, вопрошаниями, радостями и надеждами. Конечно, то, что нам удалось собрать, это – лишь капля, но и она может отразить море...

Ради осмысления призвания каждого христианина, а не только монаха, – в чем оно, в чем наше служение Церкви, хождение пред Богом – бесполезно подумать об иномеском пути, пути молчания, предстояния, полного предания себя Богу.

Монашество – феномен общечеловеческий, оно существовало и до христианского благовестия, существует и ныне во многих мировых религиях. Но мы рассматриваем

в этом номере только христианское монашество (и в Восточной и в Западной традициях), укорененное в Св. Писании, святоотеческом наследии и церковной традиции, начиная с раннего христианства.

Так же для нас очень дорого богатое творческое наследие – и художественное, и богословское, и агиографическое – русской православной монахини преподобномученицы Марии (Скобцовой), 125-летие со дня рождения которой отмечается в этом году (род. 21.12.1891 г. в Риге).

И представляется, что мать Мария с ее евангельской верой, пророческим даром, ясным и сильным умом и бескомпромиссным воплощением в своей жизни заповедей Христовых нужна нам сегодня, – в период кризиса, уныния, опущения рук – как никогда¹!

И, конечно, неслучайно, что большая часть авторов этого «монашеского» выпуска – монашествующие.

Значительным событием для редакции альманаха является 1-ая годовщина по кончине дорогой Екатерины Гениевой – ей посвящена специальная рубрика.

Завершает юбилейный, XXV номер – «Приношение “Христианосу”», содержащее статьи друзей и авторов альманаха, которые освещают если и не весь путь, длиною в 25 лет, то – самое главное на этом пути.

*Редакционный совет
альманаха «Христианос»*

¹ Во многих номерах «Христианоса» опубликованы поэтические, драматургические произведения м. Марии, статьи о ее творчестве, о ее подвижничестве; документы по ее канонизации.

СОВРЕМЕННОЕ МОНАШЕСТВО

Адальберто Майнард

Адальберто Майнард (Adalberto Mainardi) родился в Италии в 1966 году, в католической семье; закончил консерваторию в Милане, по классу рояля в 1990 г.; после консерватории поступил в монашескую общину Преображения (Бозе); после первой конференции в Бозе по православной русской духовности, посвященной прп. Сергию Радонежскому (1993 г.) настоятель монастыря брат Энцо Бьянки предложил Адальберто глубже изучать русскую духовную традицию и русский язык. По приглашению епископа Костромского Александра (Могилёва), посетившего Бозе в 1993 г., и по благословению брата Энцо Бьянки, брат Адальберто уехал в Россию на три месяца (с апреля по июнь 1994 г.), где открыл для себя не только новый язык, но и совершенно новый мир, — со многими трудностями, но и с большими надеждами. Брат Адальберто познакомился и подружился со многими представителями РПЦ и российской интеллигенции; в 1996 г. поступил на филологический факультет Туринского университета, где, кроме русского языка, изучал румынский и сербский языки; закончил университет в Турине в 2002 г.; магистерскую диссертацию защитил о прп. Паисии Величковском. Брат Адальберто участвовал в аранжировке богослужебной музыки, заимствованной из других монастырей, для песнопений в Бозе. В настоящее время идут репетиции литургической музыки для мессы, специально написанной для монастыря Бозе Еленой Камолетто (Elena Camoletto) — современным итальянским композитором. А. Майнард является членом Ученого комитета Международных конфе-

ренций по православной духовности, которые ежегодно проходят в монастыре Бозе, начиная с 1993 г., и с 2012 г. он также является членом православно-католической рабочей группы св. Иренея. Среди публикаций А. Майнарди есть немало статей по православному богословию и экуменизму, а также переводов на итальянский язык произведений румынских и русских православных богословов и историков.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ХРИСТИАНСКОГО МОНАШЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Поиск смысла

Сегодня, когда на мировой арене происходит всё больше межрелигиозных столкновений, мирный диалог часто оказывается невозможен из-за конфликтов, маскирующих политические устремления религиозными мотивами. Монашеский опыт представляется исключительным для встречи с верой как подлинным опытом Бога, с необходимой духовной бранью против идолов самоутверждения, – как персональных так и коллективных, фундаментализма, власти. Существует некое измерение «отречения», дистанцирования от мира, которое в различных религиях характеризует первый шаг в духовном опыте. В монашестве мужчины или женщины ведут жизнь, *отличную* от мирской. Монашество есть аскетическое упражнение в «*epoché*», то есть в «оставлении» мира, не отрицая существующее, а созерцая его в связи с последним смыслом вещей. «Странник есть тот, кто считает странным все, что в мире», пишет

Евагрий Понтийский¹. В этом смысле «странничество» остается определяющим и для сегодняшнего монашества.

Монашеский опыт возбуждает вопрос смысла в любой религиозной традиции. Под религией мы здесь подразумеваем не социальный феномен, а то, что соединяет человека с тайной вещей, прежде всего, с самим миром как с вопросом. Реальность представляется человеку тревожной загадкой. Аскетическая жизнь, таким образом, определяется, как удаление от мира для поиска смысла.

Эти, весьма общие, наблюдения описывают черты, характерные для любого монашеского опыта, не только христианского. Существует антропологическое измерение монашеского феномена, прежде всего как пути поиска. На самом деле, и христианское монашество – это искание. Преподобный Бенедикт² (в русской традиции – Венедикт) Нурсийский, в своем уставе, в главе, посвященной определению призвания, первым условием ставит – убедиться в том, действительно ли новоначальный ищет Бога.

Это испытание, этот поиск, сопровождаемый искушениями, в ежедневном смиренном труде, со всегдашней готовностью все начинать сначала, определяет не только первые годы пути монаха, но сопровождает его в течение всей жизни. Полагаю, именно в этом может состоять роль христианского монашества в современном, секуляризированном мире, в контексте плюрализ-

¹ «Ξένος ἐκεῖνος, οὗ ξένα τὰ τοῦ κόσμου», *Capita paraenetica* 14.

² Один из родоначальников западного монашества (ок. 480 – ум. 547); в 1964 г. Папа Павел VI провозгласил Бенедикта небесным покровителем Европы. (*Прим. ред.*)

ма вер и культур. Христиане должны не бороться с этим плюрализмом, а смиренно нести собственное свидетельство, показывая, что есть то, ради чего стоит не только жить, но и умирать.

Иметь веру – значит иметь уверенность, пускаться в экзистенциальный поиск, продолжая искать то, что уже найдено и находить в новом свете то, чем, казалось бы, уже обладал (это центральная тема *Исповеди* блаженного Августина). Неслучайно первые христиане определялись как «путники». Раннее христианство вполне могло стать (и, действительно, было) лишь одной из иудейских сект. Но то, что его определило – это не какая-то особая доктрина, а *вера* в Иисуса Христа, Человека, в котором явился Бог ветхозаветных обетований, воскресшего из мертвых. В этом Человеке христиане признавали Сына Божия, который говорит о себе: «Я – путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). Только исполняя Его заповеди, христиане могут говорить, что знают Его и веруют в Него (ср. 1 Ин 2:3; Лк 6:46).

Теперь мы можем лучше понять фразу преподобного Бенедикта (Венедикта): кто хочет стать монахом, должен спросить себя, *действительно ли он ищет Бога*. Для христиан искать Бога означает *искать Иисуса*, искать лица Его, учиться у Него, кроткого и смиренного сердцем, уподобляться Ему и в Нём находить собственное уподобление Богу, становясь в Сыне – сынами Божьими. В христианском монашестве вера есть принятие динамики жизни, движимой Духом Святым.

Встреча между западным и восточным монашеством

Христианская духовная жизнь может достичь зрелости только в том случае, если она способна воспринимать и принимать учение, исходящее из различных христианских традиций, в их поиске верности единому Евангелию. Это процесс, требующий усилий разума и сердца, трудов ради достижения реального общения в духе взаимоуважения. Необходимо с глубокой дружеской приязнью «упражняться в различности», что означает, прежде всего, прислушиваться к собеседнику с любовью и вниманием; а, следовательно, необходимо обеспечить все для того, чтобы прислушаться было возможно, чтобы это стало делом реальным и плодотворным.

В современном мире, когда новая идеология «столкновения цивилизаций» ведет, не сознавая того, к регрессу самой цивилизации вплоть до варварства, от христиан все чаще требуется дать отчет в их уповании (1 Петр 3:15). Все в большей мере нас призывают держать ответ за качество нашей христианской жизни, и все меньше смысла задаваться вопросом о количестве христиан, об их политическом или культурном влиянии на общество. «XXI век будет веком духовности, или его не будет вовсе» (Андре Мальро). Только основательное знание собственных корней поможет христианам не быть поставленными в тупик тем вызовом, что бросает им новое тысячелетие, и не утратить евангельской закваски.

Необходимо, однако, внести одно уточнение. При совместном возврате к общим истокам мы не можем и никогда не должны забывать, что литургия и вера нераздельно связаны между собой, и пока остаются разли-

чия в способах выражения веры, то, разумеется, нужно уважать эти различия, проявляя гостеприимство по отношению к отличающемуся, к иному. Нужно учиться относиться к инаковости и к различиям с глубокой дружеской приязнью. Выражение «дышать обоими легкими» (В. Иванов) звучит само по себе освобождающе, но порой, будучи дурно истолковано, оно подталкивает к уравниловке, к ассимиляции «инакомыслия», а не призывает к плодотворной встрече, при которой к различиям относятся с абсолютным уважением. Ведь, если деревья высокие и старые, надо принимать все разнообразие их ветвей и плодов таким, как оно есть; не имеет смысла делать прививки лишь для того, чтобы получить одинаковые плоды. Единство, к которому мы призваны – это единство в многообразии, а не единство в однородности.

Начиная с 70-х гг. XX века, в католической среде монашество начало испытывать острый кризис, вызванный разными причинами: секуляризацией, сокращением числа постригаемых, а, прежде всего, отсутствием в период проведения II Ватиканского собора развитого богословия религиозной жизни³.

В те же самые годы, напротив, наступало оживление монашеской жизни на Востоке. На Афоне, в Греции, в Египте в конце 60-х годов древние монастыри переживали такой подъем, какой редко наблюдался, по крайней мере, за последние столетия. Если в 60-е годы на Афоне только один монастырь можно было назвать живым и активно действующим – монастырь Ставроникита с отцом Василием, – то к середине 70-х годов

³ Cp. E. Bianchi. *Non siamo migliori. La vita religiosa nella chiesa, tra gli uomini* («Мы не лучшие. Монашеская жизнь в церкви, среди людей»), Qiqajon, Bose, 2002 г., pp. 9–12.

почти все двадцать крупных общежительных монастырей пережили период обновления: особножительные монахи удалялись, тогда как молодые монахи под руководством духовников (*pneumatikos*) вновь возвращались к общежительной форме монашеской жизни, а присутствие отшельников оставалось практически постоянным.

То же самое происходило в пустыне Вади-эль-Натрун в Египте, где монашеское присутствие сократилось до нескольких десятков иноков, разбросанных по четырем монастырям. Впоследствии же, с появлением деятелей столь высокого духовного уровня, как Матта эль-Мескин, настало значительное обновление, — как в количественном, так и в качественном отношении, — продолжающееся и по сей день.

В Румынии тоже, хотя и в совершенно иной ситуации, под гнетом коммунистического режима, монашество сумело не только выжить, но и воспитать высокодуховных людей и сохранить большую жизнеспособность; прежде всего это относится к женским общинам. Этот подъем, как всегда бывает на Востоке, произошел спонтанно, по вдохновению, но он всегда был неотделим от возврата к истокам, к великой традиции аскетического радикализма: достаточно упомянуть «Румынское Добротолубие» о. Думитру Станилоэ. Богословское обновление, происходящее внутри этих общин, зачастую представляет собой форму переосмысления древней системы паламизма, некий своеобразный неопаламизм.

Затем, в 90-х гг., после падения Берлинской стены, мы становимся свидетелями возрождения монашества в странах бывшего Советского Союза, в восточноевропейских и балканских странах, таких как Сербия. Не стоит питать иллюзий: если такое маргинальное, по своей

сути, явление, как монашество, за краткий срок принимает массовый характер, к этому надо относиться разумно и осмотрительно. И все же мы радуемся, что стали свидетелями – конечно, издалека, но в реальном молитвенном общении и посредством проводимых все эти годы братских встреч – возрождения, я бы даже сказал, настоящего расцвета русского монашества. Конечно, известны и проблемы, и сложности, и затруднения в восстановлении утраченных традиций монашеской жизни: нехватка духовных отцов, руководителей, способных и организовать, в том числе материально, общинную жизнь, и передать то монашеское знание, которое было прервано за семьдесят лет коммунистической неволи.

Традиция русского монашества прошла через долгий период гонений, отрицания, подпольного существования, а затем почти внезапно столкнулась с воинствующей современностью, ставящей серьезные задачи, поднимающей вопросы и радикально критичной по отношению ко всему, что относится к старому миру и традиции.

И все же, по сравнению с этим реальным ростом восточного монашества, пусть даже исполненным противоречий, западное монашество на сегодняшний день демонстрирует, прежде всего, упадок, кризис, который касается не только числа постригов, но и их качества, а также утраты значения монашества в Церкви.

Вот почему представляется чрезвычайно важной, и сейчас более чем когда-либо, встреча между западным и восточным монашеством, которая могла бы дать обоюдное общение, задуманное как обмен дарами, дать возможность подлинного взаимопонимания в переживании веры, сохраняя при этом, с одной стороны,

драгоценное наследие великой традиции, а с другой стороны, решая вопросы, которые ставит сегодняшний день. Мне кажется, существенно важно не только поддерживать диалог, но, главное, осуществлять обмен жизненным опытом, очистившись от всякого духа прозелитизма, а также от той духовной всеядности, которая не в состоянии действительно уважать другого человека, по-настоящему узнавать его и, в глубине души, любить его.

Я хотел бы указать на некоторые моменты, где совместное возвращение к истокам духовной жизни представляется особенно важным и плодотворным – в ходе живого диалога, суть которого в том, чтобы делиться опытом между Церковью Востока и Церковью Запада.

Духовная и молитвенная жизнь

В первую очередь, я думаю о настоятельной потребности в духовной и молитвенной жизни; думаю о братском общении, каковое поистине есть дар свыше (Пс 132). Но также оно есть и плод определенных усилий – поисков единого сердца и единого ума, результат совместного, «соборного» пути, «дороги вместе с другим (σύν-одος)», где каждый стремится сделать зримым и поставить на службу братьям данный ему духовный дар, свою харизму. Наконец, именно подлинность молитвенной жизни и зримое проявление конкретной любви друг к другу позволяют монастырю служить знамением и сохранять ту исполненную любви отрешенность от мира, которые необходимы, чтобы возвещать пророческое слово современному человеку.

Но прежде всего, молитва. Православный Восток сумел с большей ясностью и силой, нежели Запад, сохранить неразрывную связь между монашеским призванием и молитвой. Недаром и Папа Иоанн Павел II напомнил, что западное монашество должно перенимать от восточного монашества подражание кенозису Слова, преображение по образу Божьему, то есть обожение, отвержение себя (ἀποταγή), бдение, сокрушение сердца (πένθος), безмолвие (ἡσυχία)⁴. И все это через молитву⁵.

Все великие преподобные отцы когда-либо в своей жизни ощущали кризис. Великие учителя русского монашества особенно остро сознавали свою ничтожность, недостойнство рядом с отцами, испытывали чувство несоответствия, я бы даже сказал, самым требованиям монашеского призвания. «Творю, елико по силѣ, по божественных Писаниих, – пишет Нил Сорский в Послании Герману Подольному, – аще и не възмогаю тако ради лѣности моеа и небреженіа... И наипаче испытую божественаа Писаніа: прежде – заповѣди Господня и толкованіа ихъ и апостольская преданіа, таже житіа и ученіа святыхъ отецъ»⁶.

Епископ Игнатий Брянчанинов в своем труде «Приношение современному монашеству» цитирует высказывание преподобного аввы Сисоя Великого: ученику, который считает себя пребывающим в постоянном единении с Богом, старец отвечает: «Быть всегда умом в Боге не есть что-то великое; самое великое для монаха – чувствовать себя и видеть себя ниже всей твари».

⁴ Апостольское обращение *Vita consecrata* («О жизни, посвященной Богу»), 100–101.

⁵ Окружное послание *Ut unum sint* («Да будут все едино»), 21.

⁶ Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / подг. Г. М. Прохоров. СПб., 2005. С. 240.

Говоря о молитве сердца как об искусстве, которым наделен любой монах, преподобный Серафим Саровский говорил: «Одна лишь внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутреннею, не суть монахи». «Определение очень верное! – комментирует Игнатий Брянчанинов. – Монах – значит уединенный: кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре... Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при посредстве внимательной молитвы Иисусовой»⁷.

Однако и западные монахи, внимая призыву *mens concordet voci*,⁸ просят о такой молитве, в которой сердце следует за устами, выражая в глубине души ту же истину. Весьма многозначительны слова благодарности, которую выдающийся западный монах, дом Андре Лоуф, счел своим долгом выразить православным монахам на одной из конференций в Бозе: «В 50-х годах мы вели вполне полнокровную монашескую жизнь, но я думаю, что мы утратили жизненно важную связь между образцовым соблюдением правил и внутренним миром, внутренней молитвой. Но вот пришло время, когда на нашей земле, я говорю о Франции... отец Андре Скрима,⁹ посещая различные монастыри, стал апостолом Добротолубия... Поэтому я говорю огромное

⁷ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. I, «Аскетические опыты» / Сост. А. Н. Стрижев. М., 2001. С. 188.

⁸ Ум да согласен будет со словом (лат.).

⁹ Отец Андрей Скрима (1925–2000), бежавший на Запад румынский монах и духовный писатель, в Румынии бывший членом подпольной исихастской общины «Неопалимая Купина».

спасибо нашим православным братьям: думаю, что мы утратили бы связь между внешним опытом и внутренним присутствием, ... но я верю также, что благодаря Добротолюбию мы в конце концов обнаружим, что и в латинской традиции присутствует филокалическая нить...»¹⁰.

Общежитие

Эпифанией внутренней молитвенной жизни монаха является «благо (*bonum*) общинной жизни» по образу Троичного общения. Глубокое единство внутренней молитвы и евхаристической трапезы, в котором проявляется единство общинного тела, представляет собой герменевтический ключ к истинному пониманию филокалических текстов. «Для монахов эти вещи нераздельны: мы не можем отделить сведение ума в сердце от евхаристической и церковной жизни», напомнил отец Спиридон, игумен Спасо-Преображенского монастыря в Навпакте¹¹.

Полагаю, что для наших общин сегодня очень важно вновь открыть для себя «соборность» как путь, пройденный вместе (*syn-odós*)— имея при этом разные роли, разные функции — в общем послушании явленному Слову, Евангелию, которое требует постоянного обращения и для которого любое правило или духовный наставник— не что иное как посредники. Великие притчи периода нового расцвета русской монашеской жизни, события жизни святых монахов-основателей насыще-

¹⁰ Выступление на круглом столе // *Nicodemo l'Aghiorita e la Filocalia*, a cura di A. Rigo, Qiqajon, Bose 2001, pp. 259–260.

¹¹ Там же. С. 255.

ны этим зарядом: так возникает скитское житие у Нила Сорского и его учеников, так поселения отшельников на Соловках становятся источником обновленной общинной жизни; исихастский путь Паисия порождает глубинное движение возрождения, характерный признак которого – общинная жизнь. К его же школе относятся и старцы из Оптиной пустыни и деяния Игнатия Брянчанинова. Но все объединены единым призванием. Мы должны быть благодарны православному Востоку, сумевшему сохранить это многоликое единство монашества, не допустившему того раздробления религиозной жизни, из-за которого на Западе затмевается поиск единого на потребу. Полагаю, что в этом не последнюю роль играет мирское измерение православного и русского монашества, которое сумело сохранить верность интуитивному пути отцов-пустынников: являть собою присутствие простых христиан в лоне Церкви.

Безусловно, являть его «по-иному», в интенсивной молитвенной и аскетической практике, в безбрачии и в общинной жизни, однако же опознавая себя в тех словах, с которыми преподобный Пахомий обращался к Патриарху Александрийскому, говоря о себе и своих собратьях: «Мы люди мирские, маленькие, мы бедные миряне».

Эсхатологическое измерение монашеского свидетельства

Из всего этого следует и третий элемент, самый важный с богословской точки зрения: восстановление эсхатологического измерения монашеского свидетельства и, следовательно, христианского свидетельства. Мона-

шество должно представлять собой истинное и непрестанное призывание (по-гречески эпиклезис) пришествия Господа во славе, но при этом неизменно помнить о том, что есть невидимые реалии, способные притягивать к себе, ибо они сильнее реалий видимых. Или монахи – это люди, которые истинно искушены в делании и веруют в невидимые реалии, или же их присутствие – как соль, что не осоляет. По утверждению Святого Василия – его мы никогда не забываем – монаху надлежит «бдить ежедневно, ежечасно, ежесекундно, зная, что Господь грядет», и неизменно призывая Его Пришествие. Здесь та же убежденность, что я нашел в одном месте у св. Бернарда Клервоского: «Братья мои, то, к чему вы призваны и чему вы посвятили себя своей монашеской жизнью – это самый замечательный способ пророчествования. В чем именно вы, монахи, должны быть пророками? Не видеть того, что видимо, но непрерывно созерцать невидимое, стремиться к тому, что перед вами, жить одной верой (*sola fide!*), искать горнего. Некогда пророки получили свое название, ибо смотрели на вещи невидимые, на Христа, но ваше невидимое – это Царствие, это Господь, Грядущий во славе» (*Sermoni diversi – Проповеди на разные темы*, 37, 6).

Будь то в городе, будь то в деревне – нет места, не подходящего для монашества.

Истинная проблема в том, сможет ли монах вплотную подойти к пустыне, сможет ли он действительно найти «сокровенного сердца человека», о котором говорит апостол Петр (1 Петр 3:4), сможет ли он сохранить того внутреннего человека, о котором говорит апостол Павел (2 Кор 4:16), взрастить его и укрепить. Если монашество способно на это, то найдутся еще мужчины и женщины, которые в любви и свободе откликнутся на

это призвание и которые, в свою очередь, смогут стать отцами и матерями в духе. Монашеская община не живет для себя самой – она послана миру; но она не живет и *сама по себе* – она живет милосердием Божиим, и старается быть знамением любви Бога к людям.

Если на Западе, в первую очередь, все сильнее ощущается потребность в подлинном духовном отцовстве, это происходит потому, что в условиях весьма продвинувшегося научно-культурного развития христианства зачастую бывает сложно найти пастырей, наделенных, прежде всего, рассудительностью, способных стать отцами в вере, наряду также с умением играть важную роль в социальной сфере. Но именно на этой почве и можно найти важные моменты для обновления диалога между Востоком и Западом, если монашествующие сумеют расспросить друг друга об их взаимном опыте и отыскать вместе наиболее сообразный Евангелию способ ответить на вызовы современного мира.

*Италия, Бозе,
2015 г.*

Архимандрит Савва (Мажуко)

**БУРГУНДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК,
ИЛИ
КАК ОДИН МОНАХ В ЕВРОПЕ
«ВЕРУ ПРОДАВАЛ»**

*О том, как православный архимандрит
в католический монастырь паломничал¹*

В Никольском монастыре – переполох: пропали два архимандрита отечественных – Амвросий и Савва. Поплыли слухи, зашептались по углам: кто-то слышал, что отец Амвросий стал укротителем тигров и теперь кочует с бродячим цирком, и будто бы отец Савва вызвался сопровождать экспедицию исследователей Арктики.

Поговаривали о прощальных записках и о монашеской келье, до потолка оклеенной фотографиями известных тигров. Одна гражданка, вздыхая и крестясь, доверительно сообщила о виденном ночью воздушном шаре, отправившемся в сторону государственной границы: при свете луны ясно различались знакомые силуэты, и отчётливо доносилось пение пасхального канона.

Пытливые умы и горячие головы тут же взялись за исследование загадочного исчезновения и с сожалением пришли к выводу, что слухи действительно верны, но лишь отчасти. Отец Амвросий не тиранил тигров, а отец Савва не бродил в снегах с ледорубом в нежных регентских руках. Однако честные архимандриты в

¹ Впервые опубликовано 31 июля 2015 г. PRAVMIR.RU

количестве двух персон действительно путешествуют, причем предаются этому занятию на территории Западной Европы, куда отправились на белом автомобильчике знойным июльским утром.

А если без тигров и воздушных шаров, то – монастырь Тэзе, что в Бургундии, пригласил меня выступить на конференции, посвященной монашескому призванию в современном мире. Вот мы и поехали.

Конечно, ехать из Гомеля до Тэзе на машине – настоящий подвиг, но – какое паломничество без подвига? А в том, что это было именно паломничество на святую землю, мы не сомневались ни капли. Монастырь Тэзе – это уникальная обитель, сама земля которой пропитана молитвой и добротой.

Когда я начинаю рассказывать о Тэзе, первый вопрос, которым прерывают рассказ: а Тэзе – это православный монастырь? Нет. Значит, два *православных* монаха едут в *католическую* страну в *неправославный* монастырь и называют эту поездку паломничеством? Верно.

Может, это древний монастырь и в нём хранятся подлинные православные святыни? Увы! Монастырь основан в 1940 году. Мощей святых и чудотворных икон не обнаружено. В таком случае, что православному священнику, да и простому верующему, делать в таком месте? И как православный может называть его святой землёй?

Вопросы жёсткие, но очень правильные. Потому что они касаются очень жизненной темы: как нам общаться с инославными и надо ли общаться? Но разве мы с ними не общаемся? А куда же нам от них спрятаться?

Мир изменился. Мы уже не можем просто отгородиться от людей других культур и национальностей. Мы много путешествуем, принимаем гостей, новости

летят к нам из самых отдалённых уголков планеты. Один старичок советовал мне: никогда не разговаривай с католиками и ни в коем случае не заходи в костёл – страшный грех! Но разве мы можем сегодня себе это позволить?

Вы не разговариваете с католиками? Они разговаривают с вами – через книги, кино и просто как соседи по дому, работе, учёбе, а порой и как родственники. Нельзя заходить в костёл? Не пойму вас, если вы окажетесь в Париже и не зайдёте в собор Парижской Богоматери или, отправившись в Бари, не помолитесь в католическом храме у мощей святителя Николая. И нам даже разрешат отслужить православную литургию у мощей святителя, хотя трудно представить, чтобы мы позволили католикам отслужить мессу у мощей преподобного Серафима.

Мы подозреваем. Отчего это? От многовековой привычки к изоляции, от отсутствия опыта общения, от испуга перед неизвестным. Мы в этом и не виноваты. Уж очень сложная и трагичная история была у нашего народа и церкви – войны, конфликты, расколы.

Читаешь биографии протагонистов нашей истории – такие симпатичные и интересные люди, умные – что же вы так бранились, зачем было пролито столько крови, ради чего эти раздоры, споры и сражения? Как могло случиться, чтобы в христианской Европе, казалось, в самый просвещённый век, в столетие свобод и научных прорывов две самые страшные войны в истории человечества поглотили миллионы человеческих жизней?

Умнейшие люди мучаются этим вопросом. Вся литература «потерянного поколения», мыслители и художники послевоенной поры истязали мысль этой загадкой.

И не только художники, но и молитвенники. Есть такие люди – гении молитвы, праведники и богоносцы, и я думаю, основатель общины Тэзе, брат Роже – из их числа.

Он родился в 1915 году. Отец – протестант, мама – католичка. С детства Роже стал свидетелем необъяснимой для чистого сердца склонности людей к разделениям и распрям. Зачем люди ссорятся, почему ненавидят друг друга? Как ненависть привела хороших и грамотных людей к фашизму, к унижению целых наций, к истреблению миллионов?

Брат Роже, будучи очень образованным человеком, не стал писать книги или пьесы, чтобы ответить на эти вопросы. Он был святым практиком. Он просто принялся мирить людей, учить их дружить. Вот такой простой и наивный ответ. Какое-то немыслимое для двадцатого века юродство! Но именно этот ответ и создал общину Тэзе, движение, которое теперь широко известно во всём мире.

Самое сердце богословия Тэзе – это служение примирения, идея, высказанная ещё апостолом Павлом, который верил, что именно в служении примирения вся соль христианского благовестия: *«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь всё новое. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения; потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения»* (2 Кор 5:17-19).

Христианский мир расколот и тонет во вражде и взаимных обвинениях. Мы не можем вместе молиться, вместе служить литургию – слишком много за века накопившихся различий и недоумений – разный обряд,

непонятные обычаи, сложные календари, и просто – привычка видеть в другом чужака и соперника. Как же нам, христианам, освящать этот мир, делать его добрее, когда даже между собой мы не умеем и не хотим примириться?

В первый раз я поехал в Тэзе в 2012 году. Ехал с опаской и двоящимися мыслями: говорили об экуменической общине, где заражают полным безразличием к истине, верности церкви, о каком-то совершенно диком стиле богослужения, о нравственной вседозволенности.

Первое впечатление: культурный шок. Храм Примиения, в котором проходит богослужение, больше напоминал спортзал с православными иконами. При входе берешь книжечку с песнопениями и усаживаешься прямо на пол – все, действительно, сидят на полу, хотя есть скамьи для пожилых и слишком взрослых.

На молитву собираются три раза в день. Каждая служба длится около часа-полутора. Структура богослужения предельно проста: под очень щадящий аккомпанемент всем храмом поются короткие и запоминающиеся песнопения – фразы из псалмов, священных гимнов, древних богослужебных текстов. Читается отрывок из Писания на нескольких языках, и обязательно, на каждой службе – десятиминутное молчание. Очень необычно и трогательно – три тысячи человек, в основном молодые люди, – молчат, сосредоточенно и молитвенно безмолвствуют.

Вообще, в Тэзе молитвенному молчанию уделяется особое внимание. Есть даже специальная программа для молчаливых: можно приехать на неделю пожить в «доме молчащих мальчиков» или «молчащих девочек» – принимаешь обет молчать неделю, жить в отдельном

доме и ходить на библейские занятия для безмолвников. Очень полезно.

Кстати, о полезном. Следующее впечатление, которое всегда на пользу русскому человеку, – слишком много добрых верующих людей – сочетание и само по себе необычное, но для меня было настоящим потрясением увидеть людей другой национальности, другой конфессии, но – искренне верующих, горячо молящихся и благочестивых. И при этом – молодых людей.

Каждый раз в Тэзе я с отрадой и благодарностью наблюдаю за ребятами из разных стран – у них горят глаза, у них просветлённые лица. Школьники, студенты – обычные парни и девушки, современные, нормальные и весёлые, но живущие горячей верой во Христа, с чуткостью к религиозным вопросам, с огромным желанием трудиться в церкви, поступить в монастырь, стать священником или просто молиться и молчать, помогать людям, делать мир лучше и добрее, мирить людей.

Таких ребят у себя дома я вижу всё реже и реже. Их было немало в начале девяностых, когда наши храмы обрели новую жизнь. Но дело не в этом.

Нам, русским православным людям, ещё не отвыкшим от изоляции, очень полезно общение с настоящими верующими и благочестивыми людьми других конфессий. Да и вообще, христианам следует держаться друг друга.

Там тоже есть верующие, есть подвижники, мученики и исповедники, старцы и молитвенники. Они любят Христа. Они изучают Писание и творения Отцов, молятся, причащаются, несут послушания в монастырях, отправляются в миссионерские – очень опасные – путешествия, совершают паломничества, дают обеты, жертвуют на храмы и помогают бедным, порой лишая себя самого необходимого.

И сами братья общины Тэзе – подлинные подвижники. Хотя вы не сразу сможете опознать монаха Тэзе среди множества гостей обители. Дело в том, что брат Роже проповедовал простоту, нищету и труд, поэтому братья носят обычную одежду среднестатистического жителя Европы, где вообще принято одеваться скромно и удобно.

Свою монашескую одежду – длинные белые облачения – братья надевают только в церкви. Узнать в чутком и вежливом молодом человеке брата Тэзе можно по маленькому колечку, которое даётся брату после принесения обетов безбрачия, нищеты и следования Христу.

Один из братьев рассказывал мне, что обычай вручать кольцо был заимствован братом Роже у бенедиктинцев. Кольцо давалось как символ примирения блудного сына с милосердным и всепрощающим отцом. Монастырь Тэзе это настоящая школа монашества, укоренённая в древних монашеских традициях, со строгими правилами, с духовным наставничеством и школой молитвы.

А ещё – эти монахи не принимают милостыню. Со всем. Попробуйте ради интереса им что-нибудь подарить. Всё, что нужно для жизни общины, они зарабатывают своим трудом в pottery – гончарной мастерской, где братья изготавливают всякую нехитрую утварь – чашки, тарелки, кувшины или делают знаменитые крестики Тэзе. Люди охотно это всё покупают, потому что сделано это руками Божиих людей, с молитвой, любовью и добротой.

Однако русского человека доброта пугает. Может – вербуют? Пробираются в душу? Подкупают? Хотят охмурить? Из всех моих путешествий Тэзе – единственное место, где у меня не спросили паспорт. А я прожил

там целый месяц. Общался с братией, работал в pottery, изучил местность, освоил расписание. Но там не запираются двери. Никогда. Люди привыкли доверять и учат этому других.

И, кроме того, у братьев, действительно, есть огромная симпатия к русскому православию. За богослужением они часто поют наши православные песнопения – «Богородице Дево, радуйся», «Господи, помилуй», «Во Царствии Твоем», «Святый Боже», в церкви – только православные иконы – Троица, Владимирская, «Сшествие во ад».

Каждую неделю проводятся лекции, или, как тут говорят, workshop'ы по богословию иконы. Есть православная часовня, а в старинной романской церкви XII века, рядом с которой похоронен брат Роже, братья всегда просят отслужить православную литургию, и всегда приходят помолиться и даже помочь с пением.

При этом в Тэзе всегда подчёркивают, что православные могут причаститься только на православной литургии, а католики на католической мессе, а если вы протестант, то можете просто взять кусочек благословенного хлеба, раздаваемого после утренней молитвы.

Никаких совместных литургий и безответственных причащений здесь нет. Молятся все вместе, и в этом нет ничего плохого. К тому же, молитва – вещь трудно фиксируемая, молишься ты сейчас или нет – знает один Бог, а запрет апостольского правила на молитву с еретиками имеет евхаристический характер – это запрет на совместное причащение, если наши церкви всё еще не едины.

Так что не бойтесь – вас никто не завербует. Задача Тэзе в другом – научить людей общаться, дружить,

видеть и слышать друг друга. И здесь – ещё один момент, пугающий русского человека – обязанность общаться.

Мне приходилось часто бывать на братской трапезе. Это своеобразный ритуал. После молитвы включают запись хорошей классической музыки. Братья и гости вкушают молча, спокойно и кротко передавая скромную монашескую стряпню – готовят братья сами, и надо сказать, не всегда получается, хотя к этому тоже относятся просто. В какой-то момент музыка прерывается и каждый принимается беседовать с соседом или приглашённым гостем.

Это не просто вежливость – это важно понять, это духовное упражнение, одно из упражнений, которое помогает христианам нести служение примирения. Каждый христианин должен постоянно учиться общаться, совершать труд понимания, уметь слушать и прилагать силы на то, чтобы быть правильно понятым.

Отсюда и внимание братьев Тэзе к изучению иностранных языков. Я встречал братьев, знающих более десятка языков и на очень хорошем уровне. Это не для славы или спортивно-научного интереса. Для человека, посвятившего себя служению примирения это профессиональная необходимость. Как ты поймёшь человека другой веры, культуры, мировоззрения, если сперва не потрудишься освоить его родной язык? И это один из уроков, которые неплохо бы освоить и нам, русским православным людям.

Нам есть чему учиться у других. Есть и чем поделиться. Только пора отвыкать от изоляции, испуга и самомнения. Мы должны осознать, что служение примирения – обязанность каждого христианина.

Пусть наши церкви разделены, народы недоверчивы, политики упражняются в ненависти. Нам, детям Христа, нельзя просто ждать, пока наши богословы или иерархи выправят ситуацию, исцелят многовековые церковные раны.

Богословы погружены в исследование тонких и малопонятных тем и среди них уже давно существует и не оспаривается хороший и плодотворный «научный экуменизм». А иерархи заняты выяснением вопроса «преждеседания на сонмищах». А что делать нам, простым верующим людям? Закрыться в испуге или учиться дружить в доверии и доброте? Доброта, доверие и молитва простых людей могут очень много.

Мы просто обречены на этот труд – доверия, примирения, молитвы – хотя бы среди друзей и близких, знакомых, соседей – пусть другой веры, другой национальности – подлинная доброта – самое сильное лекарство для истерзанных душ.

Говоря о Тэзе, не могу обойти стороной и невероятную, невиданную скромность этих людей. Каждый вечер я приходил на могилу брата Роже у романской церкви. Великий человек, основатель известного движения, на отпевании которого присутствовал президент Франции и целый сонм известнейших людей. Он лежит в бедной могилке, украшенной простыми цветами и маленьким деревянным крестом, на котором по вечерам любила греться флегматичная бургундская улитка.

В свой первый приезд в Тэзе я никак не мог сориентироваться – где здесь старший, кто из них настоятель монастыря? – нет особых почестей, знаков отличия, «священных» кресел и высочайших трибун. Старший из братьев садится за трапезу в середине длинного стола и кушает то же, что и остальные, а за столом могут

прислуживать уважаемые и авторитетные братья – подавать на стол, прибирать посуду. Трудиться – не стыдно. Скромность и простота – во всём. И – сам воздух пропитан добротой, любовью, милосердием.

Ну, всё. Пропал монах. Поехал в Европу «продавать веру», и вот теперь сеет соблазны. Соглашусь только с тем, что я действительно пропал.

В Бермудском треугольнике исчезали корабли. В Бургундском треугольнике – в святой земле Тэзе – люди остаются навсегда, потому что, раз побывав в этой обители, ты оставляешь там частицу своего сердца, живую часть себя самого, и ты уже никогда не будешь прежним. Место, где нет чужих, где исчезают многолетние страхи и привычные тревоги – разве можно его забыть?

Не часто я бываю в Тэзе. Может быть, ещё и потому, что я там уже навсегда, и с этим ничего не поделаешь. Да и надо ли?

**ХРИСТИАНСКОЕ
МОНАШЕСТВО НА ЗАПАДЕ**

Диакон Максим Юдаков

Максим Александрович Юдаков родился в 1987 году в Москве. С 1999 по 2013 г. нес различные послушания в храме Успения Пресвятой Богородицы в Вешняках г. Москвы. В 2010 году окончил Богословский факультет Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) со степенью магистра теологии. После чего работал в том же университете преподавателем литургики и ведущим специалистом Практического отдела.

В 2013 году занял должность референта в Финансово-хозяйственном управлении Московского Патриархата. С 2013 по 2015 год нес послушание старшего иподиакона епископа Подольского Тихона в храме святителя Николая в Хамовниках г. Москвы. В 2015 году рукоположен в сан диакона ко храму в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной роще г. Москвы. В том же году был приглашен на работу в Православный Свято-Тихоновский богословский институт (при богословском факультете ПСТГУ) в качестве старшего наставника Тьюторской службы, сотрудники которой участвуют в подготовке студентов к пастырскому служению.

Сфера научных интересов – историческая литургика, литургическое и пастырское богословие. Автор нескольких научных и популярных публикаций: Молитвы священника перед Литургией в русских Служебниках // Сборник студенческих научных работ ПСТГУ (2010); Порядок употребления в Русской Церкви архиерейского омофора за Божественной литургией (исторический анализ) // Богословские труды (2013); Без чего невозмож-

но наше спасение? // Троицкий вестник (2014); Литургический комментарий // Волонтерская работа: духовно-просветительские акции (2014); Патриарший чин литургии XVII века // Христианское чтение (2015).

МОНАСТЫРЬ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ В ДУМЕНЦЕ

Бенедиктинцы являются древнейшими представителями монашества на христианском Западе. Основателем западного монашества традиционно считается преподобный Бенедикт (Венедикт) Нурсийский (ок. 480–547 гг.), составивший общежительный устав на основе западной и восточной аскетических традиций (творения Пахомия Великого, Василия Великого, Иоанна Кассиана Римлянина, Августина, анонимный монашеский устав «Правила учителя»)¹. Святой Бенедикт основал к югу от Рима монастырь Монте-Кассино, насельники которого способствовали распространению Устава святого Бенедикта по всей Европе. В эпоху Средневековья из среды бенедиктинцев вышли независимые монашеские ордена – цистерцианцы, доминиканцы, францисканцы и другие. Только в 1893 г. Папа Римский Лев XIII объединил все бенедиктинские монастыри в одну конфедерацию и присвоил ей наименование «Орден»².

Монахи-бенедиктинцы принимали активное участие в евангелизации Европы, их аббатства становились

¹ См.: Турилов А. А., Зайцев Д. В. Венедикт Нурсийский // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 584.

² См.: Усков Н. Ф., Чернов В. В. Бенедиктинцы // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 611.

центрами распространения христианства. В настоящее время монашеские общины продолжают деятельность в различных областях науки и культуры, занимаясь изучением литературы, музыки, архитектуры, живописи, осуществляя активную миссию в странах Африки и Азии.

Данный очерк посвящен истории и описанию повседневной жизни одной из таких бенедиктинских общин, подвигающейся в Северной Италии. Это обусловлено тем, что мы, православные христиане, живущие в России, мало знакомы с традицией западного монашества, основанного на древнем наследии святого Бенедикта Нурсийского.

История общины

История общины Пресвятой Троицы начинается в древнем аббатстве Успения Пресвятой Богородицы в Пралье³ (регион Венето, провинция Падуи). В 1989 году было принято решение о создании нового бенедиктинского монастыря на территории епархии Милана. С этой

³ Бенедиктинское аббатство Успения Пресвятой Богородицы в Пралье (Abbazia Benedettina Santa Maria Assunta di Praglia) было основано в XI веке. Долгое время монастырь был центром сельского хозяйства в Падуе. На протяжении XIX века в связи с итальянскими войнами монастырь несколько раз закрывался. Окончательное возобновление монашеской жизни в обители началось в 1904 году. С 1951 года монастырь является одним из центров в области реставрации рукописей и редких книг (см.: *Tamburino G. Il Restauro del Libro dell'Abbazia di Praglia 1951–2001. Bresseo di Teolo, 2001*; также см.: *Carpanese C. Praglia // Dizionario degli istituti di perfezione. Roma, 1983. Vol. VII. P. 414–418*).

целью была организована группа из десяти монахов аббатства, которые были направлены к миланскому архиепископу Карло Марии Мартини. Прежде чем найти постоянное место для проживания, община в течение 12 лет (1993–2005 гг.) арендовала здания монастыря святого Иоанна Крестителя в Вертемате (регион Ломбардия, провинция Комо)⁴, находящийся в частной собственности. Высокая арендная плата, ограниченные доходы и невозможность принимать паломников заставили общину начать поиски другого места для монашеской жизни. В 2002 году в двенадцати километрах от итальянского города Луино (регион Ломбардия, провинция Варезе) в коммуне Думенца было приобретено место для создания нового монастыря. В 2005 году община окончательно переехала на обустроенную территорию. 11 апреля 2006 года кардинал Диониджи Теттаманци, следующий миланский архиепископ после кардинала Мартини, освятил монастырь.

⁴ Аббатство святого Иоанна Крестителя в Вертемате (Abbazia di San Giovanni di Vertemate) было основано в 1084 г. клунийскими монахами. В эпоху Наполеоновских войн в Италии (1796–1797 гг.) обитель с прилегающими территориями стала частной собственностью, а монахи были изгнаны из монастыря. Во второй половине XX века монастырь был восстановлен. (См.: *Loi R. Il priorato Cluniacense di San Giovanni Battista di Vertemate. Como, 2011*; также см.: *Chierici S. La Lombardia // Italia Romanica. Milano, 1991. Vol. 1. P. 323*.) С 1993 по 2005 год между монахами-бенедиктинцами и владельцами аббатства был заключен договор аренды. В настоящее время монастырь закрыт и не используется.

Местоположение и монастырский комплекс

Монастырский комплекс расположен на высоте 1000 метров в Альпах недалеко от вершины Монте Лема вблизи швейцарской границы. В связи с таким расположением безусловными достоинствами этого места являются тишина, чистый воздух и первозданная природа. Кроме монастыря в этом горном районе есть несколько домиков местных жителей и небольшая туристическая гостиница, откуда открывается замечательный вид на лежащие внизу поселения и Лаго-Маджоре, второе по величине озеро в Италии.

Проект монастырского комплекса включает в себя базилику, основной корпус, домики для гостей, место для палаточного лагеря и место для прогулки.

В настоящее время полностью оборудован основной корпус, домики для гостей, место для палаточного лагеря и место для прогулки. Основной четырехэтажный

корпус имеет квадратную форму с внутренним двориком в центре. На цокольном этаже здания находится гараж для автомобилей и хозяйственной техники. На первом этаже располагается монастырская церковь, вмещающая до 60 человек, трапезная, кухня и склад, реставрационная мастерская, зал заседаний капитула⁵. Второй этаж предназначен для паломников. Здесь – прихожая, гостевые комнаты, лекционный зал, небольшие комнаты для личной беседы со священником, зал для отдыха. Также на этом этаже находится монастырская библиотека с читальным залом и иконописная мастерская. На третьем этаже живут монахи, расположены административные помещения и комната отдыха для монахов. Комнаты четвертого этажа отведены для послушников и паломников, пребывающих в монастыре длительное время.

Помимо основного здания на монастырской территории построены два летних двухэтажных домика для гостей, приезжающих большими группами. Как правило, это школьники, скауты или студенты, которые желают познакомиться с монашеской жизнью. Каждый домик имеет несколько спальных комнат и небольшую кухню.

Братия

В настоящее время община бенедиктинцев, проживающая в монастыре Думенцы, насчитывает одиннадцать человек. Трое из них имеют священный сан. Мо-

⁵ Капитул – собрание всех членов обители, принесших вечные обеты, с целью решения важных для данной общины вопросов (см.: *Шишова Т.* Капитул // Католическая энциклопедия. Т. 2. К. 785–788).

Братия монастыря

*Третий справа стоит автор статьи
диакон Максим Юдаков*

нашество – очень ответственный жизненный шаг, поэтому среди братии нет слишком молодых людей. Младшему монаху – больше 30-ти лет.

На время богослужений монахи надевают белую одежду с широкими рукавами, напоминающую привычную нам рясу, но с капюшоном. Повседневной же одеждой монаха-бенедиктинца является черный подрясник с капюшоном или его укороченный вариант – специально пошитые синие или черные рубашки также с капюшоном. Таким образом монашествующие даже в повседневной обстановке никогда не забывают о своем образе жизни.

Католические монахи должны быть обязательно коротко пострижены. По желанию и с дозволения настоятеля могут носить аккуратно подстриженную бороду.

Молитва

Молитва занимает центральное место в жизни любого христианина. Следуя призыву апостола Павла непрестанно молиться (1 Фес 5:17), каждый монах обязан уделять время на молитву несколько раз в сутки.

Помимо личной молитвы существует также молитва общественная. Миланская епархия, на территории которой располагается монастырь, придерживается т. н. Амвросианского обряда, корни которого уходят ко времени епископства святителя Амвросия Медиоланского. Но поскольку монахи принадлежат к ордену Бенедиктинцев, который канонически не входит в юрисдикцию местного епископа, традиционно все богослужения у них совершаются по Римскому обряду.

Интерьер храма

Как и у восточных христиан, в Католической церкви существует суточный круг богослужения, молитвословия которого представлены в книге «Литургия часов». Кроме того, обязанность ежедневного исполнения литургии часов согласно каноническому праву Римо-Католической церкви возлагается на каждого клирика и монаха⁶. Часть литургических текстов читается, остальные исполняются братией антифонно или респонсорно. Антифонное пение предполагает исполнение псалма или канта несколькими хорами, поэтому монахи в пресвитерии⁷ делятся на две части, располагаясь

⁶ См.: Павел VI, Папа Римский. Конституция «О Священной Литургии». Гл. IV. Ст. 96.

⁷ Пресвитерий – в западной христианской традиции алтарная часть храма (см.: Беляев Л. Пресвитерий // Католическая энциклопедия. Т. 3. К. 1756–1757).

справа и слева от алтаря⁸ друг напротив друга. В респонсорном пении попеременно участвуют солист и хор.

Почти все службы суточного круга имеют похожую схему:

1. вступление;
2. пение 2-х псалмов и ветхозаветного или новозаветного гимна с антифонами;
3. чтение из Св. Писания с стихом из псалма;
4. песнь из Нового Завета⁹ с антифоном;
5. краткие моления о мире, Церкви, живых и усопших;
6. пение молитвы «Отче наш»;
7. заключительная молитва;
8. отпуст.

Для монахов предусмотрен особый распорядок дня, в основе которого лежит древний Устав святого Бенедикта. О начале и завершении молитвы, послушания или трапезы всегда предупреждает колокол (стоит отметить, что почти все храмы и монастыри современной Италии имеют автоматическую электронную систему колокольного звона).

Шесть раз в неделю день бенедиктинца начинается в пять утра, а по воскресеньям и великим праздникам в половине седьмого.

В 5:30 в монастырской церкви начинается служба чтений, по времени совершения соответствующая православной полунощнице. Отметим здесь, что священ-

⁸ Алтарь – в данном случае евхаристический жертвенник, т. е. престол (см.: *Беляев Л. А.* Алтарь // *Православная энциклопедия*. М. 2001. Т. 2. С. 54–55).

⁹ Для утрени – песнь священника Захарии (Лк 1:68-79), для вечерни – песнь Богородицы (Лк 1:46-55), для повечерия – песнь праведного Симеона (Лк 2:29-32).

ники (даже предстоятель) не возлагают на себя литургических облачений на время богослужений суточного круга.

По окончании службы чтений, в монастырской трапезной бывает легкий завтрак. Между завтраком и следующей службой отведено около получаса для личной молитвы.

В семь часов утра монахи снова собираются в храме для совершения утрени. Центральным моментом утрени является чтение отрывка из Евангелия текущего дня. Этот евангельский отрывок читается трижды в день – на утрени, евхаристической службе – святой Мессе и вечерне. После богослужения вновь бывает время тишины и личной молитвы.

По будням в 8:30 начинается святая месса, которая, конечно же, не является частью литургии часов, т. е. суточного круга, и потому может совершаться не только утром, но и вечером. Обычно на монастырских богослужениях кроме монахов присутствуют только паломники, которые остановились здесь на ночлег. Но в *воскресенья и праздники* на мессу, которая начинается в 10:00, съезжаются жители окрестностей.

Мессу возглавляет один из монастырских священников. Он облачен в альбу (подризник или стихарь), пояс, стóлу (епитрахиль) и казулу (фелонь). Сослужащее духовенство может быть одето только в альбу и столу. Только лишь в дни великих праздников все служащие священники имеют полное облачение.

Как правило месса совершается только священниками без диакона. В монастыре это обусловлено тем, что среди братьев нет монаха в сане диакона. Вообще, стоит отметить, что наличие диакона за богослужением – явление нечастое. Диякон, скорее, атрибут торжественной

Во время мессы

или епископской службы. Обязанности диакона за богослужением слишком малы, так что чисто практически вполне возможно обойтись и без него. И все же автору статьи представилась возможность видеть порядок действий диакона на мессе, когда один из паломников, брат-капуцин¹⁰ в диаконском сане, участвовал в мессе.

Этот порядок следующий:

1. диакон входит в храм вместе с предстоятелем (сослужащий священник ждет уже в пресвитерии);
2. берет благословение у пресвитера на чтение Евангелия, преподает мир, совершает каждение Евангелия и читает Его;
3. готовит вино (сам вливает воду в потир) и хлеб на алтаре перед Евхаристической молитвой, после чего совершает каждение предстоятеля и молящихся;

¹⁰ Капуцины – монашеский орден, представляющий собой одну из трех ветвей ордена Францисканцев (см.: *Спирит В., Баранов И.* Капуцины // *Католическая энциклопедия.* Т. 2. К. 791–797).

4. возносит чашу (священник – патену¹¹ с гостиями¹²) в конце евхаристической молитвы;
5. призывает приветствовать друг друга после молитвы «Отче наш»;
6. причащается сразу после священников;
7. преподает чашу народу;
8. в конце мессы произносит: «Месса окончена, идите с миром»;
9. уходит из храма вместе с предстоятелем (сослужающий священник остается в пресвитерии).

По пятницам Великого Поста, согласно монастырскому уставу, служить мессу не положено, поэтому она заменяется пением третьего часа.

В 12:15 монахи собираются на шестой час, сразу после которого в трапезной начинается обед. После обеда отводится некоторое время для отдыха.

В 14:45 по будням Великого Поста и Адвента¹³ в церкви бывает девятый час, в остальные дни это служба вычитывается келейно.

Когда трудовой день окончен, в 17:45 монахи вновь собираются в храме для совместной безмолвной молитвы, а в 18:00 совершается вечерня, после которой бывает отдых и ужин.

¹¹ Патена – в западной христианской традиции один из евхаристических сосудов, представляющий собой блюдо. Соответствует православному дискусу (см.: *Сахаров П.* Патена // *Католическая энциклопедия.* Т. 3. К. 1342).

¹² Гостия – распространенное в западной традиции название евхаристических Даров (см.: *Ткаченко А. А.* Гостия // *Православная энциклопедия.* М. 2006. Т. 12. С. 185).

¹³ Адвент – в западной традиции литургическое время, предшествующее празднику Рождества Христова, являющееся периодом подготовки к нему верующих и начинающее литургический год. (*Прим. ред.*)

Особенностью вечерни является момент, в который каждый из монахов или паломников, присутствующих за богослужением, может произнести вслух свою личную краткую молитву о живых или усопших, о событиях, происходящих в мире или о чем-либо другом. Таким образом, все предстоящие могут поучаствовать в молитве другого человека.

В 21:00 община собирается в церкви на последнюю службу уходящего дня – повечерие. Накануне воскресений и праздников вместо повечерия с 22:00 до 23:00 монахи служат вигилию, соответствующую восточному всенощному бдению.

Кроме этого, в монастыре существуют интересные неримские богослужебные особенности, заимствованные из других литургических традиций. Так, например, в течение всей святой Четыредесятницы по окончании вечерни монахи коленопреклоненно читают молитву святого Ефрема Сирина, а по средам четырех первых седмиц служат сокращенное повечерие по византийскому обряду с пением Великого канона преподобного Андрея Критского.

В понедельник пасхальной седмицы вместо шестого часа совершается особый богослужебный чин – «Беседа благоразумного разбойника с херувимом», происходящий из сирийской восточной традиции. Чинопоследование представляет собой диалог между двумя монахами, один из которых изображает херувима – стража врат Царства Небесного, а другой символизирует разбойника, исповедавшего перед своей смертью Иисуса Христа. Диалог перемежается пением хора. «Херувим» не пускает «разбойника» в Рай до тех пор, пока последний в качестве доказательства своей правоты не показывает крест – орудие спасения всех людей.

Трапеза

Монастырская трапезная представляет собой просторное помещение. Обеденные столы расставлены так, что образуют собой букву «П». За центральным столом сидят старшие монахи – настоятель, его заместитель и старейший монах, за столами справа и слева раздельно располагаются монахи и паломники. Гостей, кем бы они ни были по социальному статусу, согласно традициям гостеприимства, усаживают на самые почетные места. Так, например, в аббатстве Пральи паломников приглашают разделить трапезу за главным столом с аббатом.

В монастырской трапезной

Умеренная и скромная трапеза бывает три раза в день. И хотя современный пост в Католической церкви не предусматривает обязательного воздержания от

вкушения мясной, молочной или рыбной пищи, в монастыре существуют дни, когда пост в той или иной форме все же есть. По средам и пятницам не вкушают мясную пищу, по средам Великого Поста предусмотрен легкий ужин – чай и хлеб с сыром, а по пятницам ужин и вовсе отменяется. Вино в постные дни к столу не подается.

Завтракают братья между службой чтений и утреней. Это, как правило, кофе или чай с печеньем или булочками. Посуду после завтрака принято убирать за собой каждому, так что порой можно увидеть, как почтенный священник или епископ моет за собой посуду.

После шестого часа – обед, во время которого бывает чтение, состоящее из трех частей: Ветхий Завет, газетные или журнальные статьи, глава из Устава святого Бенедикта. По окончании обеда один из братьев имеет особое послушание – пригласить гостей на традиционную чашечку итальянского кофе.

Во время ужина в будние дни читают книгу богословского содержания, а по воскресеньям вместо чтения за вечерней трапезой слушают классическую или духовную музыку. В праздничные дни после краткого чтения разрешается поговорить друг с другом за трапезой.

Пищу здесь готовят монахи вкусно и по-домашнему. Начинается и завершается трапеза по звону колокольчика. Перед едой старший на трапезе произносит молитву (свою на каждый день года), а по окончании «Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу», на что все остальные отвечают «И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!».

Труд

В монастыре Думенцы, как и в любом монастыре, большое внимание уделяется послушаниям. Каждый монах шесть часов в день – три часа до обеда и три после, занимается посильной работой. Одни трудятся в реставрационной мастерской, другие на кухне, третьи в саду. Надо сказать, что в общине довольно большое разнообразие работ.

Ежедневно монахи-повара Ильдефонсо и Джованни заняты приготовлением пищи на кухне. Однако в уборке посуды после трапезы участвует вся братия. И послушники, и настоятель вместе убирают со стола, моют и вытирают посуду. Как было указано выше, трапеза сопровождается чтением назидательной литературы. В этом послушании монашествующие также придерживаются принципа равенства, поэтому всякий брат, обладающий хорошей дикцией, может читать за трапезой.

Брат Лино, крепкого телосложения и с могучими руками, руководит хозяйственной работой в монастыре, но и ему по мере сил помогают остальные насельники.

Монах Андреа, (который также несет послушание эконома общины), под руководством брата Николы, который уже более 50-ти лет на монашеском пути, трудятся в реставрационной мастерской – реставрируют и переплетают манускрипты, старинные и современные

*Отец Ильдефонсо
за приготовлением пищи*

*Брат Никола и брат Андреа
в реставрационной мастерской*

книги. Опыт реставрации книг был перенят монахами из аббатства в Пралье.

Брат Роберто, посвятивший несколько лет изучению православия и русской иконографической традиции, теперь и сам занимается иконописью, делая иконы для своей общины и частных лиц. Было непривычно видеть надписи латинскими буквами на «византийских» иконах. Монаху Роберто помогает в иконописной мастерской послушник Давиде.

Особое внимание стоит уделить богатой монастырской библиотеке, которая создана трудами первого настоятеля монастыря – отца Адальберто Пьовано. И теперь, когда отец Адальберто уже не является настоятелем, он по прежнему продолжает увеличивать фонд

Иконописная мастерская

библиотеки. Ему в этом помогает послушник Альберто. Среди многочисленных изданий особенно выделяются книжные собрания на самых разных языках по патристике, литургике, библеистике, искусству, истории Церкви и Итальянского государства, ориенталистике, агиографии. Отдельное место занимает классическая мировая художественная литература.

Круглый год братия принимает в обители паломников. И хотя, как правило, паломники стремятся увидеть какие-либо христианские святыни – чудотворные иконы, мощи святых или другие реликвии, всего этого «типичный» паломник здесь не найдет. В это уединенное место люди приезжают для молитвы, духовного созерцания и утешения. Кроме того, братия часто предлагает паломникам лекции и семинары на темы Священного

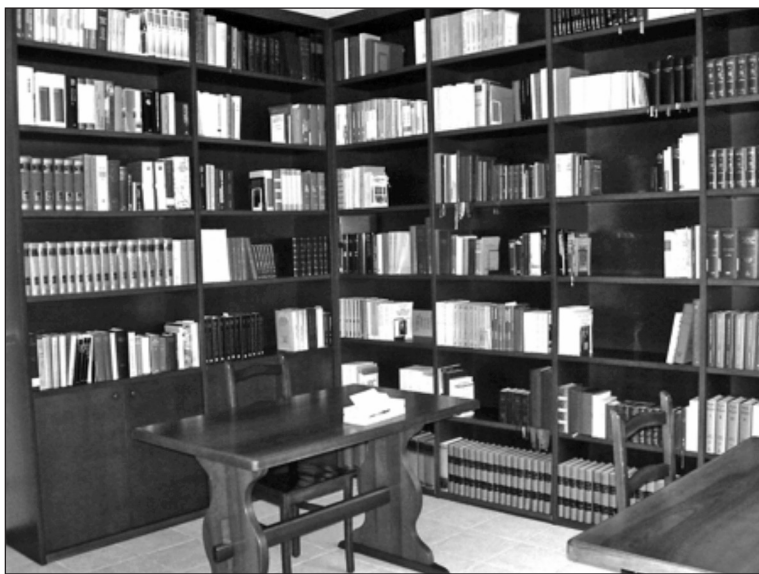

*Освящение икон, написанных учащимися
школы иконографии, действующей при монастыре*

Писания, аскетике, церковной истории, патрологии, иконографии, устраивает просмотры кинофильмов с последующим обсуждением. Послушание ответственного за гостеприимство несет брат Пьерантонио.

Пожертвования, получаемые от написания икон, реставрации книг и гостеприимства – основная форма дохода для поддержания общинной жизни в монастыре.

Периодически монахи посещают краткосрочные или длительные курсы духовных упражнений, научные конференции и лектории. Каждую пятницу один из братьев проводит лекцию на тему грядущего воскресного евангельского чтения. А в свободное от послушаний время некоторые из братьев пишут статьи и монографии в самых разных областях христианской истории

Один из залов библиотеки

и богословия. Библиотекарь отец Адальберто – автор многочисленных работ по патристике, аскетике и агиографии¹⁴. Настоятель монастыря Лука занимается библистикой¹⁵, а иконописец Роберто написал историческую монографию о монастыре в Вертемате¹⁶.

¹⁴ В числе них такие как: *Santità e monacesimo in Russia*. Milano, 1990; *Monachesimo e mondo. Testimonianze di santità laica nella tradizione spirituale russa*. Milano, 2010; *Ingordigia*. Milano, 2011; *Lussuria*. Milano, 2011; *Accidia*. Milano, 2011; *Avarizia*. Milano, 2012; *Vita di San Sergio di Radonež*. Milano, 2013.

¹⁵ Например, см.: *Ospiti del Risorto*. Milano, 2005; *Una cetra a quattro corde*. Milano, 2004; *Vivere di una promessa*. Milano, 2004.

¹⁶ См.: *Loi R. Il priorato Cluniacense di San Giovanni Battista di Vertemate*. Como, 2011.

Отдых

Согласно Уставу святого Бенедикта, монахам следует иметь умеренность во всем, как в богослужении, так и в работе, поэтому некоторое время может отводиться и для отдыха, а также для личной келейной молитвы. Ежедневно после ужина, кроме постных дней и кануна праздников, братья и гости собираются вместе на общую беседу. Как правило, беседа носит свободный характер. Могут подниматься самые разные темы, начиная с обсуждения интересной книги и заканчивая итальянской политикой.

Некоторые монахи в свободное время любят уединяться, совершая прогулки по окрестным горным тропинкам и даже поднимаясь на вершину горы Монте Лема.

По возможности для монахов устраиваются различные паломнические поездки по святым местам Италии, а также за рубеж – в страны Европы, в Святую Землю и даже в Россию.

В заключение хотелось бы отметить, что в данной статье предпринята лишь попытка описать повседневный быт насельников одного из монастырей западной традиции, жизненной целью которых является поиск Бога и спасение. Эта размеренная, наполненная молитвой и созерцанием жизнь существенно отличается от нашей бурной и суетливой действительности больших городов. Автор статьи сердечно благодарит досточтимого настоятеля Луку и братьев Адалберто, Ильдефонсо, Пьерантонио, Джованни, Николу, Лино, Андреа, Роберто, Давиде и Альберто за оказанное гостеприимство.

*Думенца – Москва, 2016 г.
Фото автора*

К 800-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ДОМИНИКАНСКОГО ОРДЕНА

Сестра Мария Святого Сердца

Сестра Мария Святого Сердца, ОР (Орден Проповедников) родилась в северной части штата Нью-Йорк и выросла на ферме, недалеко от Сиракуз¹. Училась в Mexico Academy and Central School². После окончания, в 1971 году, в возрасте 18-ти лет поступила в доминиканский монастырь святого Иуды в Марбэри³. Находясь в монастыре, заочно изучала философию и богословие. В монастыре сестра Мария несет послушание как органист, певчая, швея; является автором многих статей и книг⁴ о жизни и служении основательницы женской монашеской Доминиканской общины в России – матери Екатерине (Абрикосовой, 1882–1936).

В 2002 году четыре месяца, с июня по сентябрь, провела в России (Санкт-Петербург), где изучала русский язык и русскую культуру.

¹ Сиракузы или Сиракьюс (англ. Syracuse) – город в центральной части штата Нью-Йорк с населением примерно 140 тыс. человек. (Прим. ред.)

² Учебное заведение в штате Нью-Йорк. (Прим. ред.)

³ Монастырь находится в штате Алабама. (Прим. ред.)

⁴ «To Courageously Know and Follow After Truth, The Life and Work of Mother Catherine Abrikosova».

СВЯТОЙ ДОМИНИК И МОНАХИНИ ОРДЕНА ПРОПОВЕДНИКОВ

Считается, что св. Доминик подарил Церкви новый образ монашеской жизни. Его главные черты – апостольское рвение и демократическая форма правления. Но что же за человек был св. Доминик, и что сформировало его как личность?

В 711 г. от Р.Х. большая часть Пиренейского полуострова была захвачена маврами. Завоеватели вынуждали покоренных принимать ислам. С этого времени и вплоть до 1492 г. не стихали сражения, на которые побежденных вдохновляла надежда восстановить царство Христово в Испании. Идеализм христианского рыцарства, жаждавшего завоевать мир для Христа, был одной из основополагающих черт средневековья – периода, в который довелось жить св. Доминику. Рыцари считали себя покровителями Христа – Его Мистического Тела на земле⁵. И не было другого такого места как Испания времен св. Доминика, где этот идеал проживался бы с большей целостностью. Несомненно, эта атмосфера оказала огромное влияние на св. Доминика, и мы увидим это позже. Кроме того, чувство долга по отношению к своим христианским обязанностям и стремление к святому образу жизни были неотъемлемой жизненной составляющей в тех королевствах, из которых состояла Испания. Достаточно обратить внимание на примеры, относящиеся ко времени жизни самого св. Доминика: королеву Беренгарию и ее сына св. Фердинанда III⁶.

⁵ Cf. Fr. Raymond I. Bruckberger, O.P., *The Knighthood of Truth*, The Priory Press, Dubuque, Iowa, 1960.

⁶ Подобно этому, у Доминика были вдохновляющие примеры и в его собственном роду. Так, его двоюродным дядей

Святой Доминик родился в Калеруэге, в королевстве Кастилия, в 1171 г. Его родителями стали Фелис де Гусман и Хуана де Аза, у которых было трое сыновей и одна дочь. По всей видимости, отец св. Доминика часто на продолжительное время отлучался из дома, принимая участие в многочисленных войнах между христианами и маврами. Двое его старших сыновей, Антонио и Манес, уже были рукоположены в священный сан, когда Доминик только родился. Дочь их вышла замуж, и двое из ее сыновей, так же как и брат Манес в конце концов вступили в Орден, основанный св. Домиником. Семья славилась делами милосердия и попечением о бедных и страждущих. «Дом, которым управляли Фелис и Хуана, настолько отличался благочестием и добрыми нравами, что, по свидетельству современников, скорее напоминал монастырь, чем рыцарский замок»⁷.

По достижении семилетнего возраста родители отдали Доминика на обучение в дом дяди по материнской линии – старшего священника Гумиэля д'Изана, а в возрасте одиннадцати лет он был послан в Университет Паленсии, где изучал «свободные искусства» и богословие. Там он прославился не только своим великим благочестием, но и милосердием. Так, например, после одного из сражений, к нему пришла женщина, умоляя о помощи в выкупе своего сына, захваченного маврами. Доминик, к тому времени уже раздавший все свои

был блаженный Петр из Уклеса, основавший военный религиозный Орден рыцарей святого Иакова и меча. Доминиканский Бревиарий, из «Краткого жизнеописания доминиканских святых» (London, Kegan Paul, Trench, and Trübner & Co., Ltd., 1901): <http://breviariumsop.blogspot.com/2013/08/august-8-blessed-jane-of-aza-mother-of.html>.

⁷ Там же.

деньги бедным, предложил отдать самого себя в выкуп за ее сына. Женщина отвергла его предложение.

Епископ города Осмы дон Диего учредил в своей епархии собрание реформированных регулярных каноников, живущих по уставу св. Августина. Прослышав о святом образе жизни, которым стремился жить Доминик, он пригласил его вступить в собрание его каноников. Доминик, будучи на тот момент 24-х лет от роду, с радостью принял приглашение и вскоре после рукоположения в священный сан был избран субприором – помощником настоятеля монастыря. И, хотя он проводил много времени в молитве, он также приобрел известность как великий проповедник.

В 1203 г. король Кастилии Фердинанд VIII попросил епископа Диего отправиться с дипломатической миссией в Данию. А епископ, в свою очередь, попросил Доминика войти в число сопровождающих его лиц. Одна из их первых остановок была в Тулузе, на юге Франции, и здесь они столкнулись с обстановкой, разительно отличающейся от испанской. Ересь альбигойцев была повсюду. Сам хозяин гостиницы, где они остановились, был пламенным альбигойцем, и Доминик провел в диспуте с ним всю ночь. С приходом зари свет вошел в душу хозяина гостиницы, и он вернулся в католическую веру. Епископ Диего и Доминик продолжили путь. Они выполнили свою миссию, но вместо того, чтобы возвращаться в Кастилию, проследовали в Рим, где подали Папе прошение снять с них обязанности в Осме и отправить их проповедовать Евангелие у половцев. Папа ответил им: «Вашими половцами будут французские еретики. Идите и обратите их в истинную веру!».

Епископ Диего и Доминик встретили 1205 год в составе Ордена Цистерцианцев, которому Папа поручил

проповедовать истинную веру еретикам. Однако их миссия провалилась; еретики не только демонстрировали невероятное упорство, но и часто убивали приезжих проповедников. Вскоре епископу Диего пришлось вернуться в Испанию, чтобы заняться делами своей епархии. Он планировал уйти с епископской кафедры на покой и вернуться в Южную Францию, но, к несчастью, вскоре после возвращения в Испанию, умер. Все остальные вскоре забросили проповедь, так что на протяжении нескольких лет Доминик проповедовал один. Он отказался от должности и звания каноника, создав проповеднический центр в Фанжо, сердце альбигойского движения.

В Средние века одним из способов установить невинность или виновность человека было испытание огнём. И вот однажды еретики предложили св. Доминику пройти это испытание. Они должны были бросить в огонь книги со своим учением, а св. Доминик – со своим. Чьи книги уцелеют в пламени, то учение и является верным. Доминик на это согласился. Все собрались на городской площади и разожгли огромный костёр. Еретики бросили свои книги в огонь, который их немедленно уничтожил. Доминик бросил свои, но они сразу выскочили из огня и неповреждёнными упали на булыжники. Так повторилось три раза. Но, несмотря на чудо, еретики не отказались от своих взглядов.

Однако на следующий день, когда совершалось празднование Памяти св. Марии Магдалины, к Доминику пришли девять женщин. Они сказали, что чудо убедило их, что они обманывались под влиянием заблуждений альбигойцев, а теперь хотят вернуться в Церковь. Однако домашние выгнали их из дома, так что им теперь некуда идти. Кроме того, ни для кого не было секретом,

что еретики мстят тем, кто оставил альбигойство: жгут дома, уничтожают посеы и убивают отступников.

Конечно, св. Доминик знал о том, что ситуация серьёзна и необходима срочная помощь. Как всегда, он воззвал к Божьей Матери. Той ночью 22 июля 1206 года он стоял в окрестностях Фанжо на холме, напротив разрушенной церкви св. Марии в Пруи, с воздетыми к небу руками, вопрошая Богородицу даровать ему знание, как помочь этим женщинам. Внезапно огненный шар сошел с неба и покатился в сторону разрушенной церкви. То же самое произошло и в последующие две ночи. Доминик увидел в этом Божий знак⁸ – ответ Богоматери на его молитвы. Получив разрешение от епископа Фанжо, с помощью друзей он начал восстанавливать церковь и строить жилища для тех, кто поддержал Доминика в его проповеди, – как мужчин, так и женщин. 22 ноября женщины смогли переселиться в построенное жильё и начать монашескую жизнь. Так Пруи стал центром доминиканской проповеди и одновременно первым женским доминиканским монастырём.

Примерно в это же время св. Доминик получил великую помощь от Божьей Матери в своей проповеди, направленной против ереси. Он был по-прежнему одинок в своих усилиях и весьма обескуражен упорством и злобой альбигойцев. И вот, однажды ночью, когда он, как обычно, стоял на молитве в церкви, ему явилась Богоматерь и сказала: «Сын мой Доминик, ты пытаешься сеять Слово Божие на бесплодную почву. Ты должен поступать так, как делал мой Сын, сперва увлажнив сухую землю росой ангельского приветствия». И

⁸ Те, кто приезжает в регион Фанжо – Пруи, могут и сейчас видеть гору, на которой ему явился Божий знак, следы стоп св. Доминика и т.п.

Она дала ему пятнадцать тайн Розария, чтобы размышлять над конкретными событиями из жизни Спасителя и Его Матери. Псалтырь Божьей Матери, то есть 150 повторений молитвы «Ave Maria», известна издревле, хотя временами и предавалась забвению⁹. Но именно эта конкретная форма Розария, состоящая из 15 тайн, приписывается св. Доминику.

В какой бы части Лангедокского региона Франции ни проходила миссия св. Доминика, к ней присоединялись люди, вдохновлённые его примером. Однако многочисленные опасности и почти нулевые результаты деятельности вынуждали многих разочарованно отходить в сторону. Вождём альбигойцев был граф Раймунд Тулузский. 10 сентября 1213 г. король Пьер Арагонский привёл свою сорокатысячную армию, чтобы, соединившись с войском графа Раймунда, атаковать маленькую крепость Мюре. Перед сражением граф Симон и его небольшое войско в 800 человек с молитвой обратились к Божьей Матери, а 12 сентября, когда началась битва, св. Доминик и его единомышленники молились Розарием в часовне. Король Арагонии погиб в сражении, его воины разбежались, а честь победы над альбигойцами по праву принадлежит Розарию Божьей Матери¹⁰. После сражения еретики потеряли контроль над Лангедоком.

⁹ Как говорит традиция, монахи египетской Фиваиды возносили 150 ангельских приветствий – 15 раз по десять. Преподобный Серафим Саровский попытался восстановить эту практику, говоря, что она дана нам Самой Пресвятой Богородицей. Он использовал для медитаций 15 тайн из жизни Пресвятой Богородицы и включил их в ежедневное молитвенное правило для своих духовных дочерей в Дивеевском монастыре.

¹⁰ Об этой победе напоминает фреска в церкви в Мюре.

Когда победители вошли в Тулузу, к Доминику пришёл богатый торговец Пьер Сейла. Он не только решил последовать за Домиником как один из его проповедников, но и предложил ему и маленькой группе его единомышленников свой собственный дом. Получив благословение епископа, Доминик принял его предложение. В это время он уже формулирует устав нового типа религиозной жизни. В 1215 г. вместе с шестью последователями он поселился в этом доме, указав им монашеский путь молитвы и покаяния и заменив ручной труд учёбой и проповедью. Епископ Тулузы был только рад дать этой многообещающей группе своё официальное благословение, равно как и право на проповедь.

Вскоре после этого епископ пригласил Доминика поехать с ним на Четвёртый Латеранский Собор, известный многими важными церковными реформами. Доминика представили Папе Иннокентию III, и Папа с радостью выслушал его идеи об учреждении монашеского ордена проповедников. Доминик имел при себе написанный им устав, однако Папа напомнил, что Собор запретил учреждать новые религиозные объединения. Как бы то ни было, если они готовы были придерживаться одного из уже существующих уставов, их можно было одобрить. Позже Папа написал Доминику и его последователям письмо и адресовал его «Господину Доминику и братьям¹¹ проповедникам», тем самым давая имя их Ордену, которое они должны были принять¹².

¹¹ По латыни это *Fratrum Predicatorum*.

¹² Хотя они и назывались братьями, св. Доминик с самого начала хотел, чтобы его Орден состоял из священников, потому что проповедь подобает священному сану.

Вернувшись в Тулузу, св. Доминик собрал братьев, и они избрали для себя устав св. Августина, по которому св. Доминик уже жил и который хорошо подходит для апостольского образа жизни. К нему легко было прибавить конституцию с последующими постановлениями. Поездка в Рим в декабре 1216 г. принесла письменное благословение Папы Иннокентия III, а в январе 1217 г. новый Папа Гонорий III дал им письменное разрешение именоваться *Ordo Praedicatorum*, или Орденом Проповедников. Теперь они могли официально распространить своё служение на весь христианский мир и за его пределы, не ограничиваясь маленькой провинцией Франции. Поэтому Доминик решил основать свою курию в Риме и продолжать странствия по Европе, учреждая и навещая женские монастыри. В 1219 году Папа Гонорий III передал Доминику и его братьям под генеральную курию церковь св. Сабины¹³.

Ещё в 1207 г. Папа Иннокентий III начал грандиозную реставрацию римской церкви Сан-Систо-Веккьо, при которой он планировал построить большой монастырь, разместить в нем всех монахинь Рима и учредить там единый распорядок монастырской жизни как образец для всей остальной Европы. В 1218 г. он передал этот женский монастырь Доминику с тем, чтобы тот взял выполнение этой задачи на себя. К сожалению, подчиниться распоряжению Папы отказались все монахини, кроме настоятельницы и насельниц монастыря св. Марии в Темпуло. Но и семьи этих последних, узнав, подняли громкий протест, так что большинство монахинь начали малодушествовать.

¹³ И по сей день древняя базилика Санта-Сабина (итал. *Santa Sabina all'Aventino*) – главная церковь Ордена Доминиканцев. (Прим. ред.)

Нимало этим не обескураженный, Доминик стал уговаривать монахинь из монастыря в Темпуло¹⁴ выполнить просьбу Папы. В конце концов, они согласились, но с одним условием: чудотворный образ Мадонны, который был у них в монастыре и который местное население почитало под именем *Salus Populi Romani* (Дева Мария спасительница римского народа), должен был последовать за ними. Это условие было необычным. По преданию, икона была написана св. Лукой и перенесена в Италию, чтобы спасти её от уничтожения иконоборцами. Со временем она оказалась в женском монастыре Санта Мария в Темпуло. Было немало попыток перенести икону в другие места. В X веке Папа Сергий III пытался передать её в Латеранский собор св. Иоанна Крестителя. Однако каждый раз икона таинственно возвращалась на прежнее место. Св. Доминика это не смутило. В первое воскресенье Великого Поста, 28 февраля 1221 года, святой отец, нарушив обычай, заручился поддержкой пяти монахинь, которые отправились в церковь Сан Систо. Следующей ночью св. Доминик возглавил процессию монахинь, которые перенесли чудотворный образ Божьей Матери на её новое место пребывания в Сан Систо. И как же все были обрадованы и удивлены, когда образ не вернулся на прежнее место! Позднее к упомянутым монахиням присоединились три сестры из монастыря Санта Бибиана. К этим насельницам св. Доминик попросил присоединиться и нескольких сестёр из Пруи, чтобы наставить монахинь в доминиканском образе жизни, который он им заповедал.

¹⁴ В течение некоторого времени св. Доминик был их духовным наставником, а в 1219 привёз им в качестве подарка из Испании деревянные ложки.

Примерно в это же время доминиканский женский монастырь был основан и в Мадриде, и св. Доминик назначил своего брата, блаженного Манеса, викарием. По этому поводу он написал мадридским монахиням письмо, и это единственное собственноручное письмо св. Доминика, дошедшее до нас.

В 1218 году блаженный Реджинальд Орлеанский основал в Болонье монастырь для нищенствующих монахинь. Его пламенная проповедь отвратила от мирской жизни и юную Диану д'Анджело. Она воспользовалась своим влиянием на отца, чтобы получить для Ордена церковь Сан Николо в Виноградниках. Когда св. Доминик приехал туда в конце декабря 1218 года, Диана бросилась ему в ноги и стала молить его о том, чтобы он принял у нее монашеские обеты. Она пламенно желала основать в Болонье женский монастырь. Доминик принял монашеские обеты Дианы, поддержал её планы и начал обдумывать возможность их реализации. Но влиятельная семья воздвигла на её пути огромные препятствия, и лишь после смерти св. Доминика его преемник, блаженный Иордан Саксонский, смог построить монастырь для Дианы и других молодых женщин, почувствовавших монашеское призвание. Для начала Иордан послал за несколькими монахинями из Пруи, чтобы те наставили их в доминиканском образе жизни, но, когда этому плану воспрепятствовали внешние обстоятельства, пригласил нескольких монахинь из Рима, из Сан Систо. Одной из них стала блаженная Цецилия, которая в возрасте 17 лет первой в Санта Мария в Темпуло принесла монашеские обеты св. Доминику и вдохновила на это других сестёр.

Св. Доминик тяжело болел в течение нескольких месяцев и 6 августа 1221 года, вскоре по возвращении в

Болонью из одной из своих поездок, скончался. Но к этому времени его Орден уже распространился во многих европейских странах и продолжал быстро расти и после его смерти. На протяжении своей истории Орден, в зависимости от внешних обстоятельств, то процветал, то приходил в упадок. Например, во Франции Доминиканский Орден (наряду с другими) прекратил свою деятельность во время Французской революции. Все женские монастыри, включая Пруи, были разрушены, а монахини небольшими группками рассеялись по домам друзей или родных. Они, как могли, тайно продолжали монашескую жизнь в надежде, что настанет время, когда её можно будет восстановить в полном объёме. И в 1840-е годы уцелевшие монахини смогли начать процесс возрождения доминиканской жизни во Франции.

Доминиканские монахини в Америке. Фонд Марбери

В октябре 1868 года в Доминиканский Орден вступил молодой французский священник отец Дамиан Сен-Туран. По своей глубокой преданности Матери Божией, он в скором времени включился в распространение трудов Ассоциации Непрерывного Розария. Непрерывный Розарий – это часть Братства Розария, основанного в 1629 г. отцом Тимоти Риччи из Ордена Проповедников, ради того, чтобы снискать Божью милость во время эпидемии чумы. Члены Ассоциации приносят обет молиться Розарием по часу в неделю, а руководитель обязан следить за тем, чтобы каждый час каждого дня недели был распределен на одного из участников молитвы. Но сохранить таким образом непрерывность

молитвы удавалось не всегда, ведь у мирян есть и свои обязанности. Отец Сен-Туран почувствовал вдохновение основать созерцательную общину монахинь-затворниц, единственной целью и апостолатом которых было бы непрерывно молиться святым Розарием – непрерывно, т.е. час за часом, днем и ночью. И называться они должны были Почётным караулом Пресвятой Девы Марии¹⁵.

Получив необходимые разрешения, о. Сен-Туран вместе с матерью Розой Пресвятой Марии (Орден Проповедников) из монастыря в Молеоне в 1880 г. открыли в Кале первую общину. Она жила по конституции монахинь созерцания, в которую были внесены некоторые необходимые изменения. Община процветала, однако французское правительство, враждебно настроенное к религии вообще, вынудило многие религиозные организации закрыться и переехать в другие страны. Поэтому сёстры переехали в бельгийский город Лувен.

В 1886 году о. Сен-Турана отправили в Северную Америку, поставив перед ним две задачи: вести миссионерскую проповедь и основать там Ассоциацию Непрерывного Розария. В 1891 г. он наконец смог перевезти некоторых сестёр Непрерывного Розария в Америку, где они открыли свой первый монастырь в Юнион Сити (штат Нью-Джерси). От этого монастыря ответвилось множество сестринских общин, одна из которых – в посёлке Катонсвилл (Балтимор), штат Мэрилэнд.

В то время даже католические институты и религиозные дома в США придерживались принципов расовой

¹⁵ Подробнее историю Непрерывного розария см.: <http://www.dominicanajournal.org/dominican-nuns-and-mary-the-model-of-contemplation/> и <http://www.dominicanajournal.org/the-dominican-nuns-first-american-foundations-part-ii/>.

сегрегации. В 1938 г. матери Марии Иисуса (Орден Проповедников), настоятельнице Катонсвилльского монастыря, было видение. Она увидела, как бунтует толпа озлобленных афроамериканцев. Затем прямо в их гущу, держа в руках Розарий, вошёл св. Мартин де Поррес. Толпа немедленно успокоилась, а св. Мартин указал на гору, где располагался монастырь; там монахини-доминиканки с воздетыми руками молились Розарием. Мать Мария расценила это как призыв основать монастырь, в котором будут вместе жить и молиться представители разных рас. Она поделилась сновидением со своей помощницей матерью Марией св. Доминика (Орден Проповедников), которая поддержала настоятельницу, но не почувствовала призвания принять участие в этом начинании.

К несчастью, вскоре после этого мать Мария Иисуса умерла от рака. А потом в монастырь попросилась молодая афроамериканка. Ей отказали из-за цвета кожи, и мать Мария св. Доминика почувствовала, что надо что-то предпринимать, и немедленно. Этим делом заинтересовалась также новая монахиня, сестра Мария Младенца Иисуса. Заручившись поддержкой новой настоятельницы матери Марии Розария (она возглавила Катонсвилльский монастырь после смерти матери Марии Иисуса – *прим. ред.*) и местного епископа, они написали письмо, адресованное большей части епископов Соединённых Штатов. Во всех ответах, кроме одного, прозвучало решительное «Нет!». Некоторые епископы сочувствовали им и желали успеха, однако в то время ни один из них не был готов решиться на такой шаг. Епископ города Фресно (штат Калифорния) хотел, чтобы они приехали, но у него не было средств помочь им. Обе монахини ждали и молились. Через несколько

лет, в 1941 г. они снова обратились к игуменье своей общины в Катонсвилле (Мэриленд), а также к епископу Балтимора, который был постоянным наместником их монастыря. И епископ, и игуменья благословили мать Марию св. Доминика и сестру Марию Младенца Иисуса еще раз написать американским епископам, с условием, что если и на этот раз ни один из епископов не ответит «да», пусть они забудут саму идею.

Как раз в это время епископ города Мобил (штат Алабама) Томас Дж. Тулен сообщил, что был бы рад принять их, но его епархия находится на миссионерской территории, и он не сможет помочь им материально. К счастью, Бог послал им человека со средствами, разделяющего их видение и готового помочь.

Отец Гарольд Перселл, священник Ордена Пассионистов, боролся с расовой сегрегацией много лет. В 1934 г. он оставил Орден и уехал из Балтимора в Монтгомери (штат Алабама) с тем, чтобы открывать госпитали, школы, мастерские и т.д. для афроамериканцев. А ведь в то время они даже не могли обращаться к докторам за медицинской помощью. Город Святого Иуды (как он его назвал) вырос за пределами большого города, на том месте, где сначала стоял лишь один маленький дом. Друзья поведали о. Перселлу, что когда-то в этом доме жила девушка-инвалид. Она предсказала, что со временем в Алабаме откроется монастырь, где монахини будут непрерывно поклоняться Святым Дарам, и что, когда это произойдёт, начнется обращение Юга. Отец Перселл обратился к друзьям и благотворителям с просьбой жертвовать драгоценности, которые позволили бы ему сделать прекрасную дарохранительницу. В городе св. Иуды была построена церковь, на одной стороне которой находилась решётка. Святой отец поместил

её там для «молящихся монахинь», которых молил Господа послать ему¹⁶. Рядом с церковью о. Перселл надеялся со временем построить монастырь, однако разразилась Вторая мировая война, и строительство пришлось остановить.

Когда друг рассказал ему, что в Катонсвилле есть две сестры, которые хотят создать закрытый монастырь для монахинь всех цветов кожи, отец Перселл поехал познакомиться с ними. Они проработали все планы, и 17 августа 1944 г. мать Мария св. Доминика и сестра Мария Младенца Иисуса поездом отправились в Алабаму. Отец Перселл привёз их в Миссию Св. Духа, где за сёстрами был закреплён старый дом, в котором им предстояло жить до тех пор, пока в Монтгомери не построят монастырь. Сёстрам полюбилась мирная тишина Марбери, и они испросили у епископа Тулена разрешения остаться там. И, хотя их безопасность вызывала некоторое беспокойство, разрешение было дано. Юг по-прежнему был резко настроен против католиков, и, хотя сестры об этом и не знали, законы Алабамы запрещали людям разных рас жить под одной крышей. Да, определенные трудности были, но Бог был с ними.

К ним стали присоединяться те, кто чувствовал призвание к духовному деланию, и, благодаря дарохранительнице о. Перселла, наряду с непрерывным Розарием, сестры получили возможность непрерывной Адорации – поклонения Святым Дарам. Зная по опыту жизни в Катонсвилле, что денег и еды у них никогда не хватает, обе основательницы монастыря с самого начала решили, что будут всецело полагаться на Божий Промысел. Своё служение, помимо постоянной молитвы – покло-

¹⁶ Эту решётку всё ещё можно видеть в церкви города св. Иуды.

нения Святым Дарам и Розария, – они видели в том, чтобы быть присутствием Любви в сердце Юга. И на протяжении семидесяти одного года, с тех самых пор как мы вручили попечение о себе Одному лишь Богу, Он предупреждает все наши нужды – как материальные, так и духовные. Враждебность по отношению к католикам постепенно исчезла, и наши соседи баптисты всегда рады нашему присутствию. Они не меньше других полагаются на наши молитвы.

Доминиканская харизма

В чём состоит Божий дар доминиканцев и Доминиканского Ордена? Поскольку как братья, так и сёстры следуют уставу св. Августина и Апостольским постановлениям, всё, что говорится там, относится и к тем, и к другим¹⁷. Монахини, живя в уединении, проповедь не ведут; их проповедь – это их образ жизни. Как уже говорилось выше, большую роль в жизни св. Доминика сыграл пример рыцарства. Об этом нам прямо говорит официальное название доминиканцев – Орден Проповедников. Во времена св. Доминика существовало много рыцарских религиозных орденов; сам латинский корень, обозначающий порядок – “ordo” – имеет значение «собрание рыцарей». Фактически в то время только рыцари называли себя словом «орден». К монашеским общинам оно не применялось. Св. Доминик хотел, чтобы его духовные сыновья и дочери всецело посвятили

¹⁷ Канонически братья и сёстры относятся к Ордену Проповедников. Те и другие подчиняют жизнь Господу, Пресвятой Деве Марии и Магистру Ордена. Действующие Конгрегация Сестёр, Третий Орден священства и мирян ассоциированы с Орденom и входят в Доминиканскую Семью.

свои жизни спасению душ так же, как рыцари-воины сражались за то, чтобы защитить Царство Христово на земле. Итак, в подражание нашему отцу св. Доминику, о котором современники рассказывали, что он «говорил только с Богом или о Боге», идеал доминиканца – «быть с Богом или свидетельствовать о Нём»¹⁸.

Cum Deo – быть с Богом. Именно это характеризовало св. Доминика. Дни он проводил в разговорах о Боге, а ночи – в разговорах с Богом. Именно это существенно для доминиканца: *contemplare aliis tradere* – созерцать и делиться с другими плодами созерцания. Только в безмолвии созерцания можно обрести единое на потребу – тот «взгляд любви», предназначенный одному лишь Богу, которым животворится вся жизнь доминиканского монаха.

Это стремление всецело быть с Господом, жить для одного Бога ощутимо и в житиях доминиканских святых. Вспомним: когда Господь спросил св. Фому Аквинского, какую награду он хотел бы получить за труды, в которых изъясняются тайны веры, св. Фома ответил: «Только Тебя, Господи!».

Из созерцания вытекают и все остальные особенности образа жизни доминиканцев. Так, молитва, и в частности Божественная литургия, – это сердце нашей жизни. Св. Доминик служил Божественную литургию полным монашеским чином, однако вёл её в хорошем темпе. Идя на проповедь, он иногда пел свои любимые гимны: *Ave Maris Stella* и *Veni Creator*. В остальное время он старался несколько отстать от спутников и глубоко погружался в любовную беседу с Иисусом. Рядом с ним, даже во время многочисленных путешествий,

¹⁸ Fr. M.M. Philipon, O.P., *The Dominican Soul*, 53.

всегда были братья, которые могли служить службы суточного круга.

Из этого следует, что для доминиканцев самое важное – «хвалить Бога, славить Его, благословлять Его и проповедовать Его повсеместно – *laudare, benedicere, praedicare*»¹⁹. Поэтому, хотя доминиканская жизнь утверждается на монашестве, она должна быть одновременно и апостольской: «Идите, научите все народы». Во времена Доминика это была весьма революционная идея; видеть братьев, переходящих из города в город, из монастыря в монастырь, было чем-то новым для тех, кто привык, что монахи живут на одном месте. Но их мотивация вытекала из созерцания: любовь ко Христу вынуждает трудиться для спасения душ. «Что станет с душами!» – постоянно восклицал св. Доминик. Все, кто его знал, отмечали его пламенное стремление спасать души. Об этом рассказывал и Блаженный Иордан Саксонский, его преемник на посту Магистра Ордена: «Он часто возносил к Богу особую молитву о даровании подлинного милосердия, способного трудиться ради человеческого спасения и достигать его, поскольку он полагал, что он будет подлинным членом Христова Тела, только если всецело посвятит себя приобретению душ, подобно Господу Нашему Иисусу Христу, полностью отдавшему Себя ради нашего спасения»²⁰.

Св. Доминик строил монастыри для братьев проповедников не в уединенных местах, как это делают монахи, а в городах, особенно университетских. Ведь очевидно, что проповедник должен иметь хорошее философское и теологическое образование. И учёба, которая у доминиканцев занимает место ручного труда, – это

¹⁹ Fr. M.M. Philipon, O.P., *The Dominican Soul*, 53.

²⁰ Блаженный Иордан Саксонский, the *Libellus*.

существенный элемент нашей жизни. Но и обучение наше должно вытекать из созерцания. Учиться надо не для себя, а чтобы приводить души к Господу. «Усердное изучение священной истины» – это основополагающее средство к достижению цели Ордена, каковой является проповедь Евангелия для спасения душ. И, на самом деле, это сочетание созерцания, учёбы и проповеди есть не что иное как воплощение всей своей жизнью двух заповедей Любви: любить Бога всем сердцем, всею душою и всем разумением и любить ближнего как самого себя.

Четвёртый существенный момент, который заповедал нам св. Доминик, взят из монашеской жизни и предписан уставом св. Августина. Это «правильная²¹» жизнь. Она подразумевает не только совместное проживание и общее имущество, но также послушание, уединение (затвор), бедность, молчание и т.д. – всё то, о чём говорится в Уставе и постановлениях. Подобно прочим установлениям, «правильная» жизнь вдохновляется созерцанием и, в свою очередь, ограждает и защищает созерцание.

Ещё один элемент, позаимствованный св. Домиником у рыцарских орденов, – это избранная им форма правления. В отличие от монашеских орденов, которыми управляют аббаты, св. Доминик избрал демократическую форму правления. Как это было принято в рыцарских орденах, св. Доминик записал в постановлениях, что настоятель зовётся не аббат, а магистр, и поэтому глава Ордена Проповедников называется Великий Магистр. Именно он в первую очередь направляет братьев туда, где они больше всего нужны в битвах за души. Однако правом голоса, наряду с настоятелем,

²¹ От слова *regula*, обозначающего «правило».

св. Доминик наделил также всех членов ордена, принесших обеты. Это называется капитул, и именно они составляют законодательный орган Ордена. В каждом монастыре есть свой капитул, состоящий из всех членов, принесших вечные обеты.

Рыцари не принадлежали себе. Они присягали на верность королю, местному феодалу или, если принадлежали к религиозному ордену, Магистру. Эту самую церемонию св. Доминик сделал частью обряда принесения обетов в Ордене. Рыцарь приносил присягу, вкладывая свои руки в руки хозяина или господина поверх лежащего Евангелия. Подобно рыцарю, брат или сестра, принося обеты, вкладывают свои руки в руки настоятеля или настоятельницы над Книгой постановлений. Вместо меча доминиканец получает Розарий, который, как и меч, вешается с левой стороны. Розарий – главное оружие доминиканцев в борьбе за человеческие души. Даже монашеское одеяние, хабит, похоже на рыцарские доспехи. Как мы уже говорили, св. Доминик был регулярным каноником. Таковые носили белый хабит с опоясанием, а во время молитвы или совершения таинств сверху надевали стихарь. Кожаный пояс в Средние века носили только рыцари. По преданию (как доминиканскому, так и францисканскому), вернувшись во Францию после Латеранского собора, св. Доминик несколько дней провёл со св. Франциском и францисканцами. Св. Франциск, который изначально хотел быть рыцарем, носил кожаный пояс. Перед отъездом св. Доминика они обменялись поясом и опоясанием. Именно поэтому доминиканцы носят кожаный пояс с «мечом», прикрепленным с левой стороны.

Поверх доспехов рыцари носили облачение – мантию или нарамник цветов своего сеньора или рыцарского Ордена, к которому принадлежали. Наш скапулярий был

дан нам самой Пресвятой Девой, когда Она явилась блаженному Реджинальду Орлеанскому. До этого доминиканцы (как и сам св. Доминик) во время проповеди или совершения таинств надевали поверх хабита стихарь. После того, как Богородица вручила Реджинальду белый скапулярий со словами: «Это одеяние вашего Ордена», – скапулярий заменил собой стихарь.

Все ранние документы и свидетельства говорят о том, что Орден возник благодаря предстательству Пречистой Девы Марии. Орден ежегодно отмечает это событие праздником Покровительства Пресвятой Девы Марии над Орденom Проповедников²². Некоторые молитвенные практики обновления своих обетов перед Ней и воспоминания о Её предстательстве были оставлены нам самим св. Домиником. Одна из них – это обычай произносить молитву Ave Maria перед всяким важным делом, будь то собрание капитула, отдых, проповедь, написание писем, испрашивание благословения и т.д. Блаженный Иордан, преемник св. Доминика, ввёл обычай петь в конце повечерия *Salve Regina*. Поётся *Salve* и у смертного одра доминиканца²³. Позже были добавлены и некоторые другие обычаи – такие как пение Литании Пресвятой Деве Марии в субботу вечером после повечерия. Предание гласит, что один из Пап решил упразднить Орден. Орден ответил ежедневной

²² Раньше праздновалось 22 декабря, в день, когда основание Ордена было официально одобрено Папой Гонорием; после литургической реформы празднование перенесено на 9 мая. В этот день Орден и каждый его член обновляет обеты своей посвященности Деве Марии.

²³ Этот обычай установился после мученической смерти блаженного Садока и сподвижников Сандомира. После повечерия братья пели *Salve Regina*, когда монастырь атаковали татары и убили их.

литанией, моля Пресвятую Деву о заступничестве. Вскоре после этого Папу хватил удар, и через несколько дней он умер. Отсюда и пошло выражение: «Берегитесь доминиканцев и их литаний»²⁴. В благодарность Орден сохранил практику пения литании каждую субботу.

С 7 ноября 2015 г. до 21 января 2017 г. Доминиканский Орден отмечает 800-летие своего признания как Ордена. Чтобы возблагодарить Господа и Пречистую Деву, Орден учредил Паломничества Розария²⁵. В каждом доминиканском женском созерцательном монастыре есть дни, когда монахини приглашают других членов Доминиканской семьи приехать и молиться по Розарию вместе с ними. Мы считаем это особенно важным, потому что Доминик, наш святой отец, всегда считал сестёр Ордена сердцем святой проповеди.

*Монастырь св. Иуды
Марбери, штат Алабама
США
Май 2016 г.*

Перевод с английского

²⁴ <http://dominicanidaho.org/litany.html>

²⁵ Ср. <http://www.op.org/en/content/iubileum-02>.

К 500-ЛЕТИЮ РЕФОРМАЦИИ

Герхард Кнодт

Д-р Герхард Кнодт – пастор Евангелической Лютеранской Церкви Германии и член Института Евангелической Аскетики, который находится в Высшей Школе «Augustana» в местечке Нойендеттельзау¹. Член христианского братства Evangelisches Exerzitium (Духовные упражнения), которое вместе с другими братствами, монастырями и монашескими общинами Германии раз в году устраивает всеобщие встречи.

ЖИТЬ И ВЕРИТЬ ВМЕСТЕ – ПРОБУЖДЕНИЕ МОНАШЕСКОЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ В НЕМЕЦКОЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Упадок монашеской жизни в церквях Реформации

На протяжении столетий казалось, что общежительная, связанная уставом монастырская жизнь в рамках лютеранской церкви угасла. В качестве главного свидетельства этому обычно приводили трактат Мартина Лютера „de votis monasticis“ («О монашеских обетах»). Критическую оценку великого реформатора, данную им монашеству своего времени, можно свести к трём основным пунктам:

¹ Нойендеттельзау (нем. *Neuendettelsau*) – коммуна в Германии, в земле Бавария.

– Во времена Лютера решение уйти в монастырь в общественном сознании стояло ещё очень высоко. Считалось, что монашествующие совершали таким образом особо ценный, в глазах Бога, поступок. Но, по мнению Лютера, это противоречит новозаветному учению о том, что человек перед Богом будет оправдан верою, и затемняет его (Рим 3–4).

– Новый Завет не проводит различия между состоянием совершенства, посвящённости и состоянием мирским, светским (*perfectionis/ imperfectionis*), – в отличие от понимания, которое сложилось в христианской церкви, начиная с четвёртого века, – потому что не только монахи, но и все христиане призваны к святости посредством крещения.

– Монашеские обеты, навсегда связывая человека, находятся в противоречии с Писанием, с евангельской свободой и с божественными установлениями, считает Лютер. При этом в браке, напротив, он видит благословлённое Богом состояние, которое не представляет само по себе какого-либо особенного достижения или заслуги, но является исполнением Божьего завета и ожиданием обетования.

Эта критика монашества XVI века с позиций богословия воспроизводит в сжатом виде 27-ю статью так называемого Аугсбургского исповедания (1530)² реформатора Филиппа Меланхтона: «Во времена св. Августина монашеское состояние было ещё свободным;

² Аугсбургское исповедание (лат. *Confessio Augustana*, нем. *Augsburger Bekenntnis*) – самый ранний из официальных вероисповедальных документов, до сих пор являющийся богословской нормой для лютеран. Был выработан Меланхтоном и одобрен Лютером как изложение исповедания веры лютеранской церкви.

впоследствии же, когда были нарушены основы воспитания и научения, были придуманы монашеские обеты, чтобы таким путём, с помощью этих придуманных тюремных стен, возродить церковную дисциплину... Тогда верили, что монашеские обеты равноценны крещению и что монашеской жизнью человек может заслужить прощение грехов и оправдание перед Богом. К этому добавлялось убеждение в том, что монашеская жизнь может обеспечить не только определённые привилегии для оправдания, но и даёт возможность следовать особым путём совершенства, соблюдая не только заветы, но и советы³, заключённые в Евангелии. Таким образом, монашеские обеты оценивались выше, чем крещение... Далее: почему наши противники так ярко настаивают на необходимости соблюдения обетов, не вникая в свойства этих обетов? Ведь обеты должны приноситься в результате свободного, ничем и никем не вынуждаемого волеизъявления.

Потому что христианское совершенство заключается в том, что человек, страшась Бога всем сердцем и всерьёз, в то же время сохраняет в сердце доверие к Богу, надежду и веру в то, что во Христе мы встречаемся с Богом милостивым и милосердным...»

³ Евангельские советы (лат. *Consilia Evangelica*) – в христианской теологии интерпретация слов Иисуса Христа, которые сообщают особый путь совершенства для избранных. Эти советы считаются необязательными для мирян, но необходимыми для монахов (для тех, «кто может вместить» – Мф 19:12): не заповеди, а советы. Во время Реформации концепция «евангельских советов» подверглась критике со стороны протестантов как попытка оправдания сверхдолжными делами помимо веры.

Три евангельских совета: безбрачие (Мф 19:10) бедность (Мф 19:21), послушание.

Именно вследствие этой основательной богословской критики монашеская жизнь в регионах, охваченных Реформацией лютеранского направления, стала приходить в упадок. К концу XV века монашествующие составляли ещё 10 процентов населения. Многие семьи, особенно же богатые, прежде имели обыкновение одного из своих детей отдавать в монастырь. Далеко не все монашествующие, таким образом, жили в монастырях по своей воле и руководствуясь собственными убеждениями. Поэтому, когда послание Лютера распространилось в немецких землях, многие монахи и монахини покинули свои ордена. Прекратился приток даров и пожертвований, благодаря которым часто жили монастырские сообщества. Монастыри пустели и нищали, монашеские общины распускались. Многие монастыри были переоборудованы под школы. Те монахи, которые ещё оставались, поумирали в течение нескольких последующих десятилетий. Прошло ещё немного времени, и монашеский образ жизни стал вообще считаться «неевангельским».

Но, как показал в своём основательно разработанном труде «Церковь и общежительная жизнь» д-р Иоганнес Халькенхойзер (Dr. Johannes Halkenhäuser, „Kirche und Kommunität“), несмотря на критическое отношение к институту монашества как к таковому, Лютер, тем не менее, вполне мог представить себе монастырскую жизнь при определённых условиях (свободно выбранное соблюдение евангельских советов и следование им в течение длительного времени), а в нескольких случаях даже приветствовал сохранение монастырей и оказывал им поддержку.

Тем не менее, положение дел было таково, что, если не принимать во внимание общежительную жизнь в

сфере деятельности некоего Герхарда Терстегена (Gerhard Tersteegen, 1697–1769) и определённые проявления благочестия наподобие «Братской общины» Цинцендорфа (Zinzendorfs Brüdergemeinde), остаётся прийти к заключению, что в Евангелической Лютеранской Церкви монашеской жизни больше не существовало.

Служение диаконис в XIX веке

Возрождение некоторых форм монашеской жизни в рамках нашей Евангелической Лютеранской Церкви началось только в XIX веке с возникновением разного рода заведений – больниц, институтов, благотворительных учреждений и пансионатов под руководством и при участии диаконис.

К этому времени исчезли последние следы личной, имущественной и трудовой зависимости, существовавшие при феодальном строе. Развитие промышленности привело к обнищанию крестьян и ремесленников, и в обществе образовалось четвёртое сословие, сословие рабочих. Многие потянулись из сельской местности в разрастающиеся города или же уезжали далеко, прежде всего, в Америку, так как дома они уже не видели для себя будущего.

Нелёгким было, в частности, положение молодых женщин, которые, в большинстве своём, не получали никакого образования, не имели возможности приобрести профессию и по причине материальной нужды не могли выйти замуж. Эти проблемы привлекли внимание таких пасторов, как Теодор Флиднер (Theodor Fliedner, 1800–1864) и Вильгельм Лёэ (Wilhelm Löhe, 1808–1872). Они собирали нуждающихся в помощи молодых женщин, наставляли их в христианской вере, учили их ос-

новам педагогики и уходу за больными, и эти женщины получали возможность, например, помогать пастору в его работе с членами церковной общины, или становились воспитательницами и учительницами, заботились о сиротах, ухаживали за больными и инвалидами и организовывали пристанища для таких людей. Так Лёз, Флиднер и другие пасторы, откликаясь на социальные нужды своего времени, одновременно возрождали апостольское служение диаконов.

Тогда же появились, так называемые, «материнские дома» (Mutterhäuser), потому что общины, куда посылали этих женщин, были не в состоянии оказывать диаконам необходимую духовную и материальную поддержку, и пасторы – основатели этого движения – стали объединять их в сестричества, которыми руководили настоятельницы. Сёстры-диаконы жили вместе и всё делили поровну, вместе молились и вместе посещали богослужения – конечно, если, совпадая по времени, их работа этому не препятствовала. Однако в церковном руководстве смотрели на них с недоверием, иной раз даже серьёзно противодействовали.

Возникающие тогда евангелические заведения диаконов функционировали подобно тому, как осуществляли свою деятельность католические ордена того времени, занимавшиеся благотворительностью. Если использовать критерии древней Церкви, в то время были заново открыты неотъемлемые элементы киновийной⁴ жизни: регулярное совместное слушание текстов Священного Писания, жизнь в бедности, совместный труд, общая крыша над головой и общие трапезы, духовное руководство, которое получали сёстры, их всецелая преданность Богу. Кроме того, предполагалось пребывание

⁴ Киновия – монашеское общежитие.

в чине диаконы всю жизнь, несмотря на то, что в рамках Евангелической Церкви предпочитали не говорить о «вечных обетах» или «посвящении».

Тем не менее, диаконы получали в процессе конфирмации основательное богословское научение в вопросах веры и постоянно углубляли свои знания. В Нойендеттельзау, например, и сейчас ещё живут под тем же девизом: «Чего я хочу? Я хочу служить. Кому я хочу служить? Господу Богу и Его страдальцам и беднякам. Что я получу за это? Я служу не ради награды и не ради благодарности, но из благодарности и из любви; моя награда в том, что мне это позволено делать! А если я от этого умру? Если я умру, то умру, как сказала Эсфирь, которая ещё не знала Того, ради Которого я могу умереть, но Который мне не даст умереть. А если я состарюсь? Тогда моё сердце будет зеленеть, как пальмовое дерево, и Господь насытит меня милосердием и благодатью. Я иду с миром и ни о чём не беспокоюсь!».

Но в Нойендеттельзау не только служили ближнему, как можно было бы заключить на основании этого девиза диаконис. В «Материнском доме» диаконии не замирала полноценная богослужбная жизнь: «Ритм жизни определяли молитвы по Часослову древней Церкви. Празднование Вечери Господней и возможность личной исповеди были источниками, из которых диаконы черпали силы для своего служения». Ведь случайно пастор Вильгельм Лёз основал в своё время мастерскую по производству церковной парчи и пекарню, где выпекали гостии. «Вся работа диаконии берёт своё начало у алтаря», – говорил он, подчёркивая связь диаконии с богослужением.

Тем не менее, в наше время во многих известных и достойных «материнских домах» диаконис нет новых насельниц. Дело в том, что социальные нужды, подобные нуждам XIX века, практически ликвидированы в результате действия государственных законов социального и пенсионного обеспечения. Уже давно молодые женщины могут беспрепятственно получать образование и приобретать любые профессии. Отчасти и поэтому служение диаконис не имеет уже прежней привлекательности. Но это только внешняя сторона процесса. Решающую роль, пожалуй, сыграл тот факт, что очень большое значение для диаконис имело их служение, их увлечённость делом, их работа. В 1995 году одна старая диакониса из Нойендеттельзау, подводя итоги, пришла к заключению, что, по сути дела, они слишком много сил отдавали своей деятельности и недостаточно глубоко воспринимали молитву и богослужение в качестве необходимой основы духовной жизни.

Это новое понимание задач монастырского общежития утвердилось в других сообществах диаконис, которые и в самом названии своего монастыря используют теперь слово «сообщество» (Kommunität). Пример этого – Сообщество Материнского дома диаконис в Риэне в Швейцарии⁵.

Братства и религиозные сообщества

«На протяжении XX века возникновение монастырей общежительного типа в рамках как лютеранской, так и реформированной традиции (англиканской), шло, условно говоря, тремя волнами. Первая волна пришлась на время перед и после Первой мировой войны, когда

⁵ См. <http://www.diakonissen-riehen.ch/>

в связи с общественным движением и выступлениями молодёжи против политики кайзера Вильгельма, а затем после колоссальных потрясений Первой мировой войны, в период действия нового закона об организации церковной жизни в Веймарской республике и нового направления богословских дискуссий в 20-х годах, отдельные братства объединялись друг с другом – впрочем, без *vita communis*, т. е. без совместного проживания. В качестве примеров можно привести Банауэрское братство диаконии (1906), Молитвенное братство пасторов (1913) и братство св. Иоганнеса Высокой церкви (1929)⁶. Наиболее многочисленным и самым известным среди них было основанное в 1931 году евангелическое Михайловское братство. Эти братства создавались в духе пиетизма⁷ и Великого религиозного Пробуждения⁸ под влиянием литургической ориентации Высокой церкви и при использовании опыта Братства общинной жизни,

⁶ Высокая церковь – направление в протестантизме, стремящееся к сохранению дореформационного традиционного богослужения. Изначально движение Высокой церкви появилось в недрах англиканства, особо подчеркивающее его кафоличность, историческую связь с древней неразделенной Церковью; но позже высокоцерковность приобрела популярность у части лютеранских церквей, например, стало главным направлением в Церкви Швеции.

⁷ Пиетизм – (от лат. *pietas* – благочестие) – направление в нем. протестантизме конца XVII – нач. XVIII вв.

⁸ «Великое Пробуждение» было движением евангелического возрождения, захватившем всю протестантскую часть Европы и британскую часть Америки, в особенности же американские колонии в 30–40-х годах XVIII века... Отвергая ритуалы, церемонии, таинства и иерархию, Великое Пробуждение сообщило христианскому чувству особенную напряжённость и чуткость в том, что касалось вопросов морали и личного спасения...

основанного в 1905 г. в Швейцарии, а также опыта Движения объединённых групп Франка Бухмана»⁹.

По вопросу основания братств и причин их возникновения следует добавить, что довольно часто пасторы на приходах страдали от отсутствия необходимой им помощи. Но как только начиналось где-нибудь оживление религиозной жизни, очень скоро появлялись в общинах и активные миряне. Такое явление можно было наблюдать, например, в Михайловском братстве. Благодаря экуменическим контактам (с англиканским движением Высокой церкви и другими подобными направлениями) мы можем обнаружить недостатки в духовной жизни своей Церкви, в особенности же бедность символов, используемых в ходе евангелического богослужения, мы можем также заново открыть для себя важность Евхаристии и необходимость личной молитвенной практики. Подобным же образом и феноменология религии Рудольфа Отто может способствовать расширению интеллектуально суженного горизонта протестантизма.

Какая аскетическая практика отличает эти братства? Они вновь открыли для себя важные элементы монашеской духовности. Домашняя молитва была снова восполнена общей литургией. Ежедневные молитвы составлялись на основе традиционных молитвословов и брeвиариев. На общих собраниях стали вновь использовать часословы и пение псалмов. Наиболее известный пример таких молитвенных сборников – это молитвен-

⁹ Die Bahnauer Bruderschaft für Diakonie (1906), die Pfarrer-Gebetsbruderschaft (1913), die Hochkirchliche St. Johannes-Bruderschaft (1929), die Evangelische Michaelsbruderschaft, die Bruderschaft vom Gemeinsamen Leben, die , Gruppenbewegung‘ Frank Buchmans.

ник Михайловского братства. В Михайловском братстве был разработан Вильгельмом Штэлином порядок проведения духовных упражнений (Exerzitien), там регулярно проводятся как общие собрания и съезды, так и «дни тишины». И новичков, и просто интересующихся знакомят с духовной жизнью братства и дают им возможность приобщиться к ней наподобие того, как это делают послушники (новиции). В лучшие времена Михайловское братство насчитывало более шести сотен насельников.

Члены такого братства или сообщества и в настоящее время не обязательно живут все в одном месте, но все они связаны друг с другом общим уставом духовной жизни. Если сравнить такой устав с тем разделением на дни, проведённые совместно и проведённые в одиночестве, которое было предложено Дитрихом Бонхёффером¹⁰, то станет ясно, что для многих братств время, отведённое для ежедневного созерцания, или «время молчания» в Оксфордском движении¹¹, и время молитвы составляют одно целое, как и регулярные

¹⁰ Бонхоффер Дитрих. Жить вместе. М., 2003. (Прим. ред.)

¹¹ Оксфордское движение, возникшее в 1833 г. среди англикан Высокой Церкви (High Church) в Англии, которое постепенно развилось в англо-католицизм; у истоков Движения стояли священники-теологи Дж. Г. Ньюмен, Дж. Кибл, Р. Фруд, Э. Б. Пьюзи, утверждавшие, что институт епископства имеет божественное происхождение и авторитет священников базируется на апостольском преемстве, а не на светских установлениях и личной популярности. Также Движение выступало за восстановление утерянных аспектов литургического богословия. В отличие от высокоцерковников XVIII – нач. XIX в. оксфордские теологи отстаивали идею духовной независимости Церкви Англии, считая ее ветвью Вселенской Церкви.

молитвы братьев и сестёр сообщества друг за друга. Примером таких молитв могут служить списки молитвенных прошений Братства пасторов (PGB).

Общины живущих в безбрачии

«Не считая Братского дома Бонхёффера в Финкенвальде (1935) и Общины Тэзе (1940), первые общежительные общины возникли непосредственно после Второй мировой войны. Их основание связано с крахом Третьего рейха в 1945 году и с поисками новых ценностей и форм жизни. Евангелические ордена строились тогда на традиционной основе правил, существовавших ещё до Реформации. Это евангелическое Сестричество Марии (1947), общежительный монастырь св. Иоанна (1947), Братство Христа в Зельбице (1949), община в Кастеллер Ринг (1950), община в Имсхаузене (1955), Несущие Христа (1961), Братство Иисуса в Гнадентале (1961) и община в Адельсхофене (1962)» – пишет д-р Халькенхойзер. Он различает среди этих общин группы двух видов: «...а) пиэтический несущий на себе печать религиозного Пробуждения, и б) относящийся к Высокой церкви, ориентирующийся на церковные таинства». Это различие, прежде действительно имевшее смысл, с течением времени постепенно всё больше теряет своё значение, что видно при сравнении уклада жизни сестёр общины Кастеллер Ринг (CCR) и общины Братство Христа в Зельбице (CCB).

Духовные корни общины Кастеллер Ринг (CCR) были заложены Движением обновления литургической жизни в 20-х – 30-х годах прошлого, XX века, и христианским Союзом девочек–скаутов. Основание же монастыря было осуществлено только после Второй мировой

войны под Китцингом, при этом большую роль при его основании сыграли контакты с расположенным неподалёку католическим бенедиктинским аббатством в Мюнстершварцах. На тогдашних насельниц монастыря именно молитва монахов-бенедиктинцев произвела такое глубокое впечатление, что они вполне могли представить себе в рамках Евангелической Лютеранской Церкви монастырскую жизнь по образцу бенедиктинского ордена. В свете этого влияния очень важен тот факт, что духовное руководство сестёр этой общины осуществлял такой признанный знаток литургической истории, как пастор д-р Иоганнес Халькенхойзер. В начале своей статьи я уже упоминал о том, что он был первым, кто в своей диссертации предпринял исследование истории монашества в Лютеранской Церкви в период после Реформации по настоящее время. Эта община и в наши дни отличается плодотворной богослужебной жизнью. Кроме того, там активно занимаются работой со школьниками и молодёжью, при общине существуют также интернат и образовательный центр, дом для регулярной организации духовных упражнений и специальные помещения для отдыха сотрудников. Сёстры этого евангелического монастыря принадлежат, таким образом, поверх всяких конфессиональных границ, к большой семье ордена св. Бенедикта.

Возникновение и развитие общины Братство Христа в Зельбике (Бавария) происходило иным образом. После войны оживлённая общинная работа одного евангелического пастора и его жены привела к тому, что к ним потянулись одинокие мужчины и женщины, избравшие евангелический монашеский образ жизни и составившие общину сестёр и, соответственно, общину братьев, которые вначале поселились в одном месте,

но позже обосновались в двух разных местах. В настоящее время насельники и того, и другого монастыря активно занимаются делами милосердия: они участвуют в работе проекта борьбы со СПИДом в Южной Африке, ухаживают за пожилыми людьми, преподают историю религии в образовательных учреждениях, организуют съезды и конференции, в том числе в историческом центре Реформации г. Виттенберге и в других местах. Обе общины Братства Христа, вследствие глубокого духовного родства и постоянно поддерживаемой связи, принадлежат к семье францисканского ордена – как и община Кастеллер Ринг, тоже поверх конфессиональных границ.

Вот как говорит о том, что понимается как само собой разумеющееся, основательница Братства Христа:

«Братство Христа – это евангелический орден, который живет, как одна большая семья, посвященная Христу. С самого начала основой нашей духовной жизни было «время тишины», или молитва в молчании, слушание Бога и послушание Ему, совместное размышление над словом Божиим, общая и индивидуальная молитва, частое совершение Вечери Господней. В стиле нашей духовной жизни соединяются вместе собственно церковное наследие и наследие, вызванное к жизни движением пиетизма, т. е. наша литургия неразрывно связана с благочестием лютеранского религиозного Пробуждения. На нас наложила свой отпечаток вся культурная атмосфера евангелического пасторского дома.

Мы живём экуменической жизнью. Для нас это означает, что мы внутренне открыты для всех конфессий и общин. Мы признаём своё глубокое внутреннее единство со всеми, кто любит Христа, уважая при этом

пути, которыми они идут. Разве все мы не ветви одного дерева, имеющего один общий корень и питающего нас? Ветви одного дерева ведь не бьют друг друга. Члены одного тела живут друг для друга, служат друг другу, почитают и несут друг друга. Те «евангельские советы» старой Церкви даны нам не как закон, а как дар. Они берут своё начало в тайне – в тайне встречи с Богом.

Возьмём бедность: Иисус жил, внутренне отрешившись от всего земного. Следуя Ему, будем, по слову Апостола, нищими, многих обогащающими, станем ничего не имеющими, чтобы всем обладать (2 Кор 6:10).

Подобным же образом и целомудрие подразумевает в первую очередь не состояние безбрачия, а жизнь, посвящённую Богу. Настоящие любящие – это те, чья жизнь до краёв наполнена любовью к Иисусу Христу.

Что же касается послушания, то ведь это великая радость – обрести спокойствие, исполняя Божью волю: «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце» (Пс 39:9). Все важные вопросы, требующие решения, молитвенно и с надеждой на помощь приносятся Богу...

Если Церковь с давних времён эти три маяка называет «евангельскими советами», то тем самым она говорит нам: «Они будут поистине Благой Вестью, жизненным стержнем для тех, кто из любви к Иисусу Христу воплотит их в своей жизни».

Жизнь Иисуса Христа сияет в Его тройной жертве, принесённой ради нас: Он и Слуга, Он и Свидетель Отца, Он и Первосвященник. Его жертва и указывает нам путь. Это путь служения, свидетельства и богослужения (Diakonia, Martyria und Liturgia).

Это можно себе представить наглядно так: когда вертикальная и горизонтальная линии пересекаются, образуется крест. С горизонтальной линией я хочу сравнить служение диаконии, с вертикальной – служение свидетельства, таинственная же точка пересечения того и другого служения – это молитва.

Диакония без литургии уподобится рабскому труду, а свидетельство без творческой силы молитвы – это пустой звук. Тайна жизни Иисуса Христа заключалась в постоянном молитвенном предстоянии Отцу. Любому событию дня или ночи в жизни Иисуса предшествовала молитва.

Таким творческим молчанием перед Богом должна осветиться и наша жизнь. Только то, что мы получаем от Него, может стать для людей нужным делом и скромным свидетельством любви. Да будет даровано каждому из нас это гармоническое трезвучие служений – *Diakonia*, *Martyria* и *Liturgia*, источником которых является тайна Божественной любви».

С появлением таких монастырских сообществ, практикующих безбрачие, стали вновь утверждаться старые принципы христианской веры: полное посвящение своей жизни Христу – в бедности, безбрачии и послушании, – которое находит себе выражение в следовании так называемым «евангельским советам». В новых целибатных сообществах, в отличие от «материнских домов» диаконис, дела благотворительности и социального служения, т. е. собственно диакония, не имеют преобладающего значения. Эти сообщества возникли, прежде всего, под влиянием пережитого в период Третьего рейха глубокого духовного и общественного кризиса, выход из которого от всех потребовал полной отдачи.

Вспомним, что в соответствии с трактовкой основоположников Реформации, полная отдача себя Христу и заключение с Ним нерушимого союза на всю жизнь происходит уже в процессе крещения и не предполагает необходимости радикального изменения мирского образа жизни на монастырский. Как следствие, в XVI–XVII вв. евангелические монастыри прекратили своё существование. Но после войны они стали возникать снова, теперь уже как легитимное осуществление христианского образа жизни и расширение её горизонта, и не в качестве конкуренции, а наряду с образом жизни в миру. Сейчас мне представляется важным тот факт, что, пережив период евангелической свободы, когда харизматичные основатели разных движений организовывали сообщества по типу монастырей, многие нынешние монастырские сообщества вырабатывают для себя «правила», или устав жизни. В 90-е годы прошлого века такие правила были сформулированы в сообществе Братство Христа в Зельбике. Эти правила ознаменовали утверждение монашества в Лютеранской Церкви.

Семейные сообщества и новые формы семейной жизни в 60-х годах

В конце 1960-х годов, в переломный период глубоких социальных изменений, стали появляться семейные сообщества, возникновение которых указывало на ещё один возможный путь обновления религиозной жизни. Одним из первых было основано в 1959 г. Собрание св. Лаврентия (Laurentius-Konvent), к наиболее значительным общинам этого типа относятся семейное сообщество Иисусово Братство в Гнадентале (1968),

Сообщество активной христианской молодёжи в Райхельсхайме (1968) и основная община в Вульфсхагенер Хюттен (1973)¹².

Ключом к пониманию этих примеров пробуждения монашеской жизни в Лютеранской Церкви в 60-х годах также служит общественно-историческая ситуация того времени. Тогда студенческие волнения, потрясшие всю Западную Европу, привели к необходимости критического пересмотра многих общественных институтов, среди прочих и таких, как брак и семья, в которых стали видеть проявление реакционности и ущемление свободы личности. Лидеры этого движения конца 60-х годов и их последователи пытались заменить брак спонтанными и свободными отношениями, а вместо семьи выработать новые формы совместной жизни. В полузаброшенных строениях на окраине городов или в деревнях они основывали коммуны для совместного проживания. Их вынуждала к этому необходимость как-то преодолеть одиночество и изолированность человека в обстановке растущей индустриализации.

Эти веяния времени оказывали влияние и на церковную жизнь. Как тогда, так и теперь семейные сообщества реагируют на эту тенденцию изоляции людей друг от друга подобающим образом: с одной стороны, они принимают критический взгляд общества на семью, стремящуюся всячески отгородиться от общественных проблем, с другой же стороны, сами они являют обществу образ семьи, которая следует Божьим установлениям.

¹² Laurentius-Konvent (1959), die Familienkommunität der Jesus-Bruderschaft Gnadenenthal (1968), die Offensive Junger Christen in Reichelsheim in Odenwald (1968), die Basisgemeinde Wulfshagener Hütten (1973) (*Verbindlich leben, EKD Text 88, S. 13*)

Ведь Его семья – это, в расширенном смысле, сообщество тех, кто живёт в согласии с Его волей (Мк 3:31-35). Кроме того, эти семейные сообщества заново уяснили для себя то новое, что внёс Иисус в понятие брака, открывая людям Божью волю при сотворении мира: отрицая разводы, Христос защищает таким образом брак и укрепляет положение женщины в семье, что и проявляется до сего дня.

Семейные сообщества вновь открывают для себя также, что первохристианские общины были построены во многих отношениях наподобие семьи. Они уделяют большое внимание воспитанию детей в вере и ищут пути обновления семейных религиозных традиций. Прекрасным примером этого служит семейный праздник встречи воскресного дня, который уже утвердился в семейных сообществах. Во многих отношениях они используют то, что реформатор Мартин Лютер вынес из опыта своей жизни в монастыре и хотел бы укоренить в семейной жизни: например, благоговение ежедневной молитвы, которое было бы включено в ритм жизни семьи. Семейные сообщества, таким образом, переняли от сообществ братьев и сестёр, живущих, в отличие от них, в безбрачии, порядок и богослужений, и индивидуальных молитв. Правда, нельзя отрицать, что эти сообщества испытывают определённые ограничения, налагаемые на них ритмом индивидуальной семейной жизни. Тем не менее, исходя из этой ситуации, можно сделать следующий вывод: и семьи нуждаются в монастыре, и монастырь, в свою очередь, нуждается в семейных сообществах, которые, благодаря своим детям, в качестве домашней церкви являют обществу свидетельство веры и тем самым обогащают его.

Одной из форм взаимного влияния друг на друга и сотрудничества семейных сообществ с монастырями является, например, способ распоряжения имуществом и использования доходов: это общая касса, куда поступает определённая часть доходов каждой семьи, напоминая, таким образом, о связи между членами большой семьи всех христиан. Семейные сообщества оказывают поддержку в осуществлении благотворительных проектов по всему миру. Они помогают вести миссионерскую работу в населённых пунктах там, где они живут, отдают много сил делу христианского образования. Они очень ответственно относятся к приёму у себя дома гостей, часть которых хотели бы некоторое время просто пожить вместе, как бы возрождая некоторым образом домашние церкви (oikos) первохристиан. В таких «домах», упоминания о которых мы находим в Деяниях Апостолов и в приветственных строках апостольских писем, и выросло движение молодого ещё тогда христианства, распространяя по всему римскому миру веру в то, что во Христе все – и иудеи, и язычники – призваны стать одной Божьей семьёй.

Мне кажется, что влияние, которое семейные сообщества оказывают на монастыри, Церковь и людей, живущих с ними рядом, не оценивается и не используется должным образом. Именно Церкви есть чему поучиться у этих семей. Было бы хорошо, если бы Церковь перестала рассматривать семью только с точки зрения её ценности или функции и заговорила бы, наконец, об особенном достоинстве семьи как элементарной форме жизни. Я имею в виду то, что «эта форма жизни (т. е. брак, в отличие от форм политической, хозяйственной и религиозной жизни), проистекает из Божьей воли и поэтому не может считаться просто человеческим

изобретением, которое, подчиняясь изменениям в обществе, может быть заменено каким-нибудь эквивалентом».

Особое достоинство семьи заключается в её свойстве быть в обществе передающим звеном, своего рода медиатором, в котором зарождаются, живут и передаются следующим поколениям элементарные основы жизни и веры, показывая им направление пути. Именно в семье можно создать особенно благоприятные условия для соблюдения четвёртой заповеди о дне Господнем, «чтобы святить его», конкретизируя следование этой заповеди в разных формах духовной жизни и деятельности. Это и молитва перед едой и благодарение после неё, и молитвенное размышление, и вечерняя молитва перед сном, благословение и прощание, и литургии в течение всего церковного года, празднование Рождества и Пасхи и посещение церковных служб, богослужение для детей, подготовка к конфирмации, работа с молодёжью и многое другое. Важнейшие «методы» всех видов семейной работы – это любовь и собственный пример.

В перспективе лютеранского богословия роль родителей рассматривается как своего рода профессия и, в особенности, как призвание, т.е. как форма жизни, отвечающая на Божий призыв о повседневном хранении веры. Если Церковь и в наши дни будет придерживаться этой высокой оценки роли родителей, она тем самым будет укреплять общество и придавать людям силы для того, чтобы они могли в полной мере осуществлять своё призвание.

По этой теме необходимо сделать одно добавление. Радикальные изменения в обществе эпохи постмодернизма, свобода передвижения, высокая степень индивидуализации, обособления людей, с одной стороны, и

глобализация промышленности – с другой, привели к распаду традиционных форм жизни. Многие люди в нашем обществе добровольно или вынужденно живут одни или же только часть своей жизни – в семье. Вокруг семейных и монашеских сообществ и внутри них собирается множество людей, которые ищут родственную для себя среду обитания. Общины первохристиан являли в организации своей внутренней жизни такую модель, которая позволяла человеку любого сословия и положения найти свое место для «стояния» перед Богом. Так проявлялась в жизни этих общин та изначальная красота творения, в которой и человеку отведено достойное место, и Богу воздаётся хвала. Могли бы теперешние сообщества поставить перед собой в будущем такую цель?

Влияние евангелических монастырских и семейных сообществ, направленное вовне

«Семейные и подобные им общежительные сообщества в некоторых местах приобретают совершенно новое значение. Количество евангелических сообществ, где религиозная жизнь организована по определённому уставу, продолжает расти, и они часто наполняют своей духовностью жизненное пространство, в котором ее не было. Они стремятся к тому, чтобы своей деятельностью дополнить и расширить жизнь местных общин». Так писало в 2006 г. специальное издание Евангелической Церкви Германии «Церковь свободы», где семейные сообщества называли маяками нового столетия, которые, противодействуя тенденции упадка, должны способствовать росту Церкви.

Некоторое время спустя появилось и официальное Заявление Совета Евангелической Церкви Германии по поводу евангелических общежительных монастырей и семейных сообществ и путей укрепления религиозной жизни¹³. В первой главе этого Заявления говорится о том, как возникали монастырские и семейные религиозные сообщества в XX веке. Во второй главе речь идёт об их служении в Церкви. Я считаю такую последовательность глав вполне евангельской: начать с бытования этих сообществ, и лишь потом перейти к их служению. Однако в тексте издания «Церковь свободы» наряду с ожиданием того, что эти сообщества должны выступать в роли маяков, просматривается опасность использования этой формы вновь пробудившейся религиозной жизни в качестве средства к достижению цели. Когда возникали бенедиктинские монастыри, Римский Папа ведь не возвещал о том, что они сохраняют культуру античности для Средних веков и что в период общественных потрясений и переселения народов они заложат твёрдые основы для того, чтобы начать всё сначала. Самая важная задача монастырских и подобных им сообществ состоит всё-таки в том, чтобы молиться, вслушиваться в слово Божие и служить литургию — какие бы значительные изменения ни происходили в мире. Их вовлечённость в общественную жизнь не спасёт этот мир, но у нас есть Спаситель, о Котором мы говорим и Которым живём.

Общежительные сообщества и религиозные объединения Евангелической Церкви вновь ищут сейчас в ней

¹³ EKD-Schrift Nr. 88: „Verbindlich Leben. Kommunitäten und geistliche Gemeinschaften in der Evangelischen Kirche in Deutschland. Ein Votum des Rates der EKD zur Stärkung der Evangelischen Spiritualität, Hannover 2007“.

своё место. Чтобы описать их разнообразие, составители Заявления удивительным образом только упомянули так называемые евангельские советы (бедность, безбрачие и послушание), в основном же они ссылались на знатока церковного права Ганса Домбуа, который, поставив монастырские сообщества в один ряд с местной общиной, поместной церковью и Вселенской Церковью, считает монастыри, начиная с 3-го века, четвёртым основополагающим образом Церкви Иисуса Христа. Четвёртый образ Церкви в обществе? Это понятие тоже содержит в себе оттенок какой-то претенциозности.

Все религиозные движения стремятся получить признание в Церкви и в обществе. Когда же они попадают в поле внимания общественности и привлекают к себе интерес, они могут оказаться в опасности. «Они уже получают награду свою» (Мф 6:2), – говорит Иисус о тех, кто выставляет своё благочестие напоказ.

*Германия,
Нойендеттельзау*

*Перевод с немецкого
Елизаветы Лейциной*

МОНАШЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Архимандрит Амвросий (Шевцов)

Архимандрит Амвросий (Шевцов Андрей Григорьевич), родился 9 декабря 1975 года в городе Гомеле (Беларусь). 8 декабря 1994 года принят насельником новообразованного Свято-Никольского мужского монастыря в городе Гомеле. 7 июля 1995 года архимандритом Антонием (Кузнецовым) в Никольском храме монастыря пострижен в мантию с именем Амвросий, в честь преподобного Амвросия Оптинского. 16 июля 1995 года рукоположен в сан иеродиакона епископом Гомельским и Жлобинским Аристархом (Станкевичем) в Никольском храме монастыря. 21 мая 1997 года рукоположен в сан иеромонаха епископом Гомельским и Жлобинским Аристархом (Станкевичем) в Никольском храме обители. В 2010 году защитил бакалаврскую работу на тему: «Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Православной Церкви в Америке в 1970–2009 гг.», присвоена степень бакалавр богословия. С 2011 года преподаватель Епархиальных Библейско-богословских курсов. 25 февраля 2012 года возведен в сан архимандрита. 12 марта 2012 года назначен наместником Свято-Никольского мужского монастыря города Гомеля. С 27 ноября 2012 года благочинный монастырей Гомельской епархии. С 26 марта по 21 октября 2013 года Председатель епархиальной Комиссии по канонизации. С 13 июля 2014 года Председатель епархиальной Церковно-исторической комиссии. В 2015 году закончил Минскую духовную академию.

ВЗАИМНОЕ ДОВЕРИЕ В ОТНОШЕНИЯХ ИГУМЕНА И БРАТИИ¹

Доверие между братией и игуменом есть вещь настолько самоочевидная, что и говорить об этом кажется чем-то противоестественным. Проблематика кажется искусственной, и это так и есть, если речь идёт о жизни идеального монастыря. Доверие есть натуральная атмосфера жизни христианской общины, воздух, которым дышит и живёт настоящее братство. Здоровый, нормальный человек никогда не задумывается о том, чем он дышит, как часто, с помощью какого механизма, вместе с кем – эти вопросы просто никогда не придут ему в голову! – однако для больного все это может стать реальной проблемой, а иногда и вопросом жизни и смерти. Если община больна, если в ней, вопреки её евхаристической природе имеет место противопоставление игумена братству, проблема становится актуальной.

Когда покойный патриарх Пимен спросил старых монахов Троице-Сергиевой лавры, кого они хотят видеть настоятелем обители, они отвечали: «Святейший! Нам хоть палку поставь, мы и ей будем кланяться». Что скрывает или вскрывает эта фраза, какую жизненную позицию? Безразличие? Испуг? Усталую безнадежность? Ведь братия лавры, действительно, была лишена возможности выбирать себе игумена. В этот монастырь почти всегда игумен назначался высшей церковной властью, которая в большинстве случаев даже не

¹ Доклад был зачитан на монашеской конференции «Духовное руководство в монастырях», которая прошла в Спасо-Евфросиниевском ставропигиальном женском монастыре г. Полоцка (Беларусь) 12 мая 2016 г.

советовалась с братией. Правильно ли это? На эту тему не один год в нашем монашеском сообществе ведутся жаркие споры.

Мне кажется, что по типу управления монастыри можно условно разделить на два типа: харизматический и регулярный. Харизматический тип мы можем наблюдать в обителях, основанных или управляемых старцем-духовником. Он не только игумен и высшая власть в братстве, но и духовный руководитель братии. Для таких обителей очень важно сохранять преемственность монашеской школы, её непрерывность с заветами старца основателя, который или сам должен назначать себе преемника или же, в случае внезапной смерти игумена, братия, верные ученики старца выбирают из своей среды достойного преемника и хранителя заветов их духовного наставника.

Большинство молодых иноков мечтают о такой обители и о таком типе монашеской жизни. Однако так исторически сложилось, что для русской традиции более характерен и привычен другой тип монастырского устройства, условно именуемый регулярным. Если в обителях харизматического типа служение игумена и духовника исполняет одно лицо, эти служения просто совпадают до неразличимости, то в регулярном монастыре эти обязанности несут разные лица, более того, функции игумена и духовника выступают как два совершенно отличных служения. Вторая отличительная черта обителей такого типа: игумен монастыря назначается внешней церковной властью (хотя это не абсолютное правило и здесь возможны варианты). Иноки, готовые кланяться даже палке, и есть братия монастыря регулярного типа. Однако их готовность является плодом не отчаяния и безразличия, а реальным взглядом

на положение дел в таком монастыре. У этих иноков есть свой духовник, которому они доверяют, советами которого руководствуются, а игумен является символом власти и его работа состоит в управлении обителью, создании благоприятных условий для жизни монастыря, для удобства духовной и материальной жизни братии. Игумен берёт на себя заботы, если угодно, защиты братства от «внешних вторжений», «принимает огонь на себя», занимаясь вещами, сильно отвлекающими инока от внутреннего делания. За это, собственно, ему и кланяются: ведь этот человек кладёт душу свою за ближних в буквальном смысле слова. Он несёт ответственность за создание условий для духовной жизни монастыря.

Конечно, это идеальная картина, однако у этой картины есть вполне реальное и образцовое воплощение. Я имею в виду преподобного Моисея Оптинского, скромного игумена одной из самых известных русских обителей. Его опыт, как мне кажется, недостаточно изучен и недооценён. Он причислен к собору Оптинских старцев, но собственно старческого служения он никогда не нёс. Оптиная пустынь была примером монастыря регулярного типа, и преподобный Моисей нёс в этой обители игуменское служение, в то время как старчеством, то есть духовным окормлением в этой обители занимались совсем другие люди. Всё, над чем трудился преподобный Моисей, было создание условий для духовной жизни братии. Именно игумен Моисей пригласил в Оптину старца Льва и поддержал его преемника старца Макария. Именно при нём Оптиная пустынь прославилась на всю Россию и даже на весь мир, расцвела и внешне, и духовно: была открыта типография, иницированы переводы святых отцов, издание важнейших

для духовной жизни книг, построено большинство оптинских храмов, административных и хозяйственных зданий. При этом преподобный игумен никогда не позволял себе вмешиваться в тонкости духовного руководства братией, в этом отношении он всегда скромно и сознательно оставался в стороне, предпочитая заниматься делами строительства, представительства и защиты старчества перед лицом церковной или светской власти. В этой же парадигме действовал и преподобный Антоний, настоятель Троице-Сергиевой лавры, валаамский игумен Дамаскин, саровский игумен Пахомий и многие другие подвижники.

Здесь уместно вспомнить, как преподобный Серафим наставлял будущего настоятеля Троице-Сергиевой лавры, упомянутого архимандрита Антония: «Будь для братии не отцом, а матерью». Служение матери в семье это во многом служение Марфы, которая хлопочет и заботится о внешнем: чтобы чадо было тепло одето, ходило в чистом, ни в чём не нуждалось, во время и хорошо кушало, покойно почивало. «Тональность» в семье «задаёт» отец семейства, но и его жизнь окутана заботами Марфы. Марфа смиренно стоит в стороне, но без Марфы не было бы и Марии, которая, как известно, избрала благую часть, которая не отнимется от неё. Я говорю о служении духовника, духовном руководстве и наставничестве, которое есть нерв жизни обители.

Какое устройство лучше: харизматическое или регулярное, материнское или отцовское, «марфино» или «мариино»? Ответу словами церковного классика: «Обоюде добре». И в одном и в другом случае мы имеем примеры и высот духовной жизни, и духовных провалов. А чем измеряется успешность монашеской жизни, что является показателем монашеского благополучия? Число

подвижников этой обители, прославленных Церковью в лике святых? Безусловно, не этот критерий, хотя бы потому, что большинство святых нашего месяцеслова это мученики, спасавшиеся не благодаря, а вопреки условиям среды. Подлинный критерий духовного здоровья монастыря, его естественного развития – возрастание общины во взаимной любви.

Какой же тип монастырского устройства более способствует возрастанию братской общины в любви – регулярный или харизматический? Если есть взаимная устремлённость и жертвенная готовность братии к созиданию своей общины в любви, то разницы нет. Если игумен не царствует, а служит, не просто требует, но и дарит, отдаёт, и братия ему ответит тем же. Но это – обоюдная устремлённость. Уча братию доверию, настоятель и сам учится доверять. Надеюсь, в будущем в нашей богословской науке появится новая дисциплина: «Психология монашеской общины», которая будет описывать взаимоотношения внутри братства, отслеживать закономерности, давать некие ориентиры или даже готовые рецепты решения конфликтов. Но пока этой науки нет, и нам предстоит двигаться на ощупь, доверяя элементарной житейской опытности и монашеской интуиции.

Мы нужны друг другу. Мы спасаемся только как братья или сестры – никогда поодиночке, но – со своими братьями и сестрами, отцами и матерями. И речь идёт не просто о доверии. Доверие есть только частный случай того состояния, в котором, по свидетельству апостола Павла, ученик Христов «всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор 13:7). Цель монастырской общины, как это ни странно прозвучит, – она сама – созидание братства во взаимной

любви, возрастание монашеской семьи в подлинную ехаристическую общину, «в меру возраста Христова». Это трудный и тернистый путь. Даже у святых это не всегда получалось.

Вспомните преподобного Венедикта Нурсийского, удивительного подвижника, родоначальника и вдохновителя западного монашества. В монастыре, где настоятелем был этот святой человек, конфликт между игуменом и братией дошёл до такого градуса, что однажды монахи поднесли Венедикту чашу с ядом! В нашей русской церковной истории есть память о трагической размолвке между преподобным Сергием Радонежским и его братством. В результате преподобный – кротчайший и смиреннейший из русских подвижников! – вынужден был оставить основанную им обитель и два года провести в другом монастыре.

Почему не получилось у святых Сергия и Венедикта? Братия была плохой? Игумен неумелым? Надо помнить, что монашеская община – не застывшая в мраморе скульптура, а живой организм, развивающийся, динамичный, временами болеющий, со своим возрастом – юным или зрелым. В истории старцев Сергия и Венедикта запечатлён этап становления их монашеской семьи и монашеской школы, воспитавшей впоследствии не одно поколение иноков. Это наталкивает нас на мысль, что доверие между братией не данность, не наличный факт, а задача – труднодостижимая, решаемая годами непрерывных трудов. Братство создается десятилетиями, кропотливым трудом нескольких поколений монахов – не только игумена, но каждого брата, даже самого, кажется, незначительного труженика обители. Доверие в братстве это не доверчивость, не сентиментальная взвинченность и кокетливое легкомыслие,

а выстраданная, выболенная награда многолетних трудов каждого собрата, мой личный вклад в дело созидания монашеской семьи. То, над чем люди не трудились, не проливали крови и пота, и теряется легко, и уходит без памяти и сожалений. Если человек вложил часть себя в братство, врос в него всем своим существом, кровь свою и помышления растворил с кровью и мыслью братства, свою жизнь слил до неразличимости с жизнью брата, тогда и высвечивает в братской жизни подлинное доверие – как чудо и дар Божий.

ЕВХАРИСТИЯ И ИНОЧЕСТВО¹

Осенью 1923 года в Пшерове (Чехия) состоялся съезд русской православной молодежи. Событие скромное, но, в известном смысле, значительное. 8 октября, в последний день съезда, отец Сергей Булгаков в своем вдохновенном слове призвал участников съезда к осознанию новой евхаристической эпохи². Что должно было случиться в Пшерове, чтобы вдруг было озвучено такое громкое заявление? По настоянию отца Сергея Булгакова впервые съезд верующей молодежи был выстроен не вокруг богословских или политических споров, и даже не по поводу совместного изучения Библии или церковных вопросов. Евхаристия была сознательно поставлена в центр этого собрания, и именно опыт совместной литургии помог большинству участников осознать себя членами Церкви³. Не беседы, лекции, дискуссии, а совместное причащение Христовых Таин находилось в сердцевине Пшеровского съезда. И в этом опыте неожиданно для всех было обнаружено незыблемое основание единства христиан разных возрастов, профессий, взглядов, открывшееся у Чаши Причастия. Это откровение было настолько сильным и ярким, что участники съезда единодушно нарекли его «Пшеровской

¹ Доклад прочитан на Паисиевских чтениях, проходивших 6–7 декабря 2014 в Кишиневе (Молдова).

² Булгаков С., *прот.* Из памяти сердца. Прага [1923–1924] // Исследования по истории русской мысли [2]. Ежегодник за 1998 год. М., 1998. С. 163.

³ Зеньковский В., *прот.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1991. С. 238.

пятидесятницей» и заговорили о наступлении новой евхаристической эпохи. Особенностью этой эпохи является такой взгляд на церковную жизнь, когда Евхаристия переживается не в её функциональном, инструментальном или придаточном значении, но мыслится как самый центр церковной жизни, как церкви-образующее и церкви-являющее таинство, осмысливается в своём подлинном онтологическом значении. И в этом – новизна современной евхаристической эпохи.

«При этом всегда нужно иметь в виду, – писал позже отец Сергей Булгаков, – что Евхаристия, хотя она есть по теперешнему счету одно из «семи» таинств, но по значению своему она больше, чем только это, она есть таинство таинств, центральное таинство Церкви»⁴. Богословие новой евхаристической эпохи переместило Евхаристию с периферии церковной мысли в самый её центр, отвело ей заслуженное место. Это вовсе не значит, что до 1923 года Евхаристия не была центром церковной жизни. Религиозный опыт всегда предшествует богословской рефлексии, поэтому богословие обычно несколько «запаздывает» со своей работой, точнее, проблематизирует тот или иной религиозный опыт не нарочито и планоно, а в силу исторической необходимости и острой церковной нужды. Богословствование начинается там, где тот или иной религиозный вопрос приобретает насущность, и поэтому каждая эпоха церковной истории имеет свои богословские задачи. В догматическом фокусе нашей эпохи оказалось таинство Евхаристии, которым Церковь жила всегда, но осмыс-

⁴ Булгаков С., *прот.* Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005. С. 307.

ление его значения для жизни Церкви стало заданием нашего времени.

Одной из примет новой евхаристической эпохи, или евхаристического возрождения, является осознание Церкви как общины и братства. В контексте евхаристического богословия община понимается не как один из вариантов внешнего объединения – политического, мировоззренческого или чисто географического, – а единства онтологического, которое являет себя у Чаши Причастия. Братьями и сёстрами называют себя члены одной общины не метафорически и образно, но сообразуясь с буквальным значением этих слов: причащаясь от одной Чаши Тела и Крови Христовых, мы воистину становимся единокровными и единотелесными. Кровь нашего Бога подлинно течёт в наших жилах, делая нас братьями и сестрами по крови, а не только по духу и единству исповедуемой веры. Таков магический реализм православия. Каждый причастник Евхаристии – нам воистину брат или сестра, и не только по причине общего происхождения от прародителей, но и в силу приобщения к жизни Церкви, а Церковь являет себя, свидетельствует о своей реальности не только в церковно-административной жизни, структуре иерархии, уставных документах, социальном служении или богословской позиции, но, прежде всего, в тот самый мистически важный момент литургии, когда все причащаются от единой Чаши, становясь братьями и сёстрами по Крови. И поскольку Христос Един и Один в каждой Чаше, и Кровь Его Пречистая в каждой Чаше одна и та же, а, значит, в таинстве Причастия не просто создается Церковь как подлинная семья и община, но в Евхаристии, творящей общину, парадоксальным образом преодолевается общинная ограниченность,

отделяющая, а порой и противопоставляющая различные общины друг другу.

В истории русского православия так сложилось, что монашество часто противопоставлялось верующему мирянству. Свидетельств этому явлению множество. Иногда это противопоставление доходило до предельной крайности, понуждая мыслить монашество чем-то более высоким, чем даже само христианство. Но христианское монашество есть всего лишь один из видов монашеской жизни, известных истории и культурологи. Монашество само по себе, как явление универсальное, есть особый стиль жизни, особенностью которого является обособление от мира ради служения Богу в духовном самосовершенствовании и аскетических упражнениях. В этом смысле монашество есть своего рода культурная универсалия, образ жизни, который находит себе приверженцев практически в любой развитой культуре. И в силу своей универсальности монашество не обязательно бывает религиозным, истории известны, например, формы философского или научного монашества, в частности, древний орден пифагорейцев. Однако главным образом, говоря о монашестве, мы имеем в виду одну из форм религиозного служения.

Христианское монашество, появившееся на свет, как полагают, в конце III века, началось с подвигов пустынников и аскетов, покинувших мир для духовных упражнений и ревностного служения Богу в трудном деле самоочищения и обожения. Но особенностью христианского монашества всегда оставалась его церковность, которая свидетельствует себя не просто только в признании церковной иерархии или верности обрядовому благочестию, но, прежде всего, в евхаристическом единстве со всей Церковью, с единокровными монахам

братьями и сестрами. Монашество это одна из многочисленных форм церковного служения, и в силу этого простого факта, оно не может претендовать на какой-то особый статус внутри Церкви или сверх неё. Начавшись с отшельничества и пустынночества, христианское иночество всегда ориентировалось на общинный тип жизнь, и подвиги пустынников всегда приводили к организации братства, которое, как и подобает христианской общине, собиралось вокруг Евхаристической Чаши.

Однако нельзя забывать, что монастырь есть община аскетов, поэтому не надо удивляться тому, что в текстах монашеских писателей Евхаристия (в подавляющем большинстве наставлений) мыслится не в своем онтологическом, а скорее в инструментальном значении – как необходимый элемент аскетического делания, не как цель, а как средство борьбы с грехом, бесовскими прилогами. Вот один из примеров таких рассуждений, заимствованный из знаменитого «Древнего патерика»: «Сказал авва Пимен: написано: “якоже желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже” (Пс 41:2). Олени в пустыне проглатывают много змей, и когда жжет их, на гору желают идти и на воду, и, напившись, освежаются от яда змеиноного. Так и монахи, в пустыне обитающие, воспаляются от яда лукавых демонов, и потому желают в субботний и воскресный день придти к источникам вод, то есть к Телу и Крови Господа нашего Иисуса Христа, чтобы очиститься от всякой горечи лукавого»⁵.

То, что для аскета Евхаристия была не целью, а средством, «инструментом обожения», нас не должно смущать. Есть у Евхаристии и такое измерение, и это

⁵ Древний патерик. М., 1991. С. 349.

вовсе не унижает высочайшее из таинств. Однако современные авве Пимену пустыnnики собирались каждую субботу и воскресенье в церковь не только, чтобы залечить нанесённые им в течение недели духовные раны. Христианский монах, в отличие от своих, например, тибетских собратьев, никогда окончательно не может быть одним. Поэтому и само слово «монах» от греческого «монос» – «один» не очень подходит христианскому монашеству, и наши предки с безошибочной интуицией заменяли его на более точное «инок», то есть иной, непохожий. Христианский монах – такой же христианин, как и его братья и сестры во Христе, он – человек Церкви, человек церковный, а эта церковность осуществляет себя только в жизни Церкви-семьи, Церкви-общины, в жизни литургической. Литургию же следует понимать в самом широком смысле этого слова как общее дело, простирающееся на все сферы жизни и человеческих отношений. Но центр этого литургического единства всегда и во всем – Чаша Причастия, у которой Церковь-семья и являет себя и созидает. Поэтому и само вступление в монашеское братство согласно древним уставам должно происходить во время Божественной литургии. Традиционный устав монашеского пострига предполагает пострижение не просто в церкви, а перед пением «Трисвятого» на литургии при соборе всего братства. И постриг завершается совместным причащением всего братства вместе с новым собратом, воистину единокровным и единотелесным. Евхаристия – таинство, творящее общину, единящее в единой Крови Спасителя людей разных национальностей, возраста и образования. Христианское братство может мыслиться как внешнее единство, когда община являет единомыслие и братскую сплоченность, но в Ев-

харистии проявляется подлинное внутреннее единство братской жизни, единство онтологическое, если не сказать органическое. Мой брат – брат мне не только по убеждениям, что очень важно, но и по Крови.

У монашеской общины, как и у всякой другой христианской общины, есть измерение онтологическое, являющее себя в Таинстве таинств, что вовсе не оттеняет значения аскетического измерения общинной жизни, в котором Евхаристия занимает служебное положение. В Божественной литургии является икона общины, ее вечный лик, но за братство нужно бороться, его следует непрестанно созидать, братство требует ежедневного подтверждения, и здесь совместное причащение помогает братству преодолевать «ненавистную рознь века сего», а потому издревле Евхаристия занимает почётное место в ряду других аскетических средств воспитания общины, ее строительства.

Евхаристия есть вселенское таинство, и если мы со всем мужеством примем её онтологическое значение, мы должны говорить о Евхаристии не только как таинстве, созидающем общину, но таинстве преодоления общинной обособленности. Евхаристия есть перспектива, раздвигающая горизонт общины. В некотором смысле Евхаристия есть преодоление общины. Монашество есть одно из евангельских служений, но церковных служений может быть необозримое множество, что предполагает и бытие многочисленных общин, разделённых не только на монашеские и мирянские, но и научно-богословские сообщества, благотворительные, и даже политические, если они при этом остаются церковными. Весь этот «цветник» церковных практик может и должен украшать тело Церкви, но это возможно только при опытном осознании единящей роли Евхаристии в аске-

тической работе каждой общины не только по созиданию и строительству своего братства, но и подлинно братской расположенности и смиренной отзывчивости к практикам других церковных общин братьев и сестер, единокровных нам и единотелесных. Монахи единокровны во Христе своим братьям мирянам. Миряне единотелесны во Христе свои братьям инокам. И вся Церковь – единое Тело Христово, единая семья, единая община подлинных братьев и сестер, настоящих детей Божиих.

Архимандрит Филарет (Егоров)

Архим. Филарет – настоятель прихода прп. Параскевы Сербской, основатель и руководитель духовно-просветительского социального центра «Ковчег» с. Лишня, Макаровского района Киевской области.

О ВНУТРЕННЕЙ СУТИ МОНАШЕСТВА¹

Дорогие братья и сестры!

Я рад приветствовать Вас от имени Блаженнейшего Митрополита Киевского и всей Украины Онуфрия, Предстоятеля Украинской Православной Церкви, который благословил меня участвовать в нашей очень актуальной и важной конференции. Позвольте мне также передать всем приветствие от моего непосредственного епископа, епископа Макаровского Илария, викария Киевской Митрополии, управляющего Макаровским викариатством, который очень любит посещать Тэзе и высоко ценит труды братьев.

Разрешите мне поблагодарить организаторов за приглашение и радость быть здесь со всеми вами. Надеюсь, наше общение поможет нам приблизиться к Богу и друг к другу.

Далее позвольте мне говорить по-русски.

В обетах, которые братья Тэзе приносят Богу на всю жизнь, речь идет, прежде всего, о послушании, нестяжании и целомудрии. В соответствии с древней свято-

¹ Доклад произнесен на конференции, посвященной монашескому призванию в современном мире, проходившей в общине Примирения в Тэзе (Франция) в июле 2015 г.

отеческой традицией, которую знал и любил приснопамятный брат Роже, это основные критерии, соответствующие жизни человека, всецело посвятившего себя Богу.

Монашество является таинством Церкви. Человек как индивидуум – существо не вполне полноценное. Он реализует себя как личность лишь в общении с другими. Для монашествующих этим «Другим» является Сам Бог. Тайна монашеской жизни заключается в том, что принявший монашество целиком ориентирует свою жизнь на Бога. Человек сознательно и добровольно отказывается не только от брака, но и от многого другого, доступного обычным людям, чтобы максимально сосредоточиться на Боге и посвятить Ему всю свою жизнь, все свои помыслы и дела.

Показательно, что одним из основных текстов, использовавшихся в аскетической литературе, посвященной монашеству, была библейская книга «Песни Песней» Соломона, которая, говоря о любви между мужчиной и женщиной, касается таких глубин человеческого естества, что в равной степени применима и к той любви, которая существует между душой человеческой и Богом. Душа христианина – невеста Христова, и именно в этом плане в монашестве реализуется тот «брачный потенциал», который есть у каждого человека. Все то, чего недостает человеку, индивидууму, чтобы стать личностью, персоной, чтобы осознать свое персональное бытие в единении и общении с Другим (как это раскрывается в таинстве брака), в монашестве обретается через общение с Богом. И это очень важно.

Монашество можно принимать лишь в одном случае – если человек чувствует к этому горячее призвание. Монашеское призвание не может быть минутным

порывом: оно должно вызревать в человеке на протяжении долгого времени, становиться все более явным, все более сильным. Если человек не уверен в своем призвании, колеблется, то принимать монашество нельзя. В своих беседах о браке и о монашестве митрополит Антоний Сурожский говорил примерно о том же: нельзя вступать в брак, пока сохраняется сомнение, что именно этот человек – тот, с которым ты готов разделить всю свою жизнь, ради которого готов пожертвовать своей жизнью. Аналогичный подход должен быть в отношении принятия монашества.

Примечательно, что монашество имеет разные формы. Есть монахи, живущие в монастырях, есть живущие в миру. Есть монахи, выполняющие церковные послушания, занимаясь преподаванием в Духовных школах, есть монахи, которые занимаются благотворительностью или социальным служением, заботятся о бедных. Есть монахи – священнослужители на приходах. Внешняя картина монашеской жизни может быть самой разной. Но внутренняя суть от этого не меняется. А она заключается, прежде всего, в непрестанном предстоянии Богу. Исходя из этого, можно утверждать, что человек, который не чувствует призвания к одиночеству, к тому, чтобы всю жизнь без остатка отдать Богу, не должен становиться монахом. Монашество, которое является таинством, преображает всю жизнь человека, изменяет ее коренным, радикальным образом.

Меня, как монаха, принявшего священный сан и давшего вечные обеты, одним из которых является обет послушания, Церковь благословила совершать свое служение Богу, ей и ближним, будучи приходским священнослужителем в небольшом селе под Киевом.

Познакомившись с опытом становления приходской жизни пастырей, объединявших людей вокруг Христа и создававших общины, на нашем приходе мы поняли, что необходимо создавать христианскую общину-семью, которая жила бы, прежде всего, литургической молитвенной жизнью Церкви. Мы поняли, что даже миряне могут следовать, не оставляя семейной и общественной жизни, своим узким и спасительным Христовым путем, придерживаясь простоты жизни, послушания Церкви и внутреннего целомудрия. Православный богослов Павел Евдокимов называет это внутренним монашеством.

Мы осознали необходимость регулярной ежедневной совместной молитвы, которую нужно совершать, по возможности, всем вместе или отдельно (как говорится, «келейно»). Все, а не только принявшие монашеский постриг, могут регулярно исполнять определенное молитвенное правило, собираясь в положенное время для совместной молитвы в храме. И это, как оказалось, действительно возможно осуществлять даже в условиях сельского прихода.

Молитву можно и нужно соединять с совместным трудом. Иными словами, возможно исполнять древнее монашеское правило: «Ora et labora». Но и вне храма молитва не должна прекращаться, «молиться нужно чаще, чем дышать». Из молитвенного предстояния перед Богом вытекает и необходимость совместного социального служения миру и ближним. А Господь по Своему Промыслу может и попускать искушения, и посылать укрепления, и это может проявляться в самых разных аспектах.

Мне кажется, что именно таким путем совместной молитвы и совместного труда шли к Богу члены первых

раннехристианских общин. Познакомившись с братьями из Тэзе, приняв их у себя и побывав в их гостеприимной общине, мы увидели в них тех людей, которые живут на Западе, ориентируясь на святоотеческую традицию. И это очень важно – жить, укореняясь в традицию древней Церкви Христовой. Это – основа нашего возрастания во Христе, которое должно быть непрерывным. И это, конечно, соединено с борьбой с самим собой, с нашим личным покаянием, с тем, что мы учимся видеть в ближнем образ Христа.

При этом очень важно, чтобы в современных условиях община не замыкалась в себе, была открытой для мира, а представители ее были людьми не от мира сего, но для мира сего. Необходимо, чтобы мы пребывали в простоте и радости, радости милосердия, радости братской любви. Истинно говорил брат Роже: «Для того, кто бескорыстно любит, жизнь наполняется чистой красотой», и «счастлива та община, в которой благожелательству нет конца, ибо тогда в ней Христос несравненно является миру» («Нет большей любви. У источников Тэзе»).

Вспомним слова преп. Серафима Саровского: «Стяжи мир душевный – и тысячи спасутся вокруг тебя». Услышав этот призыв, будем стремиться к нему. И пусть свет Христов, засияв в наших сердцах, всегда и навсегда просвещает всех.

Молитвенно желаю главе общины Тэзе, преемнику брата Роже, брату Алоису, и всем братьям непрестанно возрастать во Христе и выражаю им сердечную благодарность.

*Франция
Община Тэзе
Июль 2015 г.*

Архимандрит Савва (Мажуко)

МОНАШЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ: ДАР И КРЕСТ¹

Маленькая деревушка Эммаус находилась в семи милях от Иерусалима. Если вы пойдете пешком и не станете торопиться, то на дорогу уйдет два часа. Весной 9 апреля 30-го года в первый день недели из Иерусалима в сторону Эммауса вышли два печальных еврея. Одного звали Клеопа, другим, как полагают, был будущий евангелист Лука. Они очень увлеченно что-то обсуждали, и при этом у них был такой грустный вид и это так бросалось в глаза, что какой-то незнакомец спросил их напрямую: отчего вы печальны и о чем вы рассуждаете между собою? Причиной их грусти были трагические события прошедшей недели: их добрый Учитель — Иисус из Назарета — был предательски схвачен, подвержен несправедливому суду, приговорен к самой жестокой и позорной казни, какую только выдумали люди, убит и похоронен в пещере. И вот сегодня до них дошли слухи, что Иисус воскрес. Некоторые женщины рано утром ходили на гроб и не нашли Его тела, но они видели Ангела, который сказал им, что Учитель жив. И это всё очень смущает. Как-то странно всё это! Необычно! Неправильно! Ведь мы надеялись, что Иисус это и есть Освободитель Израиля. Как странно и то, что человек, идущий из Иерусалима, ничего об этом не слышал, и задает такие вопросы.

¹ Доклад произнесен на конференции, посвященной монашескому призванию в современном мире, проходившей в общине Примирения в Тэзе (Франция) в июле 2015 г.

Теперь все знают, что незнакомцем, задавшим вопросы двум путешественникам, был Сам Воскресший Христос, Которого они не узнали: «глаза их были удержаны» (Лк 24:16). Лука и Клеопа не узнали своего Учителя. И вот Христос прошел вместе с ними этот двухчасовой путь до Эммауса, и всё это время Он говорил. Он доказывал им, что тот путь, который прошел их Учитель, был подробно описан в Священном Писании. Он приводил им доказательства, цитируя библейские тексты, – от Моисея до самых поздних пророков – ведь все они говорили о Нем, о Его миссии, о Его служении. И вот эти трое путешественников подошли к Эммаусу. День клонился к вечеру. Ученики стали уговаривать Незнакомца разделить с ними трапезу, и Он остался. Как уважаемого гостя они просили Его преломить хлеб для трапезы. И вот Христос взял хлеб, благословил его, преломил и подал им. И именно в этот момент их глаза открылись, и они узнали своего воскресшего Учителя. Христос открыл Себя в Евхаристии, но тут же стал невидим.

Это было одно из многочисленных явлений Христа своим ученикам после Воскресения. Апостол Павел в послании к Коринфянам пишет, что Христос Воскресший явился более чем пятистам братьям (1 Кор 15:6). Более того, сам апостол Павел полагал, что явление Христа ему по дороге в Дамаск есть такое же явление Христа Воскресшего, как явление Луке и Клеопе, Марии Магдалине, Петру, Иоанну и Иакову. Христос Воскресший продолжает являться своим встревоженным ученикам и спустя две тысячи лет, потому что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8). Ученик Христа это человек, который однажды пережил

встречу со своим Учителем. Личную встречу. Из этих людей и состоит Церковь.

Но в этой истории меня всегда тревожил один момент: два часа Христос говорил со своими учениками, и это была очень яркая речь, в которой, видимо, была сильная аргументация, веские суждения, смелые обобщения. Двухчасовая речь это приблизительно 50–70 страниц плотного богословского текста. Но что запомнили ученики? Что сохранили для нас? Вся эта речь уместилась в один стих 24-й главы Евангелия от Луки: «И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк 24:27). И больше ничего. Ученики запомнили только одно: у них горело сердце, когда Он разговаривал с ними по пути (Лк 24:32). Они не узнали Бога в разговорчивом страннике, не опознали Воскресшего Учителя – они Его просто не видели. А сердце – горело огнем. Пылало верой. И только в краткий момент евхаристического благословения им открылось Его лицо, они опознали Его глазами. Краткий миг зрения и горящее сердце! И это действительно – самое важное. Не слова и аргументы, а личная встреча с Богом, от которой волнуется сердце, пробуждается душа, оживает вера.

Верующего человека утешают слова Христа, записанные апостолом Иоанном: «блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин 20:29). Потому что эти слова относятся к каждому из нас. Мы не видели, как Христос ходил по воде, как Он воскрешал Лазаря, исцелял слепцов, врачевал расслабленных. Мы не были свидетелями Его воскресения, нас никто не звал на гору Елеон, чтобы посмотреть, как Христос возносится на небо. Но мы верим Богу и доверяем Ему. Почему? Почему спустя две тысячи лет о Христе все еще говорят, все еще

стоят церкви, молодые люди добровольно уходят в монастыри, а есть места на земле, где за Христа идут на смерть?

Когда меня спрашивают, почему я стал христианином, я отвечаю просто: у меня не было выбора. Я не из тех людей, которые горят огнем веры, молятся с восторгом, проповедуют с яростью. Во мне нет даже элементарного трудолюбия или усердия. Но кроме Христа ничего нет. На «других планетах» просто нет жизни. А Христос это Бог Живой, Он – податель Жизни, Он и есть Сама Жизнь.

Вспомните Евангелие от Иоанна. Шестая глава, в которой Христос произносит знаменитые слова о Хлебе Жизни. Это основа богословия Евхаристии. Многие из Его учеников не смогли вынести этих слов. Они просто ушли от Него. Ушли навсегда. И вот Христос вместо того, чтобы оставшихся учеников укрепить в вере, ободрить, предлагает уйти и им. И апостол Петр произносит слова, под которыми я подписываюсь каждый день: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин 6:68). Куда нам идти? Есть только путь жизни и путь смерти. Разве есть выбор? Разве выбор между жизнью и смертью есть настоящий выбор? А жизнь – только во Христе. Но эта простая истина открывается нам только в личной встрече с Богом.

Меня всегда трогал отрывок из книги Царств, где описывается явление Бога пророку Илие. Это ведь очень важно и ответственно – прийти на встречу с Богом, на личное и очень интимное свидание, где только Он и я. Лицом к лицу. Пророк Илья знал, к кому на встречу он идет, кого он увидит, чей голос будет слышать и перед кем отвечать. Иногда мне кажется, что если бы мы знали, Кто назначает нам «свидание» – в

церкви, в больнице, в весеннем лесу — мы бы никогда не пришли. Мы бы спрятались от Бога, как прячемся от Него время от времени, попытались бы забыть о Нем, потому что с Богом трудно. Радостно, хорошо, но — трудно. Быть слепым и неверующим гораздо проще. И хотя бы раз в жизни каждому верующему приходит в голову мысль: как было бы проще, если бы Бога вовсе не было. Легче жить, когда Господь никогда не окликал тебя по имени, не обращался к тебе лично, не ждал от тебя ответа, не призывал тебя на свое служение.

И вот пророк Илья идёт на свидание с Богом. Он слышит ревущий ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы. Как естественно было бы в этой ревущей стихии увидеть Бога — но не в ветре Господь. Страшное землетрясение колеблет горы — но не в землетрясении Господь. Огонь идет по земле, сжигая всё на своём пути — и не в огне Господь. Автор этого мира, его Создатель и Хранитель явился пророку в веянии тихого ветерка (3 Цар 19:11-12).

Меня часто спрашивают: как случилось, что я — советский школьник, выросший в нерелигиозной семье, вдруг стал монахом и священником? Это объяснить не просто. У меня не было каких либо жизненных потрясений, трагедий, разочарований, смертельных болезней или отвергнутой любви. Все было гораздо проще. На летних каникулах я любил проводить время в библиотеке. Я читал безо всякой системы книги разных авторов и направлений. И вот однажды мне в руки случайно попала книга русского писателя-эмигранта Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». Мне понравилось название. Это имя звучало как-то красиво и необычно. И я эту книгу прочел, не отрываясь. Это и было для меня «веянием тихого ветерка». Господь

назначил мне свидание в библиотеке, среди книг и тишины. И вот тогда, в четырнадцать лет, будучи совершенно нецерковным подростком, я решил стать монахом и священником. Почему? Потому что ничего более красивого я в своей жизни не видел. Это было откровение красоты.

Я очень хочу, чтобы меня правильно поняли. Тот опыт встречи с Богом, опыт призвания на служения, который я тогда пережил, он не был мистическим восторгом, не было голосов, огней, вспышек света, эмоциональных потрясений. Я бы даже сказал, было слишком много тишины. Я не разговаривал с Богом, не общался с Сергием Радонежским. Но это была самая настоящая встреча. Если так можно выразиться, я не разговаривал с Богом, я на Него просто смотрел. Наверное именно это имел в виду апостол Павел, когда он во втором послании к Коринфянам описывает путь обожения, говоря, что «мы смотрим не на видимое, но на невидимое» (2 Кор 4:18), и «взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3:18).

И еще одно важное замечание. Будучи уже священником, я нашел эту книгу Бориса Зайцева, которую прочел подростком, и снова ее перечитал, ожидая каких-то знакомых ощущений. Однако ничего особенного в этом тексте я не нашел. Новых потрясений не случилось. Это небольшое и очень изящное произведение русской словесности. Помню, я был очень удивлен: чем эта книга могла меня поразить в детстве? Но ведь дело не в книге, не в ураганах и не скалах. Я думаю, что призыв на служение это событие, которое может случиться лишь раз в жизни. Это – событие уникальное. Его нельзя повторить. Его нельзя «заказать», спровоцировать, спланировать.

Красота это одно из имен Божиих. Бог – источник красоты. Он – красота сама по себе. И позже я узнал, что вот так же в откровении красоты Господь являлся многим. Великий русский философ и богослов отец Сергей Булгаков в юности потерял веру, стал убежденным марксистом, но однажды, путешествуя по Европе, в Дрездене в картинной галерее он увидел Сикстинскую Мадонну Рафаэля и начал молиться со слезами и не смог остановиться. Бог настиг русского философа в картинной галерее, там, где он никак не ожидал встретить Бога. Сергей Булгаков увидел в этой встрече призыв на служение, и впоследствии он стал священником и выдающимся богословом. Но спустя несколько десятилетий, уже будучи в эмиграции, он снова навестил Дрезденскую галерею и видел Сикстину, но ушел разочарованным – прежних восторгов уже не было. Потому что дело не в картине, не в книге, не в здании. Богу нельзя назначить встречу. Он Сам находит нас.

Другой русский философ – Евгений Трубецкой, переживший юношеское увлечение нигилизмом, встретил Бога не в церкви, не в картинной галерее, не в библиотеке, а в концертном зале. Он слушал 9-ю симфонию Бетховена, и в красоте этой музыки состоялась их встреча – Бога и философа. Важно отметить, что эти встречи не были образцами традиционной мистики: они не слышали громкого и властного голоса, не видели каких-то пророческих картин, ужасных знамений. Они пережили то, что, пожалуй, каждый из нас однажды пережил, то самое ощущение, которое переворачивает всё изнутри, внезапное открытие: Бог видит меня. Я хожу перед Его лицом, живу перед Его глазами. И что же это за взгляд, которым Он на меня смотрит? Это не взгляд охотника, выслеживающего добычу, не зоркий

взгляд справедливого судьи, который ищет возмездия. Нет. Он просто смотрит на меня. Он просто рад, что я есть. Ему от меня ничего не нужно. Но именно это бескорыстие Божьего взгляда и является самым громким призывом к служению.

Но как нести это служение? Я не знаю. Двадцать лет я живу в монастыре, и не могу сказать, что это было спокойное или успешное время. Мне нечего предъявить. Нет жизни в моих словах, нет силы в моих поступках. Для себя я определил тот минимум моего служения, который мне по силам. Господь хочет, чтобы я был. Я – простой белорусский монах – я есть. Братство, в котором я живу, совсем маленькое – нас всего одиннадцать человек. Кошек в нашем монастыре больше, чем монахов. Основатель нашего монастыря отец Антоний (он умер в 2014 году), человек очень простой и смиренный, часто говорил нам: следуйте примеру святого Венедикта. Однажды святой Венедикт сказал брату: пойдем проповедовать. И они целый день ходили по городу, не произнеся ни слова. Вечером ученик спросил Венедикта: а как же проповедь? И святой ответил: то, что мы, монахи, ходили среди этих простых людей, и было проповедью. Им очень важно знать, что мы есть. Что каждое утро и вечер, когда все спят или развлекаются, несколько чудачков становятся на молитву и просят Бога о милости к этому одичавшему миру. Им важно знать, пусть они и смеются над нами, а порой и оскорбляют, что есть люди, добровольно живущие в целомудрии и чистоте, люди, отказавшиеся от имущества, люди, которые всю свою жизнь посвятили Богу. Очень важно, чтобы мы просто были.

Когда я начал ходить в церковь, очень трудно было найти христианские книги. Одна старушка дала мне

почитать кусок книги без обложки. Как я потом выяснил, это был «Древний патерик» – сказание о жизни египетских монахов. Меня поразила история из биографии святого Антония Великого. Каждую неделю к нему за наставлением приходили молодые монахи. Они задавали вопросы и слушали старца с почтением. И лишь один молодой монах всегда молчал. Как-то Антоний спросил его: брат, почему ты ни разу не спросил меня ни о чем? И монах ответил: отец, для меня достаточно просто смотреть на тебя.

Я знаю многих людей, которые не могут справиться со своими страстями, им сложно переступить порог церкви, но они признаются, что сердце горит радостью и плачет, когда они просто видят монаха, когда слышат колокольный звон или звуки церковного пения. Это самое простое, что мы можем им дать, чем мы можем с ними поделиться. Может, они не запомнят наши слова, пусть наши глаза скажут больше.

В 2012 году я провел в Тэзе несколько недель. Это было незабываемое время. Я вел дневник, и иногда перечитываю его, чтобы воскресить в памяти радость общения с этим святым братством. Для обычного православного человека первые дни в Тэзе это культурный шок. Необычный стиль молитвы и богослужения, непривычные взаимоотношения, манера общения и в особенности, эта странная для русского человека обязанность общаться. Ведь русский человек не может общаться поверхностно и бесстрастно. Поэтому мы и боимся общения: уж если говорить, то до конца, до самых последних вопросов, если дружить, то до смерти, если любить, то навсегда. Святой брат Роже основал общину, которая несет апостольское служение – служение примирения. И это очень благородное служение, и очень

актуальное. Однако для меня это все было не столь важно, потому что Тэзе для меня стало, прежде всего, откровением красоты. Я бы повторил слова ученика святого Антония: братья, мне не так важно спрашивать вас о чем-то. Разговаривать, общаться, делиться – это важно, это необходимо. Но настоящая радость – просто смотреть на вас, на тот огонь красоты, который отражается на ваших прекрасных лицах, огонь, которым вы заражаете молодых людей, приезжающих сюда за наставлением и молитвой. И если у вас когда-нибудь появятся сомнения о выбранном пути, о том, что вы, может быть, мало ему соответствуете, не смущайтесь. Если хотя бы один человек скажет однажды, повторяя гениального апостола Петра, «Наставник! хорошо нам здесь быть» (Лк 9:33), знайте, что труд ваш не напрасен.

*Свято-Никольский монастырь
Беларусь, Гомель
2015 г.*

**К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ
МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)
1891–1945**

Мать Мария за работой в основанном ею общежитии, на улице Лурмель, 77. Париж. Портрет Н. Верёвкиной (начало 1940-х гг.)

Наталья Белевцева

**МАТЬ МАРИЯ (Е. Ю. СКОБЦОВА)
И СЕСТРА ИОАННА (Ю. Н. РЕЙТЛИНГЕР):
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ**

Между ними разница в семь лет. Елизавета Юрьевна (урожд. Пиленко, по первому мужу – Кузьмина-Караваева) родилась в Риге в 1891 г., а Юлия Николаевна – в С.-Петербурге в 1898 г. Общими стали Петербург: у Лизы Пиленко с 1906 г., у Юли – с рождения; юг России, Черноморское побережье Крыма – Ялта, Анапа, Коктебель – любовь к Крыму у матери Марии с детства и на всю жизнь, у Юлии Крым (под Ялтой) – перед революцией; дружба с о. Сергием Булгаковым (у Юлии Николаевны – с крымского периода, у Елизаветы Юрьевны – в парижский период); бегство из России – Елизаветы Юрьевны в 1920 г., Юлии Николаевны – в 1921 г.; Франция, Париж (Елизавета Юрьевна с 1923 г., Юлия Николаевна с 1925 г.).

О постриге Елизаветы Юрьевны (из Дневника Юлии Николаевны):

«Вечером, после пострига Ел. Юр. [28 марта (н.ст.) / 16 марта (ст. ст.) 1932 г., понедельник 3-ей седмицы Великого Поста].

Ник[а]кой постриг я еще так глубоко не переживала, к[а]к этот. Конечно, потому что это постриг *женский*, первый женский постриг, на котор.[ом] я присутствовала. И я приучила (немного!) себя последнее время говорить с самой собой, записывать свои мысли – и хочется

это пережить здесь, на бумаге, сказать все это здесь в словах.

Событие.

Со – бытие.

<...>

Что было со мной в церкви, и что было? Что было? Мне сейчас хочется плакать, но я должна удержаться <...>. Но, кажется, я не могу. Не могу удержать слез.

<...> я не знаю, не могу хорошенько объяснить, откуда они, почему они. Но мне хорошо. И вообще все хорошо. И мне хочется хорошенько подумать.

Во-первых – что и к[а]к переживала я при постриге.

Это было сильно. Это взволновывало, уносило. Силой. Силой благодати.

И я подумала – поймала себя на том, что в этом чувстве своей души, я не думаю о Боге, о моем Боге, о моем Христе, а просто чувствую это событие происходящее. И я хочу до конца себя проверить. Есть к[а]кая-то магия освященных традиций, преданием, историей – (наконец – не *благодарью* ли Церкви???) – вещей. Мантия, камиллавка... Ведь это не эстетизм.

Таинство – если можно так сказать про чин – ведь и оно действует?

О Боге ли это? <...>

Историческая церковь, да...

Вот поэтому очевидно я и плачу, потому что слишком сложны эти проблемы, которые *мы подъяли* на себя, которые *наложило* на нас время наше.

И теперь – еще. О Боге ли? Где мой Бог, мой Христос, спрашивала я себя, которому я должна о ней помолиться. Я Его нашла, и помолюсь, “Господи, помилуй” – но мало, потому что все было уже “само”.

А моя душа шла вместе с этим “самим” и радовалась, и уже стала иная и иначе видеть, и много, много иначе. И стала та, что за мантией, родной, к[а]к часто бывают

мне родней умершие, когда про чужого иногда сообщат, что он умер, я вдруг чувствую, что он стал мой, совсем близкий мне человек.

Правда странно, но мне иногда кажется, что я действительно когда-то была пострижена, или вообще монашество, это к[а]кая-то музыка и мелодия, которая *над* (о! над!!) моей всей жизнью звучит.

С детства ведь это – я помню... И эти, эти самые слезы, что сегодня... <...>

Стала она сестра Мария – и вдруг открылась она мне. К[а]к будто мне открыли ее душу. Больше бы открыть не могли бы даже ее собственные о себе слова».

* * *

Это дневник, а в письмах ко мне¹ Юлия Николаевна через сорок с лишним лет будет писать сначала отстраненно, а потом всё более и более переживая вновь судьбу матери Марии².

¹ К автору статьи. – (Прим. ред.)

² В 1976 г. отец Александр Мень предложил мне заняться историей жизни м. Марии (Скобцовой). Ведерниковы дали мне для изучения два посмертных сборника произведений м. Марии. Отец Александр снабжал меня журналами «Путь» и «Резистанс», а также посоветовал списаться с Юлией Николаевной Рейтлингер (сестрой Иоанной), которая в эмиграции знала м. Марию, а по возвращении в СССР жила в Ташкенте. Вот откуда образовались публикуемые ниже письма. Хотелось бы подчеркнуть, что мать Мария была любимая святая (до ее канонизации было еще далеко) о. Александра. За неделю до гибели, 2 сентября 1990 г. он провел вечер, посвященный м. Марии, на который организовал приезд из Парижа внука о. Дмитрия Клепинина – Антуана Аржаковского.

«24/X 76

Что касается В[ашей] просьбы о материалах о м. М., то вряд ли смогу Вас удовлетворить. Мне трудно что-либо прибавить к тому, что напечатано. Что до меня – я действительно *дов[ольно]* близко знала ее, но каких-либо личных отношений или дружбы с ней у меня не было. Жила я очень уединенно и *очень* занято (помогала по хозяйству в семье “отца”, работала свою творческую работу и сверх всего этого еще зарабатывала, тк сестре моей в то время жилось очень тяжело, муж ее болел, и я им посылала в Пр[агу] все, что могла. Кроме того, по глухоте, я никогда не участвовала во всяких обществ[енных] делах, не слушала лекций и докладов, кот[орые] устраивала м. М. и на которые ездил “Отец” – но с ней встречалась, когда он ездил служить к ним в общежитие (ездила с ним), или где-либо еще. Могла бы только внести поправки в ту повесть о ней (в журнале “Просторы”³) – и то не совсем уверенно: по-моему – но категорически утверждать не могу! – она в Сопротивл[ении] не участвовала, а погибла исключительно за помощь евреям и за симпатии к Родине, кот[орые] не скрывала. Тот факт (описан[ный] там), что в церкви (= гараже) у них на rue Lougmel был склад литерат[уры] Сопротивления, обнаруженный гестаповцами – по-моему вымысел. Этого не могло быть. Что она ездила в монастырь в Лимитрофо⁴ учиться мон[ашест]ву – тоже совсем не помню, по-моему, это не так было. Все остальное более или менее верно. Что она курила, уже будучи монахиней – тоже ложь, она бросила курить, когда постриглась, и поэтому очень пополнила.

³ Журнал «Простор». – Ташкент, 1973, №12.

⁴ Лимитрофы – в переводе с латинского – пограничный, в 1920 – 30-х гг. – общее название буржуазных государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи после 1917 г. (Латвия, Литва, Эстония, Польша и Финляндия).

Вот, к сожалению, все, что могу сказать. Но если у Вас есть конкретные вопросы – то мб. я могла бы на них ответить.

По-моему, вообще *путь* м. М. очень индивидуальный, но конечно Вы правы, что она является примером (в своем монашестве и в своем устроении) практического хр[истианст]ва, и образ ее особенно в связи с ее мученической смертью, потрясающ. Но есть в ее пути от Марии Египетской – недаром ее и называли в постриге Марией в честь последней. Митр. Евл[огий] сказал на ее постриге чудное слово: называя ее Марией он думал о том, что как Мар[ия] Егип[етская] ушла в пустыню к зверям, так она идет в своем монашестве в мир к людям, к злым людям, с котор[ыми] часто еще труднее, чем со зверями – что-то в этом роде, точно не могу сказать, но смысл был такой.

Сейчас я как раз перечитывала ее статьи и поражаюсь пророческому духу их!

На мой постриг она имела также косвенное влияние...».

«4/XII 76

Что до меня – очень много ее встречала, видела, но никогда с ней не разговаривала. Ее улыбку вижу, кк сейчас. Но по моему она не то, что люди сейчас хотят видеть в ней, и ее себе представить. Она была очень резкой ко всему, что не одобряла идейно, по-революционному резка (ведь она была с-дэчка или с-эрка, не помню). Терпеть не могла аристократического православия, и вообще аристократию, одно время (еще до о. Дмитрия Клепинина) в ее общежитии был священником (не помню его имя) но фамилия вроде что-то Куракин, она все смеялась, что его участие в ее общежитии – “брешь в его мировоззрений”, т. к. он был какого-то аристокр[атического] происхожд[ения] и среды. Вообще шутить любила.

Терпеть не могла никакого ханжества. К службам церковн[ым] (*кроме* литургии, конечно!) относилась вроде мат[ери] Екатерины (из Леснинского мон-ря), от которой пошло крылатое слово “типиконить”. Когда у нее в общеж[итии] был еще другой, очень “благочестивый” монах, и когда ему предлагали вторую порцию во время обеда – он отвечал: “не полагается!” – она разъярялась! Вообще не любила “как полагается”.

Но литургию у них служили часто, и она всегда об этом хлопотала, часто приглашала служить у них о. С., и часто причащалась. Как-то раз о. С. сказал нам: “м. М. не умеет молиться”. Это возможно и очевидно, тк он же ее знал лучше всех – верно, просто это *тип*. Кто-то, желая ее оправдать, сказал, что “ея молитвы – ея вышивки” (она любила вышивать и часто делала это для Ц[еркви]) – но я бы сказала, что ея молитвы – это ея стихи. <...>

Вы поставили очень интересный вопрос о религиозной поэзии – есть ли она поэзия, или только рифмованные мысли? По-моему, ея стихи – где-то на ½ пути, хотя многие теперь, читая их, не признают за поэзию, ценя при этом содержание.

Все, что пишет Микул[ина] о материнском отношении м. М. к Блоку, когда ей было самой-то чуть ли не 15 лет – все верно, это была какая-то *жалость* и материнский инстинкт! Это ея стиль. И путь Марии Египетской, кот[орый] она прошла, кк-то с этим связан. Уже будучи монахиней, она ездила к каким то “забытым” в провинцию, и там наблюдала, кк у них была очередь к проститутке, и ей было их так *жаль*, она рассказывала это о. Сергию, что готова была бы сама их “принимать”.

<...> насчет слушания – мне кажется она умела и слушать, и говорить. Но бралась за многое, и часто были неудачи. Одну девушку, опустившуюся в пьянстве – вытасила и она при ней была, очень ее (м. Марию) любила, но потом опять сорвалась. Вижу ея образ скорей тихий,

сидящей за вышивкой, мир около, но и бурной деятельности и активности. <...>

Около нее было много людей, кот[орые] ее очень любили, но было и очень много врагов, которые возмущались всем, что она делает

<...> кк Вы знаете, о. С[ергий] был очень болен, но нес, конечно, всю нагрузку, но я, стоя с ним рядом и зная чего это ему стоит – конечно делала все возможное, чтоб в чем могла облегчить ему жизнь и беспокоилась о его здоровье. Помню, что кк-то м. М. сказала не то мне самой, не то кому-то, что я слишком его оберегаю (но оберегать-то было даже и трудно, мало что можно было изменить). Но хорошо ей было это говорить, когда сама она, по собств[енным] словам, “засыпала как кукла с закрывающимися глазами – как только очутится в лежащем положении”, а он страдал всю жизнь наследственными (от матери – очень нервной) мучительными бессонницами, и гов[орил]: “нет в мире такой силы, которая бы меня заставила заснуть”.

Постриг ея был замечательный – о слове м. Евлог[ия] я уже Вам писала. После постр[ига] “полагается” (что бы сказ[ала] м. М. на это слово! Она его не выносила!) 3 дня уединения. Ей его создали, поместив в комнату, кот[орая] тогда пустовала (потом в ней жил о. Кипр[иан]. – смежная с кабинетом и спальней о. С.) и я к ней, помню, приходила туда, она сидела очень счастливая, читала, вышивала. (Я жила в этом же домике наверху). Но о чем мы говорили – хоть убей, не помню!

Многие совсем не понимали ни ея пострига, ни ея пути. Им, кк я говорю, подавай Лизу Калитину. Ея интонацию помню очень ясно, когда она *передразнивала* одного у нас там очень почтенного елейного старичка, кот[орый] ее спросил: “Как зовут Ваших детей? – я буду за них молиться”. Когда в Нуази le Grand я одно время жила, делая фрески в часовеньке при доме – это был ею

открытый дом для каких-то несчастных – мы с подругой затеяли сделать настоящие фрески (потом их другие художники разрушили) – был, я помню, какой-то конфликт, и она говорит: “самое трудное с людьми”. Вот ее м. Евл[огий] и “послал” вместо пустыни М[арии] Егип[етской] – с людьми, а не со зверями пустыни, иметь дело.

Иногда мне была чужда ее самоуверенность. Кк-то (не помню – уже при немцах или до них?) она говорила очень уверенно о будущем сына: “потом Сорбонна!” и т. д. – и повышала при этом голос – и вот чем все кончилось!

Конфликт с 2-мя монахинями, кот[орые] по началу ей помогали, вышел на почве того, что те искали какой то что ли эстетики в монашестве, с его службами и т.д. – и ее стиль им не подходил – и им не нравилась, кк они гов[орили], – “шумиха” ее добрых дел – и они отделились и устроили за городом свой монастырек. Потом и там разделились! Вл. Евлогий смеялся – “что ни монахиня – то игуменья!”».

На штемпеле дата отправки из Ташкента 20.12.76.

«М. Мария говорила: “вот драма нашей культ[уры] – Сераф[им] Саровск[ий] и Пушкин были современниками, но они понятия не имели друг о друге”.

Вот у нас бывает так, будто для того, чтоб стать православным христ[ианином] – нам надо начать говорить (а мб. и думать?) на каком-то особом языке. У м. М. этого совершенно не было. Она “думала” (и гов[орила]!) языком своего времени, Блока и т.д. – и без всякого “перевода” этого на др. язык была православ[ой] хр[истиан]кой. Но все же многое ей было неприемлемо. Напр[имер] она совершенно не понимала Феофана Затворника (хотя при этом “Добротол[юбие]” знала хорошо) и говорила: “когда я читаю Феоф[ана] Затв[орника] – кк будто жую бумагу”.

- - -

М. Мария считала в монастыстве главным – “ничего своего”, т.е. отказ от всякого собственничества, будь то материального, душевного или духовного.

Но в том и трудность уловить ее тип, ее идеи, потому что пришла она к этому после многих мужей, после семьи, и продолжая в какой-то мере иметь своих детей, хотя двоих из них у нее взял Бог.

- - -

М. М. нетерпимо относилась к официалн[ому] дореволюцион[ому] правосл[авию] В его проявлениях вроде то<го>, кк разнаряженные в мундиры пажи или подобные личности, придерживая рукой шпагу, становились на одно колено (это ее слова) во время пения “Отче наш” на литургии, тк кроме него они вообще ничего не знали и не понимали и знать не хотели.

- - -

Когда м. М. открыла свое первое общежитие – кажется без копейки в кармане – потом какими-то чудесами у нее все пошло, – то первым, кого она в нем приняла, была беременная девушка; враги возмущались, друзья рукоплескали».

«19/1 77

Вы очень точно нашли понятие, вокруг которого ведь я ходила смутно, передавая Вам в своем последнем письме духовные вкусы м. М. и тип ее благочестия, и задавая Вам вопросы – что в повести Микулиной Вам показалось ложью, т.е. ее *гуманистическая* направленность. Мне кажется, что именно м. М. (и мб. многие люди нашей эпохи) включали (и включают) гуманизм в свой духовный церковный путь, а не противопоставляют одно другому. В этом весь “секрет”, по-моему! У о. С. часто была такая фраза про его жизнь, про две ее части, казалось бы

противоположные др.др. – “das sind zwei Teile *einer* Komposition”⁵. <...>

...о встрече в кафе с Ал. Толст[ым] и о курении и закидывании ноги на ногу – явная фантазия! Но все это имеет основание в том случае, что м. М. ни минуты не стилизовала себя под традиционное мон[ашест]во. Вы употребили выражение, что по Микулиной выходит, что ея постриг был очередным проявлением [ея] экстравагантной натуры. Экстравагантность, если хотите, в ней была, и не могла совсем пропасть, но я могу свидетельствовать, что главное в ея постриге было желание *церковного* освящения своего пути, которое ей особенно было нужно, благодаря беспутности и беспорядочности ея предыдущей жизни, и было вполне искренним желанием *по-своему* послужить Ц[еркви]. Часто мы с о. С. сравнивали ея постриг с посвящением в диаконисы, т. к. многих мотивов пострига (девство, искание созерцательной жизни, и т.д.) которыми могли руководиться многие другие, пришедшие к постригу, у нее не могло быть биографически и в силу ея главного стремления – послужить людям.

<...> в ней есть какая-то доля не то авантюризма, в самом хор[ошем] смысле, не то, что Вы называли “экстравагантностью”, но ведь это не мешает тому, что она умерла как святая <...> она пошла в газ[овую] комнату вместо друг[ой] женщины (у кот[орой] были дети! – Ел. Як.⁶ подтвердила, и это очень важно, она мне писала (или рассказ[ывала]), что знает людей, кот[орые] от этой самой женщины это слышали⁷!

⁵ «Это две части *одной* композиции» (нем.). – (Прим. авт.)

⁶ Елена Яковлевна Ведерникова. – (Прим. авт.)

⁷ Безусловных оснований утверждать, что м. Мария пошла в газовую камеру вместо другой узницы, – нет. Но мученический подвиг ее не в этом; смерть м. Марии свидетельствует о ее несомненной святости. См. Наталия Большакова. Подражание Христу. Путь матери Марии (Скобцовой). // Христианос-XXIII. Рига, 2014. С 182–184. – (Прим. ред.)

О спасении евреев во время войны (что и было главным ее делом, а вовсе не работа в “сопротивлении”, тк. последнее было полувоенной организацией, в котор[ой] по-моему, м. Мария не принимала участие, и то, что ящик с их бумагами стоял в храме (=гараже) *не* может быть, (кк пишет Микул[ина])».

«22/XII 78

...общезития, кот[орые] она устроила (с помощью других членов “Православного дела” – объединение, созданное не то ею, не то ею совместно с ее доброжелателями), помещались в брошенных буржуазных особняках, во дворе которых были бывшие конюшни – а потом гаражи. В этих-то гаражах и устраивали храмы, и не только у нее, а таких храмов-гаражей или барakov было у эмигр[антов] много, их насчитывали 15 штук в одном Париже, не то вместе с пригородами, не то только в Пар[иже]. Так вот м. М. говорила – “мы в лучшем положении, чем православные до революции в Р[оссии], с нашими самостоятельными храмами, с их легковесностью по сравнению с теми 100 пудовыми евангелиями и орущими голосистыми диаконами”».

«30 января 1977 г.

...кк-то м. М. мне сказала – “требую от них, – или что-то в этом роде – хоть бы за день они заштопали одну пару чулок” это очевидно о каких-то подопечных девушках, в борьбе с богемой...».

«27/I 80

Моя главная мысль заключалась в том, что главная идея м. Марии – это ударение на 2-ой заповеди, тогда как веками, в увлечении монашеством, наша церковн[ая] тради[ция] делала ударение на 1-ой, и кк бы уходила от полнокровного выполнения Христовой проповеди, однако –

сознательно или бессознательно – считая эту традицию кк бы христ[ианст]вом I-го сорта. И веками наша духовная литература писалась и имела в виду этот путь. Вот в этом-то и есть главная заслуга кк м. Екатерины, так и м. Марии и их главное слово в истории. Но беда в том, что путь м. Марии совсем особый и индивидуальный и не может быть примером.

Тут вся проблема в том – что такое монашество? Мне кажется, что все же главное в нем – это отказ от так называемой “личной жизни” и полная отдача себя всего целиком Христу. Но это осуществляется главн[ым] образом в девстве. А в таком случае его проявление в миру очень затруднено, тк полно опасностей и ложных шагов. М. М. в этом именно смысле была уже человеком перегоревшим, изжившим свой пол, и поэтому ея путь не характерен».

* * *

Итак, с. Иоанна утверждает, что, хотя м. Марию она «дов[ольно] близко знала ... но каких-либо личных отношений или дружбы с ней у меня не было».

Но известно, что когда устраивалась домовая церковь в парижском общежитии по адресу Вилла де Сакс № 9, – первую икону пожертвовала Ю. Н. Рейтлингер (м.б. Страстное Благовещение, которое видно на фотографии интерьера церкви в этом первом общежитии), а, когда осваивалось церковное пространство на ул. Лурмель, «иконостас храма, бывшего на улице Сакс, оказался слишком мал для нового помещения церкви. Опять пришла на помощь милая сестра Иоанна (Рейтлингер) и дала иконы своей работы: Спасителя и Божьей Матери для иконостаса и огромную икону Покрова Богородицы на наружную стену над входом

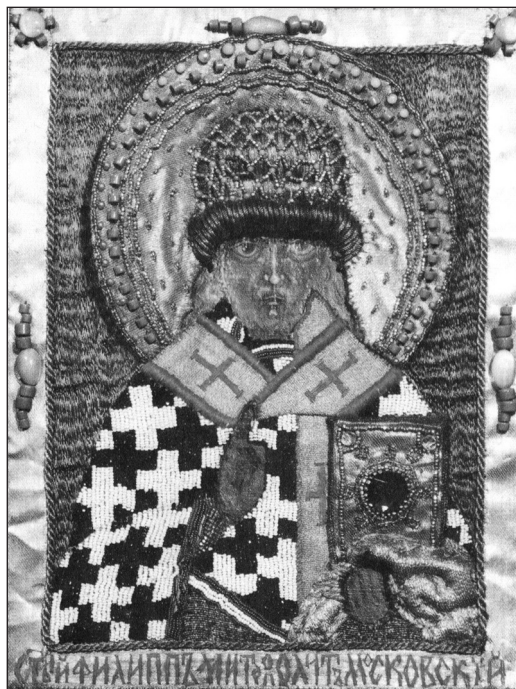
*Часть интерьера
домовой церкви
по адресу
Вилла де Сакс № 9*

*Икона Покрова
Пресвятой Богородицы
с. Иоанны (Рейтлингер)*

в храм...»⁸. Это та икона, которая сейчас находится на левом клиросе церкви прп. Серафима Саровского на ул. Лекурб.

⁸ Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая: живопись, графика, вышивка. / Автор-составитель К. И. Кривошеина. – СПб., 2004. С. 56.

*Святой Филипп
митрополит Московский, 1940 г.
Лик написан сестрой Иоанной,
а вышивка с инкрустациями
выполнена м. Марией*

Более того: лики икон свт. митрополита Филиппа Московского, Образ Спасителя на Убрусе и Божьей Матери, которые были сделаны для маленькой церкви, которую м. Мария и о. Димитрий Клепинин открыли в пристройке основного храма на Лурмель, написала сестра Иоанна (Рейтлингер). И эти суровые лики контрастно выглядят в ярком декоративном окружении, сделанном м. Марией, но м.б. поэтому их воздействие особенно сильно.

*Образ Господень
на Убресе, 1939–1940 гг.
Лик написан с. Иоанной,
а вышивка, инкрустация,
аппликация
выполнены м. Марией*

*Икона Божией Матери
Умиление, 1939–1940 гг.
Лик написан с. Иоанной,
а вышивка, инкрустация,
аппликация выполнены
м. Марией*

Есть свидетельство, что в концлагере мать Мария начала вышивать икону Божией Матери, обнимающей крест с распятым Младенцем. Это изображение могло быть навеяно фреской Марселя Ленуара, увиденной ею в Католическом институте в Тулузе, на которой была изображена Богородица с крестообразно распластанным Младенцем Христом. Но подспудные ассоциации могли быть и с иконой Ахтырской Богоматери, а ближе всего – с Коптской.

Вышивка исчезла, но описание её осталось благодаря подруге м. Марии по лагерю Е. А. Новиковой, и по нему был сделан рисунок, по утверждению К. И. Кривошейной, – сестрой Иоанной (Рейтлингер).

Может быть, именно этот рисунок передала мне в 1970-е годы Е. Я. Ведерникова.

* * *

У Ю. Н. много сил шло на сдерживание себя в жизни, проявлялся же темперамент в работе над творческой иконой. Она понимала, что икона должна содержать краски времени – впитать живую жизнь. Это ярко звучит в её Духовном дневнике:

«23 Февр. [1932]

Я не могу работать – мне надо искать – мне надо думать, говорить с самой собой.

Если бы у меня была твердая к[а]к камень вера, то я бы встала прямо перед Ним и вопила бы: Господи дай, Господи дай, Господи дай! Если нельзя так молиться о здоровье близких, о вещах житейских – то ведь о том чтоб Ты присутствовал в Твоей иконе – ведь можно? В Твою Славу!».

После посещения выставки Пизанелло:

«9го Марта

Удивительна сила веры у старых мастеров, не веры в Бога лишь, а и в жизнь, в изображение, любовь, просто-та, искренность.

Я хочу быть искренней, простой, верующей. <...>

Икона – тот, кому молишься, кто нужен.

Икона должна быть нужна.

Искренность – и труд жизни.

Искренность веры – и труд работы над грехом, над жизнью».

«Пятница. [18 марта (н. ст.) 1932 г.]

Я удалилась на Вел.[икий] пост, чтоб сосредоточиться, и главной темой моих размышлений я поставила себе икону.

<...> Я вижу к[а]кое-то великое, громадное значение для соврем.[енного] иск-[уст]ва, и *возможность* (вряд ли осуществимую) для большого будущего.

Я проверяю себя и хочу глубоко продумать и прочувствовать, что мной движет, когда в красивыя modernas обстановки мне хочется повесить икону. <...> Мир не закрыт для меня – наоборот, он передо мной открыт, виден, только слегка заглушен шум его, чтоб лучше слышать. И я считаюсь – о! да слишком считаюсь с ним в своих размышлениях.

Итак – декоративность или *и* духовность? Конечно *и* второе. И пустая не экспрессивная декоративность мне не нужна, чужда. А экспрессия есть уже трагедия, драма, содержание.

Благодарю тебя, Боже, что Ты освобождаешь меня от рабства.

<...>

Помоги Господи.

Вторник. [22 марта]

Чувствую что в иконе к[а]кой-то очень основной узел всех современ.[ных] проблем духа и искусства... От этих мыслей очень трепетно».

А то, что с. Иоанна хотела переакцентировать, можно понять, увидев тот декор, которым украшали салоны, дома, пароходы во Франции в 1920-30-е годы.

Скульптуры ар-деко

Деятельность м. Марии в реальной жизни известна, в иконах она порой себя сдерживала, давая волю своему темпераменту в вышивках.

Не претендуя на подробный стилистический анализ, хотелось бы зрительно поставить рядом воплощение тех или иных евангельских сюжетов у той и другой. Но надо помнить, что икона и фреска требуют разного уровня подробности и, если хотите, декоративности. Однако, все-таки обратимся к иконам обеих монахинь:

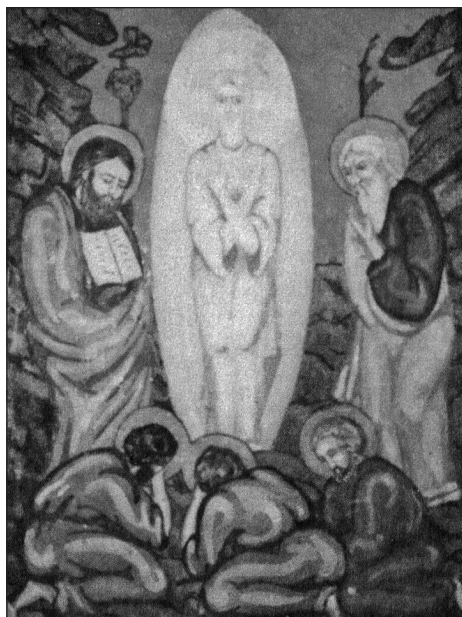

Крещение: композиционно они совпадают, но по краскам медонское⁹ (сверху) представляется более гармоничным и сдержанным.

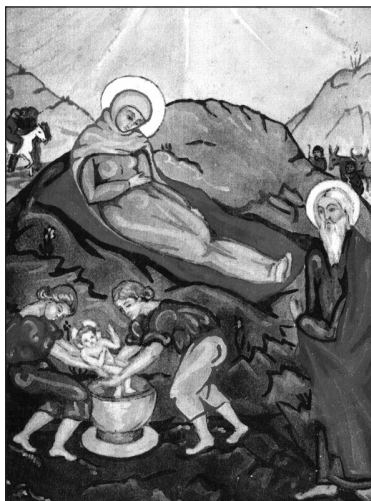
⁹ «Медонское» — здесь и далее: автор имеет в виду церковь св. Иоанна Воина в г. Медоне (под Парижем), где в 1930-е годы Ю. Н. Рейтлингер создала росписи и иконы. — (Прим. ред.)

Благовещение: икону и вышивку, наверное, некорректно сравнивать, но всё же надо отметить, что медонское Страстное Благовещение (сверху) тяготеет к древнерусской традиции Устюжского Благовещения с цветовыми сочетаниями модерна, а у м. Марии весьма явна западная традиция с витражным буйством красок.

Преображение: кажется медонское Преображение (внизу) более экспрессивным и красочно более плотным, а у м. Марии оно пластически мягче.

Рождество: у м. Марии (сверху) живоподобно, радостно – купание Младенца. У с. Иоанны в Рождестве – будущая скорбь: Младенец в яслях-гробе. Но обе художницы сокращают Соглядатая Иосифа. Традиционно совпадают по бокам возвышенности волхвы и пастухи. У м. Марии больше динамизма в фигурах главных участников, у с. Иоанны – в стремительности и пораженности Звездой волхвов и пастухов.

Мария Египетская: обе не уступают друг другу в экспрессии и в преображении спокойствия канона. У с. Иоанны (сверху), правда, каноническая композиция сохраняется, а м. Мария предлагает революционное решение.

Тайная вечеря: Иисус на вышивке м. Марии (сверху) тяготеет к симбиозу Спаса Нерукотворного и Спаса во гробе (глаза опущены). У с. Иоанны на иконах 1930-х годов – это Спас из медонской Небесной Евхаристии и на иконе «Не рыдай Мене, Мати».

Трубящие ангелы: у м. Марии (сверху) стилистика живописца Натальи Гончаровой, у с. Иоанны парение от Мориса Денни.

Несмотря на все различия, обеих художниц характеризует свободный поиск языка века, в котором они живут.

И вот, что напишет Юлия Николаевна много позже, в СССР, в 1970-е, в Приложении к Автобиографии, хранящейся в архиве ДРЗ¹⁰, продолжая отстаивать не-

¹⁰ Дом Русского Зарубежья (г. Москва). – (Прим. ред.)

стилизованную связь иконы с живой жизнью, одновременно с сохранением её символизма. Это было свойственно и произведениям м. Марии. Юлия Николаевна этот стиль назовет Реасимволизмом.

«Мне кажется, что нашей религиозной психологии ближе более древние эпохи (совсем не наших поздних типа Симона Ушакова и др. под.) – я бы не побоялась слова *реалистичные*, но тут надо оговориться и уяснить значение этого слова, и тем более уяснить разницу символизма и стилизации: искусство по своей природе *символично*, и в еще большей степени, по своему заданию – *символична икона* (тут можно говорить о некоем “реасимволизме”). Именно при уходе от символизма в самом способе выражения (Васнецов и под.) икона перестает следовать своему заданию!» (Приложение. Ф. 36, оп. 1, ед. хр. 6, л. 43).

«<...> как наша молитвенная психология отличается от таковой наших предков (поэтому многие молитвы древности нас не удовлетворяют!), так и икона с ее гласом молчания может, а может быть и должна, в наш шумный век иногда <...> быть трубным гласом.

Икона имеет право будить, рассказывать...» (Дополнение к Приложению, ед. хр. 6, л. 13).

«<...> по-моему, особенно в наших условиях – икона от фрески не так уж далека. Наше время слишком суровое, чтоб мы стали “развлекаться”, как ярославские мастера, разными интересными эпизодами и украшать ими стены, если бы таковые нам были даны. <...>

Нужна ли нам, нашей религиозной психологии и молитвенной психологии вся эта пышность Успенского собора в Кремле, все это золото, вся эта узорчатость и какое-то религиозное празднование! Нам и иконостас с

его бесконечным числом ярусов уже не нужен! Мы недаром пережили одноярусные “храмы” в гаражах, чтоб могли бы вернуться к этой пышности» (Дополнение к Приложению, ед. хр. 6, л. 14).

Именно в соскребаании позолоты с себя, с представлений о себе, со стиля жизни и, в том числе с церковного убранства, был путь и м. Марии – в её «неудобном», «огненном» христианстве.

*Москва
Июнь 2016 г.*

От редакции

На страницах альманаха «Христианос» читатели не раз встречались с личностью матери Марии (Скобцовой) и ее поэтическим и религиозно-философским наследием.

В этом выпуске альманаха, посвященном монашеству, собраны некоторые размышления м. Марии на эту тему.

Изучая древнюю монашескую традицию, святоотеческие творения, Добротолюбие и осмысляя иноческий опыт прошлых веков Русской Православной Церкви, мать Мария искала ту стезю «подражания Христу», которая, исходя из евангельских заповедей, была бы «ответом» этому «времени исповедничества», когда «мир горит» и в которое выпало ей жить и прокладывать монашеский путь.

И, несмотря на то, что статьи, фрагменты из которых здесь представлены, уже опубликованы (да и написаны они были в конце 1930-х годов), – кажется не лишним еще раз вчитаться в эти строки, ибо они не только не устарели, но как будто и написаны для нас, для сегодняшнего дня.

И обращены не только к монахам, так как, по мысли м. Марии, Церковь – это «единый монастырь, состоящий из тех, кто вольно подвизается на ниве Христовой».

Мать Мария (Скобцова)

О МОНАШЕСТВЕ¹

...Монашество идет сейчас ощупью. И мне, наверное, как и всем другим, нужно было напрягать внимание, делать выводы, искать в большой внутренней напряженности своего, по воле жизни такого необычайного, монашеского пути.

В допетровской Руси, во времена преподобного Сергия, во времена Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, при всех разнообразных проявлениях монашеского творчества, было все же совершенно ясно, что жизнь предъявит к этому творчеству очень определенные требования. На спрос шло и предложение. Монастырские школы, монастыри-колонизаторы, монастыри-хозяйства, монастыри-издательства, монастыри-центры просвещения и культурной жизни, а часто – монастыри-крепости, и все это была верная, прочная и неизменная рама для таящейся в них святости. Культурно-хозяйственные традиции монастырей – это то, что не может быть оспариваемо. Это просто исторический факт. С петровским обмирщением жизни изменился спрос, изменилось и предложение.

Синодальный период церкви, конечно, период исторического упадка монашества, как идеи, как принципа. Это не значит, что не было в это время замечательных монахов и замечательных монастырей, но все замеча-

¹ *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. т. I. Paris: Ymca-Press, 1992. // «Еще о монашестве». С. 152; «Под знаком гибели». С. 189.

тельное, что было, являлось скорее исключением, все оно не могло нащупать какой-то прочной и общей линии монашеского творческого пути. Доживали старую традицию (уже в безгранично меньшей степени соответствующую запросам жизни), на которую в окружающей действительности не было еще никаких указаний. Как правило, из этого положения не могло родиться ничего творчески значительного. Синодальный период, конечно, кончен. От старого быта не осталось камня на камне, и от монашеского быта в том числе. Можно сказать, что сейчас ни одна старая традиция не может искать своего обоснования и оправдания в вызывающих ее условиях жизни. От условий этих ничего не осталось. Традиция остается, если она остается, — только как таковая, как некий затвердевший обряд, исполнители которого постепенно забывают его объяснения.

Тут можно говорить о своеобразных попытках в своих личных монашеских путях встать на какую-то историческую линию, отдать свои силы на реставрацию того, что было сметено не только последними революционными событиями, но выветривалось постепенно в течение веков.

Прежде всего мне кажется необходимым в корне отвергнуть самый принцип такой установки. Ни в одной области человеческого творчества человек не должен ограничивать свои стремления такими реставрационными заданиями.

Все это в полной мере относится и к монашеству. Было бы нелепо и безумно пытаться сейчас создавать монастыри так, как они были до революции, во что бы то ни стало продолжать старые традиции и им жертвовать

всей своей жизнью. По отношению к монашеству это тем более ясно, что собственно и неизвестно, какую традицию надо поднимать и реставрировать. XVIII и XIX века в истории монашества в России в общем были веками упадка, и вряд ли их можно принять, не вводя очень существенных коррективов из более отдаленных времен.

В самом деле, чем было монашество в этот последний период своего существования? Принято думать, что у нас наиболее распространенным был тип монаха-созерцателя, и православное монашество, в противовес католическому, отказалось от какой-либо внешней активности во имя уединенного богообщения. Мне думается, что это совершенно неверно. Созерцатели были, но это были единицы на тысячи, лично призванные к такому подвигу. Они, может быть, являли собой вершину монашеской жизни, но отнюдь не определяли основной ее тип. Конечно, безусловно верно, что русское монашество, за очень небольшим исключением, в последние века не имело никаких активных социальных задач в церковной жизни. Но этот отрицательный признак не делает его созерцательным монашеством. Чтобы понять, чем оно было, достаточно изучить, чем оно осталось в Румынии, Латвии, Эстонии и т. д. Монастырь был как бы неким семейным очагом, монашеская община заменяла семью. Братья и сестры заменяли отцов и детей. Эта монашеская семья являлась некой хозяйственно-бытовой единицей, – и это самое для нее характерное, – она была религиозно-трудовой общиной, обслуживающей как духовные, так и материальные интересы своих членов. К такому центру стекались люди и из внешнего мира. Они, конечно, также получали от него известное материальное и духовное удовлетво-

ние, но это уже было вторичное дело монастыря, – так сказать, от избытка его сил, а не от основной его установки.

Нет ничего плохого в таком понимании задач, – очень вероятно, что историческая обстановка вынуждала монахов так их ограничивать. Но было бы совершенно неправильно такое ограничение признать чем-то единственным и обязательным. Было бы неправильно думать, что вне этих исторических рамок монашество не может существовать, и теперь мы призваны во что бы то ни стало воссоздавать то, что было раньше, – если нет жизненных условий для этого, то создать хотя бы внешнюю декорацию, восстановить, так сказать, исторически точный костюм старого монашества.

Чтобы правильно ответить на вопрос, каковы пути современного православного монашества, надо, конечно, не только изучить, каковы они были в XIX веке или в более древних веках, а каковы существеннейшие, мистические, глубинные черты православного монашества, какова его внутренняя суть, основные его принципы.

Монашество определяется не бытом, не монастырем, не пустыней, – монашество определяется обетами, даваемыми во время чина пострижения. Все остальное – историческая оболочка, которая может и должна меняться и которая имеет лишь относительную ценность: она ценна, поскольку она способствует выполнению обетов.

Обетов же этих три: это послушание, целомудрие и нестяжание. Если монах их соблюдает, он соблюдает монашество, если он их нарушает, то при наличии всего монашеского быта он своего монашества не соблюдает.

Обет целомудрия понимался всегда совершенно определенно, и в его выполнение, конечно, никакие истори-

ческие условия не вносят изменений. Не в нем, поэтому, корень всего нового, что монашество должно принять.

Последние века два других обета претерпевали противоположное развитие. Все ударение делалось на обете послушания, и принцип отсечения воли доводился до своего предела. Обет же нестяжания упрощался до элементарного отказа от сребролюбия или, в лучшем случае, своей частной материальной собственности. Более духовного толкования ему не давалось.

Такое особое ударение на обете послушания объясняется сильным развитием института старчества, которое мы наблюдаем в русском монашестве с конца XVIII века. Старчество и есть пристальное духовное руководство послушником, предполагающее полную отдачу его воли в руки старца. Это не только вопрос об известной дисциплине, необходимой во всяком общежитии, не только вопрос о следовании правилам этого общежития, не только вопрос о добросовестном принятии на себя известных обязательств и ответственности за их выполнение. Наоборот, – в послушании ответственность как бы снимается, обязанности вытекают не из их распределения в общей жизни, а из слепого и беспрекословного выполнения воли старца. От монаха требуется одно – не иметь не только своей воли, но не иметь и своего рассуждения, своих оценок, своего выбора, – за него оценивает, выбирает, рассуждает и решает старец, – он только слепой исполнитель этих решений. Как предел послушания можно привести такой пример: если старец впал в ересь и обличен в ней, послушник продолжает ему повиноваться, потому что, выйдя из повиновения, он согрешит, нарушит обет послушания, а выполняя еретические требования старца – он не грешит, так как самый факт послушания

перекладывает всю ответственность за совершенный грех на того, кто его жизнью руководит, т. е. на старца.

Мне не нужно сейчас по существу рассматривать этот принцип. Важно только подчеркнуть, что его воплощение ставит одно непереносимое условие: для послушания необходим старец, которого нужно слушаться. Если нет старца, то нет и послушания, или, во всяком случае, оно меняет свой характер, оно становится относительным, условным. Старец же не есть просто какое-то случайное начальство, это человек, который ответственно берет в свои руки судьбу чужую, ежедневно и пристально следит за нею, воспитывает своего послушника, отвечает за него перед Богом. Если для послушника старец является подлинным духовным отцом, то и для старца послушник должен быть подлинным, хорошо ведомым, любимым духовным сыном. Без этого нет старчества и нет послушания.

И нам надо твердо сказать, что при современных условиях монашеской жизни старчества действительно нет или почти нет.

При таких условиях было бы нелепо во что бы то ни стало реставрировать институт старчества, условно считать одного старцем, а другого послушником, применять всю суровую систему послушания, как полного отсечения воли, для того, чтобы отдать ее в руки другого человека.

Послушание как таковое остается неизменным, но смысл его становится другим. Монах должен быть послушен церковному делу, на которое он поставлен, он должен целиком отдать свою волю и все свои творческие силы этому делу. Послушание становится служением. По существу, это служение должно быть не менее

сурово, чем послушание старцу. Только ответственность тут остается на самом монахе, он сам мерит меру своей добросовестности, своей жертвенности и самоотдачи. Старцем его становится сама церковь, которая и судит его, а поручаемое послушание – это ответственное выполнение того церковного дела, которое церковь вручила ему.

Тут надо оговориться, что есть, конечно, работа, которая по существу может быть названа поделкой. Когда отшельники плели циновки и лепили горшки – это была поделка. Когда мы чистим картошку, штопаем белье, подсчитываем расходы, ездим на метро, это тоже поделка. Но когда древние монахи в виде послушания погребали мертвецов, ухаживали за прокаженными, проповедовали падшим женщинам, обличали неправедную жизнь, творили милостыню – это была не поделка. И когда нам приходится действовать в нашей современной жизни, навещать больных, кормить безработных, учить детей, общаться со всеми видами человеческого горя и человеческого падения, иметь дело с пьяницами, с преступниками, с сумасшедшими, с унывающими, с опустившимися, – со всей духовной проказой нашей жизни, – это не поделка и это не только дань послушанию, имеющему границы в нашем главном внутреннем делании, – а это само внутреннее делание, это неотделимая часть нашего главного. Чем больше мы выходим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает.

И, наконец, третий обет – нестяжания. Обет нестяжания только на первый взгляд как бы умалется и

упрощается, что по существу неверно, верно скорее обратное – обет нестяжания нуждается в большем осмыслении и углублении.

Частная собственность. Очень многие охотно бы отказались от нее за право пользоваться общей собственностью, которая обеспечивала бы кров, одежду и пищу. Тут все относительно.

Но есть в идее нестяжания и безотносительные вещи, которые особенно ярко выступают сейчас. Ее нельзя ограничивать материальным пониманием. Нищий и несребролюбивый человек одновременно с этим может быть великим духовным стяжателем.

На каких основных текстах базируется идея нестяжания? Мне кажется, что это заповедь о блаженстве нищих духом, каковых есть Царствие Небесное, это утверждение, что никто не имеет большей любви, чем тот, кто душу свою даст за други свои. Если это так, то что особенно противоположно нестяжанию? В ответе на этот вопрос мы видим особый смысл, так как из него вытекает чрезвычайная актуальность, чрезвычайная злободневность и современность принципа нестяжания. Ему особенно противоположен эгоцентризм, являющийся болезнью нашего века.

Можно сказать, что в любых отношениях, внешних и внутренних, материальных и духовных, везде может быть проявление эгоцентризма, от него не свободна и религиозная жизнь. И совершенно так же в любых отношениях может проявляться принцип нестяжательности. Чем эгоцентризм тоньше, чем более высоких пределов человеческого духа он касается, тем он отвратительнее. Чем нестяжание тоньше, чем от больших

духовных ценностей человек отрекается, чем полнее отдает он душу за други своя, тем он святее, тем более соответствует он тому, чего от него требует Христос.

И конечно, монах, дающий обет, должен стремиться к выполнению его в самом абсолютном и всеобъемлющем смысле. Монах в области внешних вещей в первую очередь должен быть бессребреником и человеком, не имеющим частной собственности, если же он ее имеет, он не должен нисколько дорожить ею. Монах не должен привязываться ни к чему во имя свое, потому что это ему полезно или нравится, или утешительно, или назидательно. Его отношение ко всему должно определяться возможностью отдать себя, пожертвовать собой, распяться за другого. Собственное спасение души и стремление к нему он должен до конца подчинить словам апостола Павла: «Я хотел бы быть отлученным от Христа, чтобы видеть моих братьев спасенными». По существу, это перефразировка слов Христа об отдаче души своей за други своя.

Нищета духа не есть, конечно, отказ от каких-либо интеллектуальных интересов, не есть некий духовный идиотизм – это есть отказ от своей духовной исключительности, это есть отдача своего духа на служение делу Божьему на земле, и это единственный путь для общей жизни в едином соборном организме церкви.

Монах должен найти в себе силы сказать вместе со Христом: «В руки Твои предаю дух мой». Он должен сознательно хотеть стать исполнителем дела Божьего на земле – и больше ничем. Он должен быть проводником Божественной любви и соучастником божественной жертвы.

И совершенно ложно и неправильно думать, что он должен все время оберегать некую внутреннюю келью

свою, свое святая святых, отдавая, не давать главного, – он должен в первую очередь жертвенно отдавать главное, памятуя, что Основоположником его подвига, Самим Спасителем, на крест было вознесено все Его Божество и все Его человечество, что Он в своей жертве отдал всего Себя и именно этого ждет от тех, кто идет по Его стопам.

Нестяжание не должно быть только пассивным – не просят, так я и не даю. Нестяжание должно быть активным: надо искать, куда вложить дары, именно для этого нам Богом данные.

Само собою разумеется, что из такой точки зрения вытекает и необходимость монашеской активности во внешнем мире. Но надо помнить, что все ее виды – социальная работа, благотворительность, духовная помощь, – все это вытекает из напряженного желания отдать свои силы делу Христову, Христову человечеству, – не стяжать, а расточать их во славу Божию.

Мне кажется, что этим новым пониманием обета нестяжания должен определиться путь современного монаха. Практически он может из-за этого принять некий новый и непривычный облик, но это вещь внешняя, по существу он будет стоять на основе древних обетов, определяющих собою самое существо его монашеского делания.

Не буду повторять в тысячный раз характеристику нашего времени. Всякому, кто не слеп, очевидна его гибельность, всякий, кто не глух, слышит подземные раскаты приближающегося землетрясения. Но есть в нашей эпохе одна черта, утверждение которой может показаться парадоксальным, до такой степени на первый взгляд все в ней говорит об обратном. Парадокс

этот заключается в том, что наша безбожная, — а не только нехристианская, — эпоха, наше материалистическое, нигилистическое время вместе с тем оказывается временем как бы по преимуществу христианским, как бы призванным раскрыть и утвердить христианскую тайну в мире. И, точнее, — тайну христианского Апокалипсиса.

Какими идиллическими кажутся нам прошлые века истории. Как прочна и неприкосновенна была в них жизнь — жизненный уклад, границы государств, экономический строй, образ правления, образ мышления, стройность философских систем, темп жизни, прочность профессий, налаженность семей, святость частной собственности, мощь церковных организаций и т.д. Гибель, смерть, призрачность жизни, хрупкость быта, — разве это было понятно людям последних веков? В человеческих сердцах, в народах, во всем мире царствовала полнокровная и румяная языческая жизнь. Чего же удивляться, что эта языческая жизнь проникала зачастую, — то в грубой, то утонченной форме, — и в христианское сознание.

Но вот в наших домах зашаталась и упали стены, а за ними оказались не привычные улицы привычных городов, но какой-то необъятный пустырь, по которому разгуливают все ветры вселенной. Жизнь оказалась короткой, непрочной и не очень дорого стоящей. Границы государств покоробились и сместились. Законы рухнули. На человеческую душу нахлынул первобытный хаос. Вместо крепкой, нормальной, самоуверенной жизни в нашу судьбу ворвалась смерть.

Человечество, просыпаясь и оглядываясь, с удивлением и недоумением увидело, что оно находится на Голгофе. И Голгофа постепенно становится единственным местом, на котором может быть человеческая душа.

Так вещи становятся на места. Кончился сон, в котором все было обманно и противоестественно. Наступает трезвое утро. Кто знает, – быть может последнее утро в истории человечества, и кто сейчас не проснется, тому *уж* не будет времени просыпаться.

В прочном языческом мире вчерашнего дня и христианское сознание испытывало на себе огромное влияние всей окружающей языческой атмосферы. Веками тянулся медленный процесс угашения огня, окостенения духа, уплотнения порывов. Крепкий, плотной, полужыческий быт внедрялся в христианскую церковь, ритуал являлся мертвым регистром давно забытых порывов. И основной вопрос тут не только во внешних вещах. Основной вопрос в гораздо более тонких и глубоких соблазнах, которые насквозь пронзили христианское сознание, врезались в самый центр христианства, разложили его человеческую сердцевину.

Мне хочется привести один самый поражающий пример. Я буду говорить о монашестве, области как будто наименее доступной для языческих влияний, наиболее замкнутой, наиболее сильно живущей традиция-ми самых напряженно-христианских веков.

Для моей мысли совсем не важно упоминать о фактах полного языческого извращения, которое можно было наблюдать в монашестве, а о том, что зачастую истинный смысл его был подменен самым неприкрашенным и открытым служением миру сему. Часто или не

часто это случалось – неважно. Добросовестному и любящему взору ясно, что не этими извращениями определялось монашество. Даже тот факт, что подымался вопрос о введении в монашеские обеты четвертого обета – зорока не пить, – может быть и является знамением упадочного времени, но по существу не характеризует основного руслу монашеской жизни.

Мне хочется говорить о каких-то самых существенных, внутренне доброкачественных установках, которые мне представляются страшными именно ввиду своей доброкачественности, искренности, ввиду того, что они требовали жертвенности, подвига, аскетического напряжения.

Существует обычный довод, когда отвергают возможность активного монашества в православии. Говорят, что оно по существу своему искони было не активно, а созерцательно. Мне думается, что это неверно, во всяком случае, неверно в применении к последним векам его существования. И главное, неверно такое двучленное деление монашества на активное и созерцательное. В него не входит то, что было самым распространенным, самым обычным и принятым в русском монашестве. Мне кажется, правильное было бы говорить о трехчленном делении.

Всегда существовало монашество отрешенное, созерцательное. По его путям идут немногие единицы. Может быть только в редкие эпохи огромного напряжения оно может определять собою целые течения, течения пустынножителей, столпников, молчальников.

Напряжение проходит, огонь гаснет, – и этим путем идут единицы, особо к нему призванные.

Существует и монашество активное, обращенное к миру. У нас в последние века было чрезвычайно мало

его представителей. Мне кажется, что было бы неправильным определять его, как некую погруженность в стихию мира, как некую христианскую суету. Может быть в таком обращенном к миру монашестве особенно сильно ощущается то, что мир во зле лежит. Какой мир лежит во зле? Богом созданный, который так возлюбил Бог, что отдал Сына Своего Единородного за грехи его на смертную муку. И монашество обращается к миру, потому что любит этот образ Божий мира, образ Божий человека, прозревает его в грехе и гное исторической действительности. Как в созерцательном монашестве, так и в этом центральна установка на вечность, преодоление временного, богообщение, – или непосредственное, или через подлинное человеко- и мирообщение. И то и другое монашество только тогда достигает подлинного своего развития, подлинной высоты, когда ориентировано на Апокалипсис, на эсхатологию, на грядущее Царство Христово, когда может не только свою пустыню и пещеру, но и свой странноприимный дом, школу, библиотеку, больницу, – весь мир, в котором подвизается, – ощущать, как храм, когда не боится вечно твердить молитву первых христиан: «Ей, гряди, Господи Иисусе».

Призрачность мира обличена. Томящийся в смертной немощи образ Божий в человеке вызывает пламенную любовь, готовность к служению, к жертве. Монах отдает себя без остатка на эту жертву, отрекается от себя, от стяжания своего, от своего куска, крова, благополучия, от устроения собственной души, от всякого «образа жизни».

И в этом раскрывается подлинный и глубокий смысл монашеского обета нестяжания. Нельзя думать, что в нем человек отказывается только от накопления

материальных богатств, от сребролюбия, от своей частной собственности. Это само собою разумеется, но этого не достаточно. Он отрекается от стяжания – стягивания своего духовного мира в единое целое, он не хочет стяжать своего «я». И чем выше он, тем более до конца он оказывается слугою всякого, – и на службе не только его имущество, не только мускулы его ног, не только думающая голова, – его дух, его святая святых, его молитва, – весь он до конца отдан на службу, весь он до конца хочет быть орудием в руке Божией.

Идолы падают, сгорают. Не только грубые и легко обличаемые идылы плотской похоти, чревоугодия, сребролюбия, нет, – тончайшие, изысканнейшие идылы, культ моей семьи, моего искусства, моего творчества, моего пути, моего благолепного образа жизни – все обличено. Ничего своего. Сам человек, «как трава, дни его, как цвет сельный».

Я уже упомянула, что на фундаменте таких апокалиптических, или шире – общехристианских настроений могут вырастать оба типа монашества. Но я также говорила, что не они характеризуют монашество последних веков. То, что было в последние века, и что может быть не окончательно ушло, – это как промежуточный тип. Он уводит человека от мира с его грехом и скорбями, он окружает человека высокими стенами монастыря, но он не доводит его до пустыни, до пещеры, до одинокого стояния перед Богом. В нем человек не сир, не опустошен и наг, а в прочном кольце братьий своих, в прочном противостоянии миру, под защитой, за оградой.

Есть одна точная параллель этому монашескому типу в светском мире, – это семья. Да и в просторечии мы часто слышим, что перед человеком стоят на выбор два

пути, — семья и монашество, — один как бы заменяет другой.

Мне кажется, что по существу это совершенно не верно: монашество упирается в эсхатологию, а семья вырастает из природных, подземных корней материального мира. Но фактически, если говорить о монашестве этого последнего типа, то параллель между ним и семьей действительно существует. И в этом, что эта параллель действительно существует, играет роль одно из самых основных свойств монашеских обетов, правда, воспринимаемое в некотором искажении. Это обет целомудрия. Он приводит в подавляющем большинстве своем к монашеству людей, не имевших собственной семьи, не строивших личной жизни, не увидевших острого противоречия абсолютной несовместимости личной жизни и неизбежного для монашества апокалиптического устройства духа. Произошло очень странное явление, которое постепенно переродило основные монашеские установки.

Желание построить семью вовсе не исчерпывается стремлением удовлетворить плотские инстинкты, земную тягу к любви, даже к деторождению. В основе семьи также прочно лежит еще один инстинкт, чрезвычайно могучий в человеческой душе, — это завивание гнезда, организация и строительство своей собственной жизни, отделенной стенами от мира, замкнутой на крепкие засовы. Человек создает свой образ жизни, человек печется не только о своем материальном благополучии, но и о нравственной чистоте своей жизни, о ее внутреннем благолепии, он ее ограждает от внешней грязи, от всякого засорения, он ее хранит, он в ней утверждает свое личное «я» и свое семейно-коллективное «мы», — противопоставляя их всякому внешнему «они».

И вот люди, искренне принимающие обет целомудрия, отказываются от одной части того, что заставляет строить семью: они не примут ни плотской любви, ни деторождения. Но они принимают все другое, что лежит в основе построения семьи. Они хотят устроения своей жизни, общности быта, высоких стен, за которые не проникает грязь и скорбь мира. Они строят некую духовную семью, и ограждают ее, и берегут от всяких посягательств, как святыню. Человек начинает отдавать все силы, чтобы обеспечить ей материальное благополучие, нравственную чистоту, чтобы поддержать в ней дух братского единства. Он много физически трудится для этой монашеской своей семьи, он отказывается от личных благ во имя общего, во имя своего общежительного устава, он приносит жертвы.

На первый взгляд, тут все очень хорошо, даже прекрасно.

Ведь инок значит иной, – а в таком случае он обязан осуществить это иное в отделении себя от всего мира и в единении с такими же людьми, с иноками. Высокие стены и замки оправданы. Оправдана святость и недоступность монашеского очага, – параллельно святости и недоступности семейного очага.

Да и не только на первый взгляд это все прекрасно, – бывают эпохи, длящиеся века, когда по существу не может быть иного монашества, кроме ничтожного, ничего не определяющего количества монахов, имеющих к другому монашеству какое-то особое личное призвание. И в такие эпохи отшельники уходят из монастырей в пустыни, а люди, видящие свое призвание в отдаче себя на служение миру, всего чаще и не постригаются, а образуют странные облики юродивых и блаженных, ничего не берегущих, не строящих в своей

жизни, являющихся, по слову апостола, сором для мира, не имеющих склонности ни к каким стяжаниям.

Кто знает, не они ли по преимуществу иноки, т. е. иные по сравнению со всеми живущими едиными мирскими законами – охранять, копить, беречь?

Но об этом не приходится задумываться, когда мир благополучен, юродствуют единицы, и единицы чувствуют апокалиптические знаки в человеческой истории. Когда мир благополучен, законно и оправдано именно такое традиционное бережение монашеского очага. С одной стороны, в этом есть элемент, пусть тончайший, еле заметный, языческого влияния, от которого почти никакая душа не свободна, а с другой стороны, это есть и бережение себя от языческих влияний, от прелести мира сего. В монастыре эти прелести тоньше, облагороженнее, благолепнее.

Это если говорить о прошлом. Ну, а когда само время учит нас вечной правде свершаемого Апокалипсиса, когда время, наперекор безбожным душам, которыми полон мир, само по себе становится вестником апокалиптических свершений, когда человечество действительно возводится на Голгофу, когда нету путей, и нету устроений в мире, – можно ли в такую эпоху, в нашу эпоху принять обычное, традиционное двухвековое монашество прошлого, как некоторое обязательство для монашеского будущего? Нет, нельзя.

И как ни трудно поднять руку на благолепную, пронизанную любовью, прекрасную идею монашеской отгороженной от мира семьи, на светлый монастырь, – все же рука подымается.

Внутренний голос требует нестяжания и в этой области.

Пустите за ваши стены беспризорных воришек, разбейте ваш прекрасный уставной уклад вихрями внешней жизни, унизьтесь, опустошитесь, умалитесь, – и как бы вы ни умалялись, как бы ни опустошались, – разве это сравнится с умалением, с самоуничижением Христа, – даже не на Голгофе, не на позорном кресте, а в Вифлеемских яслях, когда ангелы вокруг и мир полон благоволения.

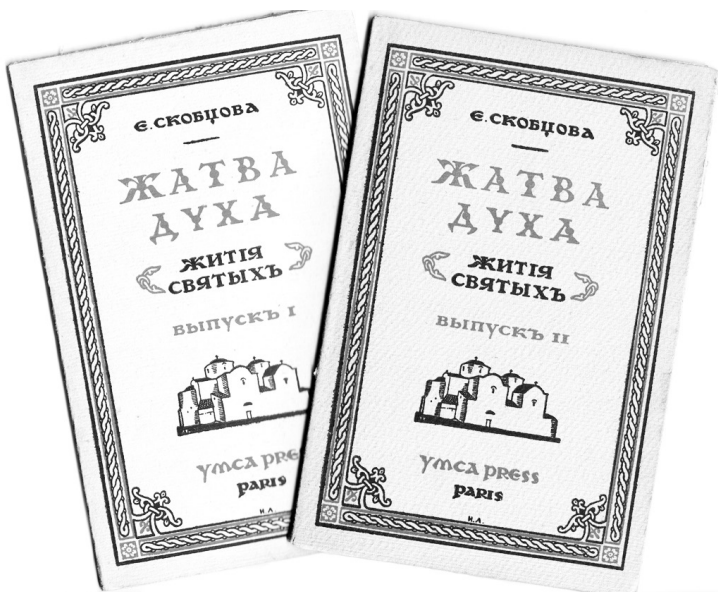
Примите обет нестяжания во всей его опустошающей суровости, сожгите всякий уют, даже монастырский, сожгите ваше сердце так, чтобы оно отказалось от уюта, тогда скажите: «Готово мое сердце, готово».

Но наше время – оно действительно христианствует в самой своей страдающей сущности, оно в наших сердцах развивает и разрушает все прочное, все устоявшееся, освященное веками, нам дорогое. Оно помогает нам действительно и до конца принять обет нестяжания, искать не «образа» жизни, а «безобразия», юродского безобразия жизни, искать не монастырских стен, а полного отсутствия самой тонкой перегородки, отделяющей сердце от мира, от его боли.

От редакции

К статьям о монашестве близок сборник «Жатва духа», составленный Елизаветой Юрьевной Скобцовой (до принятия пострига) из обработанных ею житий святых, в виде двух маленьких книжечек вышедших в издательстве YMCA-PRESS (Париж) в 1927 г. Работа над «Жатвой духа» явилась важным этапом на пути Елизаветы Юрьевны к монашеству. Исследуя «Жития святых» Дмитрия Ростовского и «Древний Патерик», она искала тот идеал служения, тот образ святости, который был наиболее близок ей самой. Переработав канонические жизнеописания, на первый план автор выносит потребность «своих героев» в активном страдании, сочувствии, в том, чтобы взять на себя ответственность за самых слабых, немощных, чтобы «носить бремена друг друга» ради исполнения закона Христова.

Таким образом, главной темой «Жатвы духа» является жертвенное служение ближнему, хотя и аскетический аспект православной агиографии тоже присутствует. В целом, жития в интерпретации Е. Ю. Скобцовой отражают то, что было главным для нее в Евангелии, в христианстве и то, что становится самым важным в ее собственной судьбе — отдавание своей души за другого, ибо «путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет» (м. Мария Скобцова).

Е. СКОБЦОВА

ЖАТВА ДУХА

ЖИТІЯ
СВЯТЫХЪ

ВЫПУСКЪ I

ymca press
paris

и.а.

Е. СКОБЦОВА

ЖАТВА ДУХА

ЖИТІЯ
СВЯТЫХЪ

ВЫПУСКЪ II

ymca press
paris

и.а.

ИОАННИКИЙ ВЕЛИКИЙ¹

Сын пастуха и сам пастух, – и пастух не только стад овчьих, но и душ человеческих, – Иоанникий родился в селении Марикато к северу от горы Аполлониарской.

В ранней юности, уходя на далекие пастбища со стадами овец, он осенял их крестным знаменiem и оставлял без иного попечения, а сам предавался молитве. И хищные звери не трогали овец, и во благовремени находили они источник для водопоя, и было им всегда достаточно травы на потребу, потому что крест Иоанникиев был им пастырем и оградой.

Сам же отрок этим знаменiem крестным освобождал себя от тягости мирского дела и мог пребывать в молитве.

Так от возраста к возрасту выпрямлялся дух его во всегдашнем предстоянии Господу, и был он как свеча пламенеющая в молитве.

Достигнув зрелых лет, Иоанникий покинул отцовские пастбища и родное селение для того, чтобы уйти в пустыню и свободно подвизаться на Господнем пути. Там, деля время между молитвой и трудом, Иоанникий научился читать слово Божие, а также и боговдохновенные книги святых и богоносных Отцов.

¹ Преподобный Иоанникий Великий (752–846, день памяти 4/17 ноября) – монах, подвизавшийся на горе Олимп в малоазиатской области Вифинии на берегу Мраморного моря, где было сосредоточено множество обителей византийского монашества.

Скобцова Е. Жатва духа. Житія святыхъ. Выпускъ I. PARIS: YMCA PRESS. [1927 г.] С. 5–14.

И не только читал он молитвы и песнопения, сложенные другими, но и сам был вдохновлен Господом на творение особой молитвы, произнесением которой и прославлял в дальнейшем Святую Троицу...

Молился он так:

– Упование мое – Отец, прибежище мое – Сын, покров мой – Дух Святой – Троица Святая, слава Тебе.

Постоянное трезвление отшельника, суровое отречение от всех благ суетной жизни, молитвенная возвышенность его стали скоро известны далеко во всей округе.

А добрая слава часто влечет за собой дурную зависть.

И позавидовал праведности Иоанникия один инок по имени Епифаний.

Сначала он хотел путем словесного питания найти что-либо в душе Иоанникия, что не может быть угодно Господу. Но после долгой беседы ничего такого не обнаружил.

И тогда спросил он Иоанникия:

– Что есть монах?

Отшельник же, как бы принуждая себя к ответу и совершая тяжелый труд промолвил в большой задумчивости:

– По мне, кто делает себе во всем принуждение, тот монах.

Епифаний вел хоть монашескую жизнь, но легкую и без надобности не принуждал себя к особым подвигам.

А потому был он сильно обижен словами Иоанникия, но обиды этой тогда не показал, а сложил ее в сердце своем, где лежал уже большой груз зависти и злобы.

И только вернувшись к себе, дал он волю своему недовольству и заменил все иные помыслы страстью гнева и ненависти.

Так пребывал он некоторое время, пока демон гнева не овладел им настолько, что не мог он уже оставаться бездейственным. Тогда решил он каким-либо способом погубить ненавистного Иоанникия.

Незаметно приблизился Епифаний к горе, на которой спасался отшельник. Трава же, по причине жаркого и засушливого лета, была на той горе совершенно желтой и сухой. А немного повыше росли деревья, тоже, по неизвестной причине, высохшие. Так что как бы на кладбище многих растений пребывал Иоанникий.

Приблизившись к горе, Епифаний во многих местах и с различных сторон поджег сухую траву. И вскоре целое огненное море охватило всю гору. Деревья трещали и падали, сжав пламенным кольцом вершину, где имел пребывание Иоанникий. А трава, пылая, как бы слала к этой вершине огненные волны, грозя ее затопить.

С большой опасностью и со многими трудами избежал Иоанникий этого пламенеющего приступа.

Вышедши в долину, он подумал, что ввел Епифания в великий соблазн. И тогда показалось ему, что не Епифаний совершил грех, покусившись на жизнь человеческую в злобе, а он, соблазнявший его, этот грех на свою душу принял.

Помыслив так, пошел он разыскать врага своего. Тот был очень испуган, увидав Иоанникия живым и невердимым, потому что почитал он его погибшим в великом пламени, охватившем гору.

Немедля приступил к нему Иоанникий и слезно стал просить у него прощения и отпущения греха. А дабы вернее это отпущение вымолить, он сказал:

– Позволь мне, брат Епифаний, и твою долю вины взять на свои плечи, и ответить за нее перед Господом, прося Его именем той тяжести, которую ты поднял, совершая грех, отпустить мне и мою тяжесть – тяжесть человека, соблазнившего тебя на этот грех.

И, поклонившись в ноги смятенному Епифанию, Иоанникий отошел из той страны, дабы в пределах дальней пустыни продолжать трудное дело спасения своей души.

Много лет пребывал он в молитве. Много и смиренно плакал он, припадая ко Христу и прося Его отпустить грехи человеческие.

Из зрелого мужа стал он старцем. Начали волосы его серебриться. Тело постепенно высохло. Только кожа обтягивала кости. Глаза ввалились глубоко в глазницы, свет же, исходящий из них, был подобен пламени поpalяющему.

И если бы кто увидел старца Иоанникия, стоящего прямо и неподвижно на скале, воздев руки к небу, во время молитвы, поpalяемого солнцем, или иссушаемого ветром, или покрытого зимой утренним инеем, то такой увидевший воскликнул бы:

– Воистину, вот высится под вольным небом свеча Господня. И пламени моления его не задует ни ветер, идущий со всех четырех стран земли, ни дождь в осеннюю непогоду.

Молитва Иоанникия пламенем своим противостояла всем страстям человеческим и пламенем своим поpalяла все страсти человеческие.

Так что стал он во плоти как бы бесплотен и в греховной природе как бы безгрешен.

И тогда отошли из той пустыни все демоны и враги, потому что нечего им было делать там.

Остался Иоанникий один с Богом Сил.

И был Господу верным предстоятелем за мир и верным заложником за мирские страсти и грехи.

Когда же совершилось так, не захотел Господь бречь сосуд этот нерасплесканным и решил дать приобретенное Иоанникием в пищу людям, дабы и голодные несколько насытились духом.

И повелел Он рабу Своему идти в мир, утешить и облегчить скорби мирские, бороться со страстями человеческими и молиться о покое людей.

Так, древним старцем покинул Иоанникий пустыню и понес многоценное золото свое обнищавшему и голодному миру.

Во многих городах и селах являлся он, и люди имели большую пользу от его молитв и словесных бесед с ним. И казалось даже людям, что после этих встреч получали они взамен своего непомерного груза земных забот и сомнений легкое иго Христово.

Несколько лет длилось его странствие среди мира. И не было ему знаков Господней воли, что может он уйти опять в пустыню на покой.

В конце этого земного пути пришел он однажды в один женский монастырь.

Монахини в нем были в великом смятении и горе, потому что одна из сестер монастырских, дотоле самая прилежная в молитве и самая послушная в труде, подпала дьявольскому искушению и томила в непосильной борьбе с самим многовластным врагом человеческим.

Духи уныния, гнева, блуда и гордости ополчились на нее и готовы были побороть волю слабой невесты Христовой. И так сильно было борение, что тело несчастной били жестокие судороги, а около уст клубилась

кровавая пена, и глаза как бы ослепли от налившей их крови, язык же извергал немолчно самую страшную хулу на Создателя.

Печальные и плачущие сестры собрались около ее изголовья с зажженными свечами и молились, чтобы Господь освободил Своим вмешательством страдальцу, или посрамив силу врагов и попавив их дыханием уст Своих, или же разлучив грешное тело монахини от томящейся и изнемогающей души.

Когда настоятельница увидала входящего Иоанникия, то поняла, что этот человек может много перед Божественным престолом. А потому обратилась к нему со слезной просьбой облегчить страдания сестры.

И он тоже тайным ведением понял, что в этом пределе дарованы ему Господом силы. Тогда подошел он к ложу несчастной. Окружающие громко запели песнопения, и свечи в руках их ярко засияли.

И возложил Иоанникий руку на голову томящейся, и спокойным голосом произнес:

– Волею и силою Бога живого, беру я, недостойный раб Божий Иоанникий, на себя грех твой – если ты согрешила, и тяжесть твою – если послана тебе в испытание тяжесть. Потому что сильнее мои плечи твоих плеч. Потому что мне, искушенному, легче воевать с врагом. Потому что во имя любви хочу я принять труд твоего пути. И да будешь ты в смирении своем свободна от искушения. Лежащая на одре только еще один раз всем телом содрогнулась, а потом уснула спокойным сном, так как по слову Иоанникия диавол оставил ее.

Все сестры монастырские опустили на колени и со слезами прославили Бога.

Иоанникий же, никем не провожаемый, вышел из монастыря.

И вот увидал он, что солнце, доселе светившее ярким и белым светом, вдруг померкло и как бы налилось кровью, а земля иссохла и замерла и птицы в небе перестали петь, растения же будто напитались ядом.

И показалось Иоанникию, что Бог Господь отступил от Своего первозданного мира, предав его в руки врага и насильника, мощь которого не имеет границ.

Стала плодородная и цветущая земля горькой пустыней, и объяли ее тление и смерть. И слуги лукавого стали едиными владыками вселенной.

Средь этого оставленного Богом мира был одинок Иоанникий. И приступили к нему искушения.

Будто многими трудами не смирял он плоть свою человеческую, – восстала на него плоть, и демон блуда и греховных помыслов овладел ею.

Будто не видал он ранее великую силу помощи Господней, – дух уныния проник в его сердце.

Будто не смирил он себя в пустыне до праха, – в непомерной гордости ныне вознеслась душа его.

Стало его сердце местожительством лукавого, затуманился разум, отошло трезвление, и силы упали.

И только на самом дне души пылала одна огненная точка – память.

Изнемогающий, удалился Иоанникий от жилья человеческого. Понимал он, что принятая им на себя чужая тяжесть и добровольно взятый чужой грех оказались не по его слабым человеческим силам.

А от этого наступило отчаяние.

Ночь не прохлладила его тела и не утишила грешных помыслов и желаний.

Так на другое утро оказался он в месте пустынном и диком, среди желтых скал, где не было ни воды, ни растений.

И, спотыкаясь об острые камни, рая ноги свои, ослепляемый кровавым солнцем, у последней грани бесилия и отчаяния, — понял он, что не может бороться с врагом и не может молиться.

Тогда он упал.

И судороги стали ломать его члены, лоб покрылся потом, глаза кровью налились, и пена выступила на устах.

В ту минуту заметил он, что на соседнем выступе скалы, свернувшись клубком, грелась на солнце змея. Она его не видала и спала на желтых камнях.

И произнес мысленно Иоанникий:

— Если не могу я дальше бороться с грехом и искушением, то пусть лучше умру, ужаленный ядовитым жалом змеиным, чем недостойно буду влачить жалкие дни моей жизни.

И, так помыслив, пополз он к змее, напрягая последние силы.

Змея же, услышав, что камни шуршат, проснулась и насторожилась. Потом развились кольца ее, и стала она тоже приближаться навстречу монаху.

Когда же были они на расстоянии нескольких локтей один от другого, то взоры их встретились. И неотрывно впери́л Иоанникий свой взгляд во взгляд змеиный.

Одно недолгое мгновение длилось так. Потом змея вздрогнула вся, и дрожание это прошло по всему хребту ее. Вздрогнув же, вытянулась и осталась неподвижной.

Когда Иоанникий приблизился к ней, то увидел, что лежит она мертвая.

И вот опять заблестало солнце Господне в синем небе, и запели птицы над головой его, и весь мир зазвучал немолчной хвалой Создателю, и стала земля под-

ножом ног Божиих, и синева небесная – престолом Вседержителя. Будто вернулась божественная душа в покинутое тело.

Тяжесть упала с плеч Иоанникия, греховные помыслы, как ветхая истлевшая одежда, скатились к ногам его – враг лежал во прахе, посрамленный.

Прямо – горящей свечой, молитвенником несмолкающим – великим предстоятелем перед престолом Господним почувствовал себя Иоанникий.

И, легко ступая по острым камням пустыни, продолжал путь свой и громко славил Создателя. – Упование мое – Отец, прибежище мое – Сын, покров мой – Дух Святой, – Троица Святая, слава Тебе.

ВИТАЛИЙ-МОНАХ²

В то время когда патриархом Александрийским был Иоанн Милостивый³, в пустыне египетской подвизался монах по имени Виталий. Много лет обитал он в оставленной гробнице и питался травой, собирая ее тут же на склонах. Даже рукоделием не развлекал он духа, а пребывал всегда в богомыслии и молитве, уделяя только два часа в сутки на отдых.

Достигнув же преклонной старости и поднявшись на большую высоту богопознания, был он как бы совсем

² Преподобный Виталий жил в VI–VII вв. (День памяти 22 апреля / 5 мая). Сюжет о подвигах монаха Виталия нашел свое художественное отражение и в пьесе-мистерии м. Марии (Скобцовой) «Анна» (середина 1930-х гг.).

Скобцова Е. Жатва духа. Жития святых. Выпуск II. PARIS: YMCA PRESS. [1927 г.] С. 5–13.

³ Иоанн (II) Милостивый (сконч. в 617 г.) известный своим аскетическим образом жизни и благотворительностью.

лишен страстей земных. Огнем молитвы попалил плелы душевные, постом сковал грешную плоть, созерцанием небесного ослепил себя к созерцанию земных благ.

И когда достиг он совершенной любви к Господу, то было сердце его пронзено жалостливой любовью к ближнему своему – скорбящему человеку. Но меньше он думал о тех, кто идет великим и трудным путем подвига, потому что всегда престоили его духовному оку те, кто подвига не знает, а влечется несвободным путем греха. Почувствовал он тяжелую плоть мира, и заболело сердце его мукою уязвляющей о человеческом падении.

Тогда, по слову апостола, захотел он для всех стать всем, чтобы спасти хоть некоторых.

И было это слово апостольское указанием его сострадательному сердцу, что лежит дальнейший путь его в мир. Мир же пребывает во зле.

Начал он из пределов своей нищей пустыни оплакивать богатые города; ночуя под каменным сводом гробницы, молился за тех, кто живет во дворцах; питаясь травою, жалел вкушающих мясо и елей. Неимуший монах соболезновал миру, копящему великие богатства. Потому что перед единой жемчужиной все жемчужины мира не имеют цены.

Всего же сильнее был уязвлен он мукой о грехе. И по причине греха имел он к миру такую жалость, что не мог уже оставаться в пустыне на молитве. Пребывая в пустыне, был он единым сытым среди многих голодных – и это было небрежением мирскою скорбью.

И когда созрела в сердце его эта любовная жалость и стало ему не по силам носить в себе зрелый плод ее, то решил он искать воплощения любви и применения жалости.

Оставив гробницу, в которой жил, ушел Виталий из пустыни в город Александрию.

Так оставляет жнец дом свой и, взяв серп, выходит на жатву.

И было ему в то время более чем шестьдесят лет.

В Александрии же, не имея чем пропитаться, стал он работать на пристанях, выгружая заморские товары с приходящих кораблей и нагружая пшеницу на отходящие.

Работать надо было во все дни, кроме праздников Господних, от восхода солнечного и до заката. И нельзя было бросить работы, невзирая ни на дождь, ни на летнюю жару. Тюки же с товарами и мешки с пшеницей были тяжелы, работники не очень жалели его старость и часто смеялись над его слабосилием. И малой платой оплачивался труд.

Помимо же этого людской крик и шум разгружаемых кораблей, брань рабочих, песни корабельщиков, ссоры торговцев – все сильно мешало молитвенному общению с Богом, налагая на это общение цепи земных тягот.

Так проводил Виталий-монах свои трудные дни в Александрии.

Но та работа, для которой оставил он пустыню, начиналась лишь вечером и длилась до утра.

С первого дня не пренебрег он ею, а как горячий и искусный ловчий вышел на охоту.

Нагрузив муку со многих возов на корабль и получив от хозяина плату за день труда, пошел Виталий в ближайший притон – один из многих, которыми изобиловал город.

И встретили там старца веселые женщины, имеющие запястья и кольца на руках, и яркие губы, и набеленные лица, и черной краской наведенные брови.

И музыка играла в притоне том, и гости все были пьяны и веселы, потому что были они все – корабельщики, не выдавшие давно берега.

Одна из женщин подошла к Виталию и повела его с собой.

Он же не противился ее приглашению, потому что и пришел для нее.

Но, оставшись с нею наедине, стал плакать и печалиться. Тогда она смутилась и спросила его, чем он недоволен. Сказал ей Виталий:

– Только собой недоволен я. Вот многие годы украшал я мою душу перед Вседержителем и моим Господином Богом. И не имел я той тщательности в украшении души, какую ты имеешь в украшении лица и тела. Однако не единого Властелина неба и земли ждала ты, но даже не знала, кто будет ныне твоим гостем и не придет ли к тебе самый ничтожный из всех ничтожных мира. Итак, для меня, последнего раба Господня, трудилась ты больше, чем я для самого Господина.

И посмеялась женщина его словам, желая скрыть уязвленность ими.

А он дал ей монеты, полученные от хозяина за работу, и сказал:

– Сотвори мне милость: прилагая ежедневно так много труда к приему незнатных гостей, приложи хоть сегодня малую долю заботы, чтобы принять в душу свою Владыку. И не пускай к себе никого иного.

И, сказав это, воздел Виталий руки и начал молиться. И женщина не легла до утра на свое ложе, но сначала удивленно внимала его молитве, а потом и сама, пав на колени, со многими слезами молилась и плакала, потому что вдруг поняла она, в какой тяжести проходят

дни ее и в какой тьме пребывает дух. И были эти слезы для нее как дождь в безводной пустыне.

Наутро Виталий покинул ее, умоляя, чтобы не говорила она никому, как прошла эта ночь.

Потом, потрудившись весь день у кораблей и получив за труд плату, пошел он в иной притон. И другая женщина пригласила его следовать за собой.

А по причине большой молодости была она очень жалостлива еще и стала печалиться, что гость ее имеет усталое лицо и должен трудиться, несмотря на большие годы.

Виталий же рассказал ей о трудностях пути отшельнического – и о ночном бдении, и об изнурении тела постом, и о непрестанной молитве, и о дикой пустыне, о жестком ложе в гробничной пещере говорил он и сравнивал, сколь многим труднее путь этой женщины. Потому что в пустыне подвигом подымаешься из степени в степень и молитвой покоряешь могучего врага, а в притоне этом от ночи к ночи снижаешь путь духа и поддаешься сильнее искустителю и его слугам.

Так сказал он:

– Если камень бросать на вершину горы, то, преодолев сопротивление воздушное, он ослабляет все время трудность и быстроту полета. Так и мы ослабляем силу наших трудов, пока не успокоимся на вершине. Камень же, брошенный вниз с горы, летит все быстрее и быстрее и своею тяжестью как бы увеличивает быстроту и трудность полета. И нет этому полету конца, пока не докатится он до дна пропасти.

После же долгой беседы опять начал молиться Виталий и громким голосом, проникновенно, произносил слова, зажигая душу женщины молитвенным восторгом. Когда же загорелась душа ее, то вслед за ним стала

она повторять слова, и била себя в грудь, и поручала свою грешную душу Творцу.

И в следующую ночь, и во все ночи, наступающие после великих трудов телесных, ходил Виталий в различные притоны.

Узнал он все тайные помыслы всех веселых женщин, обитающих в Александрии: какая по нужде и по слабости пошла служить веселью, а какая пошла потому, что эта жизнь для нее желанна, и какая нудится и горюет от своих неправедных ночей, а какая в разгуле находит радость. Мелу горю, греху, слабостям и желаниям узнал Виталий.

И все сильнее уязвлялось сердце его любовной жалостью. Плачущих о совершаемом жалел он, потому что вот узнали они единую бесценную жемчужину чистоты, но не могут владеть ею. Тех же, кто не плачет, а ликует, жалел он еще более, так как в ослеплении своем не знают они даже об единой жемчужине.

Но для всех них он был по слову апостола всем. А все они за многие годы впервые увидели около себя человека. И человек этот – Виталий-монах – плакал об их грехах, и молился о прощении им, и скорбел, как бы отвечая перед Господом за потерянных овец единого людского стада.

Они же знали, что ничего он от них не ждет для себя и ни в чем для себя не нуждается, движимый единственно отцовской жалостью и братской любовью.

И все тайны свои, самые сокровенные, и помыслы, и обиды, и желания поверяли ему женщины и делали его как бы соучастником своей тяготы.

Вскоре все жители Александрии стали говорить, что монах, пришедший из пустыни, вносит великий соблазн в их жизнь, потому что живет недостойно.

Был иноком – и стал завсегдатаем притонов. И богомудрые заменил беседами с теми, кого почитают падшими. И от обетов монашеских отрекся.

Так мир возгнушался им, презрел его, соблазнился о нем и покарал его осуждением.

И только когда во время работы слишком громко смеялись над ним другие работники, и показывали мимо идущим, и спрашивали, в каком притоне оставил он плату за работу предыдущего дня, Виталий говорил:

– Народ александрийский, не осуждай никого прежде времени, пока не придет Господь – Сам Судья праведный.

Но они не слушали его слов, а продолжали смеяться.

Лишь патриарх Иоанн Милостивый не имел веры к людской клевете и не множил собою числа соблазненных, ожидая, чтоб не людская молва произнесла осуждение, а совершился Господень суд.

А женщины помнили, что просил он их молчать, и строго хранили это запрещение.

Когда же пришел к Виталию смертный срок, то нашли его коленопреклоненным, с лицом, имеющим на себе печать дивного света. Как бы изливалась божественным озарением на лицо его вся любовь и жалость, которую он принес в мир.

И со всех концов города, ото всех притонов, пришли поклониться его телу женщины, получившие от него столь небывалое утешение и столь великую любовь. И были облечены они в темные одежды, и имели волосы покрытые, и плакали, потому что не было для них среди всех жителей Александрии иного, кого они могли бы именовать человеком и братом.

А так как со смертью праведника и запрещение его потеряло силу, то в великой любви поведали женщины,

как в молитве, и псалмопении, и в слезах проводил он у них ночи свои, тем самым подымая на себя тяжелый труд и непомерный подвиг, а их уча слезам, и молитве, и покаянию. И говорили они, что нет цены жалости его и нет меры любви его.

Тогда и весь народ александрийский понял, что глумился над праведником и поносил сострадальца.

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Протоиерей Дионисий Мартышин
Священник Павел Бочков

Денис Сергеевич Мартышин родился 28 октября 1978 года в городе Горск Луганской области в семье рабочих. С 1986 по 1996 годы обучался в средней школе № 16 город Золот. В 1999 году окончил Киевскую духовную семинарию, а в 2002 году магистратуру Черновицкого православного богословского института. 30 июля 2000 года в Трапезном храме Свято-Успенской Киево-Печерской лавры по благословению Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Владимира рукоположен в сан диакона епископом Переяслав-Хмельницким Митрофаном (ныне митрополит Луганский и Алчевский). 12 ноября 2000 года в Трапезном храме Свято-Успенской Киево-Печерской лавры Блаженнейшим Митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром рукоположен в сан пресвитера. В 2003 году окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 2004 года преподает в Киевских духовных школах. С 2005 года – заведующий кафедрой украинского православия и теологии Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП).

Павел Владимирович Бочков, родился в 1983 г., в г. Норильске Красноярского края. Окончил Воронежскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию, докторантуру Ужгородской украинской богословской академии им. свв. Кирилла и Мефодия. Доктор богословия, кандидат юридических наук. Автор более 90 научных трудов, в т.ч. нескольких монографий. Занимается исследованиями в области расколоведения, истории церковных расколов, канонического, хозяйственного и

финансового права, русской религиозной философии и богословия. В 2003 г. рукоположен в сан священника, основал в г. Норильске приход во имя свт. Луки (Войно-Ясенецкого) в 2006 г., настоятелем которого является и поныне.

ДУХОВНЫЕ ИДЕАЛЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ НА ЦЕРКОВНОМ ПРИХОДЕ

Оздоровление церковной жизни в современной России, Украине и в иных странах постсоветского пространства зависит не только от христианской проповеди, миссионерства, развертывания социального служения, но и от богословского понимания феномена христианского монашества и самого аскетического подвига православного христианина.

Напомним, что не только в советском обществе, но и ранее, в Синодальный период, — чему посвящена беседа протоиерея Александра Меня «Социальная концепция Православия», — социальной доктрины в Русской Православной Церкви не было¹; православная социальная мысль, делала только робкие попытки, основываясь на работах русских религиозных философов, донести своё слово правды современному человеку. На сегодняшний день с интеграцией Православной Церкви в жизнь общества, само изучение социальной мысли христианства в ракурсе христианской истории, монашест-

¹ Мень Александр, прот. Церковь и мы. Домашние беседы. — М.: Жизнь с Богом, 2012. С. 167–183.

ва в частности, становится приоритетным в контексте богословской мысли².

Новые вызовы современной жизни требуют от православных священнослужителей и богословов Русской Православной Церкви огромных усилий по преодолению социальной изоляции, «менталитета гетто», ретроградства, которые сложились за долгие годы гонений и преследований в советский период. Несмотря на общественную активность отдельно взятых церковных иерархов, священников, богословов и наличие официальных документов Русской Православной Церкви, посвященных социальному служению³, миссионерству, на уровне церковно-приходской жизни, в психологии прихожан возникают ложные представления о личной духовной жизни и общественном служении, которые условно можно назвать кризисом церковной коммуникации.

Проблемы церковно-приходской жизни, порождающие кризис церковной коммуникации, условно, можно представить в виде такой схемы:

- самозамыкание и социальная изоляция, которые сужают миссионерскую природу Церкви;
- недостаточный уровень богословского образования православных пастырей и прихожан;
- ложно воспринимаемые идеалы монашества, аскезы и духовной борьбы с грехом;

² Чопей Богдан, Мартышин Дионисий, прот. Основы социального учения Русской Православной Церкви: учеб. пособие. – К.: Духовно-просветительский Центр имени Святых Апостолов, 2013. – 306 с.

³ Пеций Михаил, прот., Мартышин Дионисий, прот. Введение в социальную работу Церкви: учеб. пособие. – К.: Духовно-просветительский Центр имени Святых Апостолов, 2015. – 198 с.

- атмосфера фанатизма, религиозного воинствующего радикализма и национализма;
- идеологизация и политизация церковной жизни;
- дух сектантства и «ревности не по разуму», пропагандируемые некоторыми священнослужителями и монашествующими.

Вынуждены согласиться, что «очень многие наши приходы и внешне благополучные, и не очень, поразила опасная болезнь под названием «сектантский изоляционизм», симптомом которой является убеждение: «кто не с нами, тот против нас». Благоприятную среду для распространения этой болезни создают ограниченность внутреннего мира прихожан, их духовная бедность и творческое бессилие, а также безразличие к Истине, проявляющееся, в частности, в отсутствии интереса к богословским проблемам»⁴.

Необходимо помнить, что сектантский изоляционизм не только разрушает экклезиологические представления о Церкви, как Телу Христовом, но и формирует у православных христиан ложные взгляды на церковную жизнь, подвиг монашества и современное общество. История Православия свидетельствует о том, что путь человека к Господу связан не только с его личным поиском Творца, но и с соборным церковным опытом постижения Бога. На этом сложном, многотрудном, но одновременно радостном, спасительном пути православному христианину необходима духовная помощь, которую могут оказать образованные православные пастыри и мудрые духовники – представители современного монашества.

⁴ *Бочков Павел, свящ.* Выбор веры: Церковь или идеология: классификация церковных расколов постсоветского периода: Монография. – К.: ДП «Издательский дом “Персонал”», 2011. С. 165.

Для большинства православных христиан, вполне справедливым является утверждение, что монашество – это удивительное, мощное, уникальное, впечатляющее радостное и победоносное шествие ко Христу, авторитетная духовная сила, победоносный голос Церкви Христовой, к которому прислушивается мир. Духовная пустыня самоотречения, жертвенность, преданность воле Божьей открывает возможность каждому христианину воздвигнуть монастырские стены благодати Святого Духа в своем сердце, ограждая свой разум, душу и волю от греха, уныния, печали, тоски и отчаяния. Но такое возвышенное понимание монашества вполне допустимо, когда монах акцентирует свое внимание на милости Христа, Евангелии, прощении, радостном покаянии, духовном исцелении, а не на мертвом консерватизме, невежестве и превознесении буквы закона над духом.

Известно, что настоящая духовная оппозиция монашества относится не к миру, как явлению любви Божьей, но к царству греха, порока, неправды и беззакония. Монашество является добровольным участием в деле освобождения нашей природы от господства и власти греха, для уготовления в наших сердцах обители для Христа Спасителя. Видный церковный и общественный деятель митрополит Бориспольский и Броварской Антоний говорит: «Ту духовную пользу для Церкви и общества, которую оказывали иноки, отрекшиеся от мира и взявшие на себя сугубый крест веры, тот подвиг, который несут они сейчас в монастырях, тихих пустынях, шумных городах, далеких селах и приходах, трудно переоценить. Этот подвиг свидетельствует: пока будет существовать сей мир, до тех пор монашество останется средоточием церковной

жизни»⁵. Лучшим путем постижения духовного опыта Православия является изучение истории монашеского бытия, которое сыграло главенствующую роль в летописи христианства.

Настаивая на истине и исторической правде, скажем о том, что сквозь толщу столетий и до наших дней многие иноки, монахи, невзирая на исторические ошибки церковных иерархов, духовенства и мирян, возносят свои вечные молитвы о мире. Тысячелетиями горят неугасимым огнем скромные лампы православных монастырей, звучат тихие молитвы монахов, которых не зря богословы называют «земными ангелами» и «небесными людьми».

Однако нельзя не видеть и того, что некоторые монашествующие, вместо того, чтобы следовать заповеди Христа Спасителя о проповеди Евангелия всему миру (Мк 16:15), идут путем социальной изоляции, бегства от мира, как творения Божия. Данная позиция граничит с негативными явлениями маргинализации⁶, когда верующие, по мысли социологов, становятся люмпенизированной маргинально-периферийной группой, со-

⁵ *Антоний (Паканич), архиепископ*. Слово к новопостриженным иеромонаху Алексию (Шпакову), монаху Филарету (Гаврину), монаху Спиридону (Ходаничу) и монаху Амвросию (Вайнагию), произнесенное ректором КДАиС, Высокопреосвященнейшим Антонием, архиепископом Бориспольским 21 декабря 2008 года // Киевская духовная академия и семинария [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://old.kdais.kiev.ua/publication/upload/65/813/postrig.htm> – Дата доступа: 28. 05. 2016.

⁶ Маргинализация – характеристика социальных явлений, стоящих на рубеже культур, на краю социальной пропасти. Выталкивание на дно, резкое понижение в социальном статусе.

циально и культурно отчужденной от «большого общества»⁷.

Преодолеть эти ложные и искаженные представления об общественной и церковной жизни призваны все христиане. Религиозное измерение общественных явлений должно занять свое достойное место в мировоззрении православного христианина. Только настоящая православная вера, лишённая маргинального влияния, мотивирует жизнь христианина, одухотворяет все процессы человеческой жизнедеятельности.

По нашему мнению, задача современного православного богословия состоит в том, чтобы проповедуя о Боге, оно актуализировало понятие того, что православная вера несет в себе абсолютную правду о Боге, человеке, обществе, политике, бизнесе и вызовах современной цивилизации. «Задача заключается в том, – подчеркивает Святейший Патриарх Кирилл, – чтобы сегодня люди это осмыслили и приняли феномен веры не как историческую традицию, не как часть фольклора – милого, приятного, вводящего в уютную атмосферу прошлого со всей её романтикой, а как реальный мировоззренческий вызов; чтобы современное человечество поняло: существование цивилизации во многом зависит от того, насколько люди примут в ум и сердце Божию правду»⁸.

Евангелие Христово, по слову Святейшего, «требует от человека, преобразовывать себя, а через себя – и

⁷ Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Бабосов Е. М. Социология в текстах. Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов. – Мн.: ТетраСистемс, 2003. С. 78.

⁸ Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Кирилла / сост. А. В. Велько. – 2-е изд. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 147–148.

окружающий мир»⁹. Эти слова в полной мере относятся и к церковной жизни. В общине христианин призван к солидарности, социальной ответственности и общественной деятельности, посредством которой христианин проповедует о Боге. Христианство должно идти путем преображения мира, а не путем отвержения человека и его интересов.

В храме, участвуя в Евхаристии, православный христианин может ощутить себя членом избранного народа Божьего, проникнуться духом соборности и почувствовать себя по-настоящему свободным от политики, нации, экономики, социального неравенства и идеологического рабства. Именно через Евхаристию, проповедь Слова Божьего и социальное служение, Церковь Христова может реально трансформировать бытие человека.

Кроме того, именно в Церкви Христовой, в среде монашеского бытия, Бог может избавить человека от самоедства, фанатизма, уныния, депрессии, безумия и греховной ограниченности. «Церковь, – по мнению видного российского журналиста и писателя Дмитрия Быкова, – не должна и не может расстаться с ролью одного из главных общественных институтов: она необходима хотя бы потому, что выглядит единственной реальной альтернативой секте, тому духовному подполью, в которое рано или поздно скатывается любой мыслящий одиночка»¹⁰.

⁹ Сила нации – в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла / сост. А. В. Велько.– 2-е изд. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 173–174.

¹⁰ Быков Дмитрий. Толоконные лбы // Интернет-портал «Snob.ru». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.snob.ru/profile/9493/print/40331> – Дата доступа: 10. 05. 16.

С нашей точки зрения, под кризисом монашеской жизни мы подразумеваем извращение монашеского подвига самоотречения, искаженные представления об аскезе, добродетелях, свободе и борьбе с грехом. А также низкий уровень церковного общения, безграмотность духовенства и монашествующей братии на пути интеллектуального и духовного постижения Истины. Отдельного внимания заслуживает вопрос передачи веры, духовных идей, ценностей, христианских установок и ложное понимание основных аспектов жизнедеятельности христианина, основанных на Священном Писании и Священном Предании Церкви, а не на сказаниях «неизведанной старины».

Важно подчеркнуть, что христианская община, согласно богословским взглядам Святейшего Патриарха Кирилла – «это опять-таки система солидарности, система взаимодействия и общения, которая формируется в Церкви через молитву»¹¹. Вот почему, по мнению Святейшего Патриарха, Православной Церкви сегодня так важно развивать социальные программы церковных приходов, образовательные и молодежные программы¹².

Церковь Христова призвана свидетельствовать о Христе, передавать апостольскую веру – ту веру и те взгляды на мир, духовно-нравственные убеждения, надежды, оптимизм, горение духа и сердца, которые свя-

¹¹ Кирилл, *Святейший Патриарх Московский и всея Руси*. Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с нижегородской молодежью. Ответы на вопросы // Интернет-портал «Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/739341.html> – Дата доступа: 10. 05. 2016.

¹² Там же.

тые апостолы приняли от Самого Господа. Православная вера – это те «великие принципы, на которых Бог возжелал устроить жизнь рода человеческого»¹³.

И если православное богословие не сможет сохранить, а главное передать, актуализировать, сделать эти «великие принципы» востребованными в истории человечества, то Церковь не справится со своей священной миссией и вечные абсолютные ценности Христа никогда не смогут воплотиться в реальной жизни человека.

Заметим, что именно в церковной среде, посредством церковной коммуникации передается Истина Христова. И если православное богословие не будет развивать сеть церковной коммуникации, миссионерство, просвещение, социальные проекты, а будет только «сохранять старые формы выражения веры или способы ее передачи, то этого будет недостаточно, а, может быть, это даже послужит тому, что люди останутся глухими к этой христианской апостольской вести»¹⁴.

Святейший Патриарх Кирилл неустанно проповедует, что «вся миссия Церкви – это творчество, это попытки сделать весть о Христе актуальной и современной»¹⁵. Об этом говорит и митрополит Гор Ливанских Георгий (Хандр), размышляя о святости и вызовах современного мира. «Безусловно, мир преобразуется святостью. Когда он был мал, не очень силен, и его проблемы были несопоставимы со вселенским порядком, у святости было только одно обличье. Но в открытом, идущем к объединению мире, с его непрерывным усложнением, глобализацией и всеми вытекающими из нее проблемами,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

сама святость, несомненно, должна принять новые формы. Такие формы, которые не были бы чужды объективным поискам разрешения сложностей жизни. Творчество, через которое человек сегодняшнего дня стремится возрастать и перерастать самого себя, предполагает скрытое присутствие Христа в мире»¹⁶.

По мысли митрополита, любовь Творца к мирозданию, долг любви по отношению к миру, Евангелие Христа обязывает учеников Господних – православных христиан участвовать в развитии мира, в его коренном преобразовании¹⁷. «Скажу больше, – пишет владыка Георгий, – Господь присутствует в этической, художественной, научной революции, которые просвещают мир и, так или иначе, выявляют Его присутствие во вселенной»¹⁸.

Повторяясь, отметим, что кризис монашеской жизни и церковной коммуникации стремительно развивается на почве мракобесия, невежества, «пещерного суеверия»¹⁹, церковно-приходского кликушества, формализма, ретроградства, фанатизма и радикализма. Рассматривая и анализируя каждую проблему в отдельности, отчетливо видно как искажается христианское мировоззрение, подверженное влиянию ложных взглядов на духовный мир и современное общество. В свете серьезного богословского анализа становится понят-

¹⁶ *Георгий (Ходр), митрополит Гор Ливанских*. Призыв Духа: Церковь и общество / Пер. с фр. – К.: Дух і літера, 2006. С. 12 – 13.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Подробнее см.: *Быков Дмитрий*. Толоконные лбы // Интернет-портал «Snob.ru». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.snob.ru/profile/9493/print/40331> – Дата доступа: 10. 05. 16.

ным, что кризис монашеской жизни и церковной коммуникации – «это суд над преходящими условностями нашего восприятия вечной Истины христианства»²⁰, приговор ложным взглядам на Бога, мир и человека.

Установлено, что развивая православное богословие, шествуя путем просвещения, плодотворного диалога науки и религии, можно разрушить стену непонимания между христианской общиной и современным миром. Как здесь не согласиться с актуальными размышлениями митрополита Георгия (Ходра): «Пусть поймут меня правильно: речь не об *aggiornamento*, тем более не о приспособленчестве к духу века сего, не об ослаблении великого Предания, которое спасало нас веками. Я знаю, что на нашем пути есть такие подводные камни, как чрезмерное упрощение или духовное обеднение. Но разве не столь же опасно простое воспроизведение форм? Действительно ли спасают нас одни и те же слова, повторяемые на протяжении всей человеческой истории? Я не настаиваю на систематической новизне. Моя единственная забота в том, чтобы Бог мог общаться с сегодня с теми людьми, какие есть»²¹.

Кроме того, кризис монашеской жизни показывает явные недостатки и проблемы церковного и общественного бытия в целом. Притворство, бездарность, ретроградство, провинциализм никакого отношения не имеют к Священному Преданию Церкви. Именно об этом говорил выдающийся богослов, церковный деятель, доктор церковной истории, протопресвитер Виталий Боровой, когда подчеркивал, что наши народы захлестнула

²⁰ Желудков Сергей, *свящ.* Почему и я – христианин. – СПб.: Кайрос, 1996. С. 10.

²¹ Георгий (Ходр), *митрополит Гор Ливанских.* Призыв Духа: Церковь и общество / Пер. с фр. – К.: Дух і літера, 2006. С. 281.

«мутная волна крайне реакционной, почти мракобесной лжеверности, ложной и не истинной, а фольклорной верности истории Церкви и церковной жизни»²².

Православные христиане, будучи верны апостольской проповеди, святоотеческому наследию, догматическому учению Церкви, должны передавать свою веру на понятном языке, делая её доступной миллионам людей живущим на планете. Отсюда, важность и необходимость современных переводов церковной литературы, создание новых учебников, учебных пособий и рекомендаций на русском языке и с учетом современной научной методологии. А для этого нужно не только нарастить «богословские мышцы», преодолеть кризис церковной коммуникации, выйти из «затвора», «социального гетто» «малого стада»²³, но уничтожить «клетку», в которую хотят загнать православных христиан и повесить замок «храмового благочестия». Об этом с болью, озабоченностью всегда говорил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне, Святейший Патриарх Московский и всея Руси): «Надлежит ли нам добровольно затвориться в церковной ограде, ограничившись общением в пределах своего «малого стада», а остальному миру высокомерно заявить: мы – сами по себе, мы спасаемся, а вы – как хотите? Но ведь

²² *Боровой Виталий, прот.* Возрождение прихода в понимании священноначалия Русской Православной Церкви накануне революции и в современных условиях // Материалы Международной богословской конференции «Приход в Православной Церкви» (Москва, октябрь 1994 г.). – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2000. С. 43.

²³ *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? – М.: Даниловский благовестник, 2002. С. 37.

это стало бы предательством завета Христа идти проповедовать и научать все народы»²⁴.

«Церковь призвана свидетельствовать Истину перед лицом всей вселенной. И христиане не должны ставить свещницу под спудом, но ярко светить всему миру»²⁵. Святейший Патриарх Кирилл, размышляя над реальными плодами христианской жизни и миссии Церкви, пишет: «Жизнь человека должна сопровождаться реальными свершениями. Все, что мы делаем, будь то наша профессиональная карьера, семейная или личная жизнь, — все обязано приносить плод, который будет востребован людьми, который призван улучшить жизнь и служить накоплению духовного потенциала личности и всего человечества»²⁶.

Рассматривая церковно-приходскую жизнь, подвергая жесткой критике уставничество²⁷, обрядоверие, догматизацию обряда, которые нередко для многих монашествующих ближе и дороже самого Евангелия,

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси*. Вера должна приносить духовные плоды // *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси*. Тайна покаяния. Великопостные проповеди (2001–2011). — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. С. 417–418.

²⁷ Святая матушка Мария (Скобцова), размышляя о типах религиозной жизни, писала: «Каков нравственный облик уставщика? Каково его духовное содержание? Самая его большая жажда — это жажда абсолютной духовной устроенности, полное подчинение внутренней жизни внешнему, разработанному до мельчайших подробностей ритму». Подробнее см.: *Мать Мария (Скобцова)*. Типы религиозной жизни / Предисл. прот. Сергия Гаккеля. — М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2002. С. 23–24.

Патриарх Кирилл говорит: «Между магией и таким отношением к обряду почти нет различия. Не нужно верить, не нужно напрягаться, не нужно приносить плодов – достаточно точно и скрупулезно выполнять все, что предписано. Вот такое отношение к внешнему благочестию поистине губительно»²⁸. Об этом писала и святая матушка Мария (Скобцова): «Страшно идолопоклонство в миру, когда оно предаёт Христа во имя государства, нации, социальной идеи, маленького буржуазного комфорта и благополучия. Ещё страшнее идолопоклонство в Церкви, когда оно подменяет любовь Христову блюдением субботы»²⁹. «Радость должна быть одной из точек опоры нашей жизни»³⁰.

Известный пастырь, схиархимандрит Авраам (Рейдман), духовник Ново-Тихвинского женского монастыря и Свято-Косьминской пустыни подчеркивает: «Возникновение секты внутри Церкви – явление не новое. Известно множество случаев, когда люди внешне соблюдали православные обряды, но, в сущности, являлись сектантами, составляя внутри Церкви некую замкнутую группу и находясь на нелегальном положении»³¹.

²⁸ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Вера должна приносить духовные плоды // Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Тайна покаяния. Великопостные проповеди (2001–2011). – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. С. 418.

²⁹ Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни / Предисл. прот. Сергея Гаккеля. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2002. С. 29.

³⁰ Мать Тереза. В сердце мира: Мысли, истории, молитвы / Мать Тереза; [пер. с англ. Э. И. Мельник]. – М.: Эксмо, 2012. С. 34.

³¹ Авраам (Рейдман), схиархимандрит. Сектантское движение внутри Церкви // Интернет-портал «Православный

Таким образом, кризис церковной коммуникации связан с приходской изоляцией отдельных священников, духовников, монахов и мирян, которые неверно толкуют духовную борьбу с грехом. Вместо борьбы со страстями, как правило, такие монахи проповедуют ненависть к миру как творению Божию. Заметим, что не менее важной проблемой для церковно-приходской жизни является и кризис общественной ориентации, когда ориентирами для верующих христиан и общества в целом становятся не Евангелие и учение Православной Церкви, а политические идеологии или секулярные ценности.

Мы видим, что сегодня существует множество священников, монахов и мирян, схожих с литературным героем романа «Малиновый пеликан» писателя Владимира Войновича – Тимофея Семигудилова. Они с «воспаленными глазами от ненависти ко всему живому»³², думают не о своих грехах и собственных страстях. Они страдают «от существования на свете Америки, гомосексуалистов, масонов, евреев и либералов»³³.

Надо ли говорить, что еще больше существует политиков, спекулирующих на духовных аскетических идеалах Православной Церкви. Они, как правило, живут в роскошных особняках, передвигаются на дорогих автомобилях, «обладают недвижимостью в Майями и в Риге»³⁴. Тем не менее, они изображают из себя бессребреников, «живущих только духовными интересами, которые сводятся у них к мечтам о великой и

мир». [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/sektantskoe-dvizhenie-vnutri-cerkvi/> – Дата доступа: 18. 05. 2012.

³² Войнович В. Н. Малиновый пеликан. – М.: Издательство «Э», 2016. С. 46.

³³ Там же. С. 49.

³⁴ Там же. С. 52.

страшной России, которая уже разогнулась и скоро поднимется во весь свой богатырский рост»³⁵.

Известный православный богослов, архимандрит Кирилл (Говорун) отмечает, что религиозность нашего народа «в полной мере отражает весь рельеф социума»³⁶. Все постсоветское общество «разделено, коррумпировано, криминализировано, в нем острый дефицит общественной справедливости и меритократии. Все это в полной мере присутствует и в религиозной жизни общества»³⁷. Православные христиане болеют теми же болезнями, что и современное общество. Церковный народ разделен, и разделения эти проходят по линиям политических разломов³⁸. «Это все, конечно, плохо, но это соответствует общему правилу постсекулярной эпохи: постсекулярная религиозность общества в полной мере отражает характер самого общества»³⁹.

³⁵ Там же. С. 52–53.

³⁶ Кирилл (Говорун), архимандрит. Религия и общество в Украине через призму постсекулярного // Интернет-портал «Религия в Украине». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.religion.in.ua/main/analitica/14578-religiya-i-obshhestvo-v-ukraine-cherez-prizmu-postsekulyarnogo.html> – Дата доступа: 14. 01. 2016.

³⁷ Там же.

³⁸ Об этом говорит и Святейший Патриарх Кирилл: «Политическое разделение, кстати, проходит и по телу Церкви». Подробнее см.: Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на итоговом заседании Палаты попечителей Патриаршей литературной премии // Интернет-портал «Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2916180.html> – Дата доступа: 19. 04. 2016.

³⁹ Кирилл (Говорун), архимандрит. Религия и общество в Украине через призму постсекулярного // Интернет-портал «Религия в Украине». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим

В целом можно сказать, что следствием такого состояния становится чрезмерная политизация и радикализация церковной жизни, когда сама православная вера, для большинства верующих, по слову талантливого церковного историка, протоиерея Георгия Митрофанова, трансформируется в «разновидность новой тоталитарной идеологии»⁴⁰.

Речь идет о том, что некоторые православные обители, приходы, околоцерковные группы, поддерживаемые политическими партиями и лидерами политических объединений, занимаются манипуляцией общественного сознания, используя христианскую веру и церковную практику бытия. «И в жизни Церкви, – по мысли митрополита Минского и Слуцкого Филарета, – это порождает рецидивы “идеологического мышления”, к которому привыкли вчерашние атеисты, а ныне – неуёмные радители о “правильности” Церкви, с которой они познакомились совсем недавно. Отсюда – попытки проведения политических кампаний с привлечением церковной символики и терминологии, отсюда и критика в адрес священноначалия, и пренебрежение церковной дисциплиной в среде духовенства и мирян»⁴¹.

К примеру, на страницах многих псевдоправославных газет и брошюр православные богословы, талантливые литераторы за экуменические контакты, четкие

доступа: <http://www.religion.in.ua/main/analitica/14578-religiya-i-obshchestvo-v-ukraine-cherez-prizmu-postsekulyarnogo.html>
– Дата доступа: 14. 01. 2016.

⁴⁰ *Митрофанов Георгий, протоиерей.* Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. – СПб.: Моби Дик, 2009. С. 152.

⁴¹ *Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий.* Надежды и тревоги Церкви // Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Взыскание Царства. – К.: Дух і Літера, 2005. С. 103.

формулировки по проблемам современной культуры, геополитики, глобализации, информатизации обвиняются в отступлении от Православия. Как правило, «не окончив даже заочной семинарии, не выучив хорошенько и катехизиса, – пишет протоиерей Николай Балашов, – такие батюшки с необычайной смелостью принялись наклеивать ярлыки еретиков, модернистов отступников едва ли не на всех современных православных богословов. Облюбовав мрачный лозунг “Православие или смерть!” и быстро убедившись, что на привычном в России недоверии к начальству всего успешней можно заработать популярность, взялись обвинять в преступном сговоре с масонами и “экуменистами” каждого второго (если не просто каждого) епископа, включая рукоположивших и их самих епархиальных архиереев»⁴².

Отмежевываясь от ложных взглядов на монашество, аскетические подвиги, православную веру и саму церковную деятельность, каждый православный христианин должен руководствоваться учением Православной Церкви, а не «руководством к действию» – брошюрами, изданными «святыми горами» и «старцами». В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» подчеркивается, что «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравственности»⁴³. Именно эти слова должны

⁴² Балашов Николай, протоиерей. Хотят ли духовные чада взрослеть? // О прелести и фанатизме в духовной жизни. Советы православным, как избежать этого состояния / Сост. А. Баранов. – М., 2006. С. 88.

⁴³ Раздел I «Основные богословские положения», пункт 3 // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2001. С. 9.

стать векторами духовного движения и развития церковной жизни.

«Церковь должна пройти через процесс исторического кенозиса, осуществляя свою искупительную миссию. Ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира. Церковь призвана действовать в мире по образу Христа, свидетельствовать о Нем и Его Царстве. Члены Церкви призваны приобщаться миссии Христовой, Его служению миру, которое возможно для Церкви лишь как служение соборное, *«да уверует мир»* (Ин 17:21)»⁴⁴.

Из сказанного, думается, должно быть ясно, что общественная деятельность и активная социальная позиция православного христианина – часть священной миссии свидетельства о Евангелии всему миру (Мк 16:15). «Одна из главных обязанностей православного христианина состоит в том, чтобы показывать миру подлинное, чистое Православие»⁴⁵.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что атеизм или религиозная индифферентность, которая так характерна постсоветским обществам и странам Западной Европы, разрушают будущее и социальную гармонию современного общества. Следующая фаза исторического развития человечества немыслима без нового поворота к религии и духовно-нравственным ценностям. «Миссия Церкви – напомнить нашим

⁴⁴ Раздел I «Основные богословские положения», пункт 2 // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 8.

⁴⁵ *Авраам (Рейдман), схииеромандрит. Сектантское движение внутри Церкви // Интернет-портал «Православный мир». [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/sektantskoe-dvizhenie-vnutri-cerkvi/> – Дата доступа: 18. 05. 2016.*

современникам, что настоящая красота и общение возможны только во Христе Иисусе, Который обновляет наше сердце, в ту минуту, когда оно Ему открывается»⁴⁶.

Покойный Предстоятель Украинской Православной Церкви, Блаженнейший Митрополит Владимир (Сабодан) всегда говорил о конкретных, практических шагах в решении существующих церковных проблем:

- проведение епархиальных конференций, круглых столов и семинаров по актуальным вопросам и проблемам жизни Православной Церкви.

- развитие миссионерской деятельности на уровне церковных приходов;

- проведение внебогослужебных просветительских чтений и богословское обсуждение существующих проблем;

- изучение Слова Божьего и святоотеческого наследия;

- организация приходских библиотек и творческих кружков⁴⁷.

Таким образом, воцерковление современного человека, ищущего Христа, стремящегося к общению с живым Богом, оказывается крайне затруднительным в условиях доминирования психологии лжедуховничества современного монашества и социальной изоляции на церковном приходе. Очевидно, что именно изоляционизм

⁴⁶ Володимир, Митрополит Київський і всієї України. Українська Православна Церква: сьогодні та перспективи // Володимир (Сабодан), Митрополит Київський та всієї України. Доповіді, промови, звернення. – К.: Видавничий відділ Української Православної Церкви, 2011. С. 327.

⁴⁷ Володимир, Митрополит Київський і всієї України. Місія Православної Церкви на межі тисячоліть // Труды Київської Духовної Академії. – К., 2008. – № 8. С. 21.

является причиной упадка в современной приходской жизни.

В заключение хочется сказать, что православное богословие критически относится к негативным процессам лжестарчества, искажения идеалов монашества в угоду политической целесообразности и ложным взглядам на мир. Только беспристрастный анализ проблем современного монашества и церковного бытия, решение их в духе соборного обсуждения, богословской дискуссии способен предохранить церковную общественность от церковных расколов и ряда других духовных и социальных нестроений в Церкви.

Интеллектуальное и духовное погружение православных христиан в собственное вероучение Православной Церкви, глубоко осмысленная инкорпорация в литургическую жизнь, активная социальная позиция верующих в церковном и общественном бытии – залог конструктивного выхода из ложных поведенческих моделей современного христианина.

*Киев, Норильск
Июнь 2016 г.*

«МОНАШЕСТВО НЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В КЛОБУКАХ И РЯСАХ...»

*Беседа с игуменом Петром (Мещериновым) –
настоятелем подворья Данилова монастыря
в деревне Долматово Московской области*

Наталия Большакова-Минченко: Отец Пётр, расскажите, пожалуйста, о себе – где родились, где учились, каковы ваши интересы; ваш путь в монашество.

Игумен Пётр (Мещеринов): Родился я в Москве, в 1966 году, в семье музыкантов. Образование музыкальное у меня, – консерватория, оркестровое отделение. Как я пришел в монашество? Позвал Господь, – иначе сказать не могу... Как-то само собой все получилось. Чего-то особенно яркого или того, что может заинтересовать других, я не помню, – все было очень внутренне. Внутреннее решение, что если служить Богу, то максимальным образом.

Н. Б.-М.: То есть максимальный путь служения Богу вы понимали как монашество?

П. М.: Да! Тогда!

Н. Б.-М.: И сколько вам было лет?

П. М.: Мне было 24 года. Когда я стал работать в церкви, я уже думал о монашестве, а в 1991-м году я пришел в Даниловский монастырь и вот пребываю там с тех пор неизменно.

Н. Б.-М.: Был ли у вас какой-нибудь духовный наставник?

П. М.: Нет! К счастью, не было. И я этому очень рад, потому что на моем пути монашеском Господь Сам как-то управлял процессом, скажем так, очень ненавязчиво. Но самое яркое, что здесь можно сказать, что всегда

в нужный момент приходили нужные книги. Потом я написал, помню, письмо отцу Софронию (Сахарову). Я был знаком с его племянником отцом Николаем (мы с ним учились вместе), он мне тоже ничего не ответил решительного, то есть в роли старца он не выступал... Теперь я этому очень рад и вижу, что Господь меня вел именно таким путем, чтобы я на людей «не залипал».

Н. Б.-М.: А ваши обретения на этом пути с чем связаны, равно как и потери и разочарования, если они есть?

П. М.: Ну, если говорить о каком-то отрицательном опыте и обозначать его как потери и разочарования, то это, конечно, все то, что связано с внешней формой существования монашества. А что касается приобретений, то это все что относится к внутренней жизни.

Н. Б.-М.: А внешняя форма — объясните, пожалуйста, конкретней...

П. М.: Монашество, если брать определение Феофана Затворника, — это пребывание в Боге с отрешением от всего. От всего прочего. И Феофан Затворник пишет, что для монашества форма это вещь привходящая. Она может быть такой, может быть другой. Монашество не заключается в клобуках и рясах и, даже, не в пребывании в монастыре и ни в длинных уставах монашеских, а вот именно во внутренней точке, которую уже монастырская внешняя форма охраняет, способствует ей и так далее... Вот, собственно, эта истина никуда не делась, я ее просто проверил на опыте и убедился, что так оно и есть, что все внешние вещи в монашестве являются второстепенными, и что в наше время, конечно, очень многое не работает, очень многого жизнь требует другого, чего не было прежде у монахов.

С этим связано не разочарование, так как у меня не было особого очарования, но... некий вывод, о чем лет

десять тому назад в журнале «Альфа и Омега» была моя статья «Мучение любви, или...». Моя точка зрения такова: если монашество превращается в идеологию Святых отцов, а внешняя монашеская форма превращается в основное, в обязательное, то это плохо.

Н. Б.-М.: Но ведь очевидно, что жизнь во Христе несовместима с идеологией...

П. М.: Конечно! Но сложилась такая система мышления, губительная весьма, которую можно назвать «святоотеческой идеологией», подменяющей собой святоотеческое учение, Св. Писание и Предание.

Н. Б.-М.: Но чем определяется тогда духовная жизнь, какова, собственно, ее цель, и как это соотносится с подвигом монашеской жизни? Как вели вас учителя и наставники через книги, если не лично встреченные, — те, с кем связана ваша духовная родословная?

П. М.: Во многом она связана с святителем Феофаном Затворником, во многом — со старцем Силуаном — пожалуй, это два основных имени. И, вообще, с монашеской, со святоотеческой письменностью, конечно. Макарий Великий в числе моих любимых важных авторов.

Н. Б.-М.: И что сегодня говорит вам (нам) свт. Феофан Затворник, какова его позиция и взгляд на цель христианской жизни?

П. М.: Святитель Феофан Затворник видит целью духовной жизни Богообщение. В своем труде «Начертание христианского нравоучения»¹ он пишет о том, что в «живом, внутреннем, непосредственном общении Бога с человеком и человека с Богом и есть его последняя цель». Ссылаясь на свт. Василия Великого и

¹ Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1895 г.

прп. Макария Великого, свт. Феофан отмечает принципиально важную вещь. «Неверно, если бы кто стал думать, что когда Богообщение поставляется последнею целью человека, то человек сподобится его после, в конце, например, всех трудов своих. Нет, оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения. Состояние, в котором человек сознает, что Бог истинный есть его Бог, и сам он есть Божий, то есть говорит в сердце своем Богу: “Господь мой и Бог мой” (Ин 20:28), как апостол Фома, и к себе самому: “Божий есмь, Божий есмь” (Ис 44:5), – такое состояние есть единое истинное состояние человека, есть единый решительный признак присутствия в нем начала истинно нравственной и духовной жизни»².

Н. Б.-М.: Чем определяется в человеке чувство Богообщения?

П. М.: Прежде всего и главным образом тем, что свт. Феофан называет «ревностью о богоугождении». Это – твердая, прочная как смерть решимость, несмотря ни на что, ни на какие внешние обстоятельства, ни на внутренние скорби и уныния, – быть христианином, быть с Богом и исполнять Его волю в живом, непрестанном и радостном чувстве веры, благоговения и сыновней зависимости от Бога. Богообщение есть приобщение человека Святому Духу; это не восторги, не экзальтация, – благодать Святого Духа свидетельствуется в душе мирным, радостным, смиренным, тихим, прохладным, истинно духовным чувством, дающим человеку мир, любовь и свободу, – и как бы «собира-

² Феофан Затворник. Начертание христианского нравоведения. М., 1895 г. С. 34, 36.

ющим» человека в цельное и гармоничное существо, в то, чем он должен быть по замыслу Божию.

Н. Б.-М.: А существует ли такое духовное отцовство в жизни и становлении монаха – в лице реальных пастырей – под руководством кого можно приблизиться к Богообщению и к такому подлинному бытию?

П. М.: Основная проблема РПЦ – отсутствие церковной педагогики, и для монашества – отсутствие духовников, настолько, что жизнь монаха идет вопреки сложившимся условиям. Главное, может быть, разочарование и огорчение связано для меня с тем, что у современных монахов нет наставников в настоящей, подлинной монашеской жизни. Причины этого можно разбирать отдельно, но по факту, – этого просто нет.

Сейчас, конечно, в монашество люди особо не идут, но те, которые приходят, – молодые, воодушевленные, с максималистским желанием служить Богу, они уже могут получить некоторую помощь, преимущественно отрицательного характера, в качестве предостережения: не делай того; не делай того... на этом пути ты ничего не найдешь и так далее... Но вот им, может быть, даже легче, потому что есть опыт нашего поколения. Я в данном случае говорю не только о себе, а о поколении, пришедшем в русское монашество в конце 80-х, начале 90-х годов прошлого века, и до сих пор оставшемся в нем, живущем в монастырях. А нам тогда советовать было некому, на наше поколение пришлась эта огромная лакуна, у нас было, так называемое, возрождение Церкви – очень внешнее, очень... я не с осуждением это говорю... просто, как факт.

И я помню, как мне говорили: «Прочитай Святых отцов, воплоти написанное в жизнь и все будет в порядке». Советы эти были слишком оптимистичны...

Поэтому отсутствие духовных наставников, это не только главное огорчение, но и главная проблема в нашей жизни.

Н. Б.-М.: То есть и в вашем личном пути не было этих, необходимых молодому монаху наставников, учителей...

П. М.: В той мере, в которой мне бы хотелось, их не было.

Н. Б.-М.: То, что наша Церковь находится в глубоком кризисе, видим, ощущаем мы все – и миряне, и клирики. Также и упадок сегодняшнего православного монашества в МП, пусть в разной степени, но ощутим не только монашествующими, но и нами, – всеми членами церкви.

П. М.: Дело не в монастырях. Монастыри, это производное от Церкви. Церковь в ее большей, внешней, массовой своей части, – производное от народа. Какое общество, такая и Церковь. Какая Церковь, такие и монастыри.

Переместимся с исключительно церковной почвы на общественную. Потому что, какое общество, такие и монахи – это ещё святитель Игнатий Брянчанинов писал в XIX веке. Если общество, наше российское, сейчас пожинает плоды столетия советского, то откуда возьмется община в антисолидарном обществе, полностью расцерковленном?

Ведь это должен созидаться какой-то анклав совершенно других людей, и по-другому настроенных, и по-другому воспитанных, по-другому мыслящих и чувствующих. То есть, в принципе, это возможно было бы, если бы пастырские усилия Церкви были бы целенаправленно устремлены на это. Вполне возможно. Но этого же нету!

Н. Б.-М.: Вот мы с вами бываем в монашеской общине в Бозе и видим цветущий сад, я имею в виду как расцвет христианской культуры, братолюбие, гостеприимство, развитие традиций богослужебных, литургических, богословских и место примирения – территория монастыря становится территорией мира, любви между разными христианскими конфессиями, общинами. Смотрим на лица братьев и сестер, – они радостные! И, когда знаешь, что 50 лет тому назад здесь была совершенная пустыня, – без воды, электричества, и первые братья и сестры стали жить здесь ради Христа, потому что никаких других оснований для жизни здесь у них не было, – мне представляется это евангельским путем.

П. М.: Несомненно! Если люди сами по себе собрались, живут по Евангелию, конечно, это прекрасно! Но просто нам еще надо дозреть, мы еще не доросли до этого. Повторяю, это все тесно связано с обществом. Если нерадостная, агрессивная, просто уничтоженная нация, – какое может быть монашество – представители этой нации?! К сожалению, это очень связанные вещи. Опять же, еще раз говорю, если бы были какие-нибудь целенаправленные пастырские усилия для того, чтобы положение изменилось, – но этого нет, и это – общецерковная проблема.

Н. Б.-М.: И кризис в церкви сегодня, – он связан с отсутствием вот этой пастырской заботы?

П. М.: На мой взгляд, это главная проблема. Я писал в свое время, что главной нашей бедой является отсутствие адекватной пастырской педагогики, и вообще, какой бы то ни было. То есть основы воцерковления внешние есть, а больше ничего нет. Поэтому люди ходят по этому внешнему кругу воцерковления всю

свою церковную жизнь и их духовный рост и какие-то духовные потребности души, – конечно, это звучит формально, но, тем не менее, – просто не удовлетворяются, опять же потому, что не знают пастыри, как это сделать. Понятно, что для пастыря должны быть методички, говоря таким формальным языком.

Н. Б.-М.: Учебные пособия...

П. М.: Да, как в школе для учителей, у них есть методические материалы, а у нас ничего этого нет, и никто об этом не думает. И в наше время с особенной ясностью обнаружилось, что какие угодно, но только не эти вопросы будут осмысляться, решаться. То есть никому это не интересно.

Н. Б.-М.: Скажите, отец Пётр, в православной церкви Московского Патриархата нет вариантов уставов для монастырей, все – общежительные?

П. М.: Вариантов нет, у нас устав только общежительный, хотя я считаю его неработающим, и я был бы рад, если бы была разность уставов, чтобы люди могли выбирать, потому что некоторым больше подходит скитский или еще какой-то. Но фактически у нас монастыри, конечно, штатные, то есть среди насельников социальная и имущественная разница наличествует, таким образом, входит в какое-то противоречие с уставом. Я сейчас говорю без всякого осуждения, – это жизнь. Так оно устроено. И, в принципе, и должно быть устроено, потому что у клирика, у священника, естественным порядком получается несколько иная жизнь, чем у простого послушника или у какого-то, не связанного со служением, монаха... Просто это надо как-то «проартикулировать» и урегулировать...

Н. Б.-М.: А когда в нашей Церкви менялись монашеский и церковный уставы?

П. М.: Устав менялся 700 лет тому назад, при Сергии Радонежском, если говорить о большом уставе церковном – со Студитского на Иерусалимский. А если брать монашеские уставы, то еще в начале XX века были и штатные монастыри, то есть такие, в которых гостиники получают долю дохода, и они более независимые, более самостоятельные и общежительные. Когда в 1909 году был съезд монашества, тогда основная масса представителей монастырей как раз ратовала за общежительный устав, но были и голоса, достаточно трезвые, которые защищали и многоукладный образ жизни. А в наше время многоукладность, я считаю, и требуется – люди разные...

Н. Б.-М.: А как, по-вашему, является ли община основанием для монастырского, монашеского образа жизни?

П. М.: Как довольно давно сказал Василий Великий – идеальную общину он видел именно в монастырском устройстве.

Я думаю, что сегодня многие монахи, если бы у них была возможность переменить свою жизнь и сделать ее более достойной, то они бы это сделали. Но, так как утеряны навыки и социальные и профессиональные, то люди просто уже живут в монастыре по инерции...

Но если бы представилась возможность, я думаю, что немалое количество монахов поменяло бы «место жительства»...

Н. Б.-М.: То есть вышло бы за стены монастыря?

П. М.: Да! Но не с тем, чтобы удариться в какие-нибудь пороки, а именно, чтобы жить по-монашески, но – самостоятельно.

Н. Б.-М.: Но это возможно в условиях Московской Патриархии?

П. М.: А тут дело не Патриархии... При чем тут Патриархия?

Н. Б.-М.: То есть это позволительно, да?

П. М.: По документам – нет, конечно! Но если мы говорим о настоящих монахах, то – что им все эти документы?! Главное – их жизнь с Богом!

Н. Б.-М.: А как осознается Евангелие в призвании монаха и вообще, в устроении монастыря, общины? Практикуется ли молитвенное чтение Св. Писания (то, что в Западной традиции именуется *Lectio Divina*), суть которого, – поиск Христа, как говорит об этом поиске бл. Августин в «Исповеди»: «Тот, Кого я ищу в книгах», а для свт. Григория Богослова молитвенное чтение означает вкушение пасхального Агнца.

П. М.: Опять же – по факту? По факту – никак! Жизнь монахов не формируется по Св. Писанию, нет и совместного чтения Писания, как нет и методологии погружения в Св. Писание. Ни Писание, ни святоотеческое наследие не реализуются в монашеской жизни. В наших монастырях нет христианской общинности, вдохновленной Св. Писанием.

А в идеале и в личной жизни настоящий монах, это тот, кто тоскует, потому что хочет жить по Евангелию, но встречает многие, в том числе, и внешние препятствия.

Н. Б.-М.: Скажите, а творческие возможности человека, дарования его развиваются или подавляются в монастыре?

П. М.: Не развиваются, конечно. В лучшем случае. Опять же, если монастырь не предоставляет своим насельникам, как это в нашем монастыре, – определенную, разумную свободу. У нас можно. Я про себя могу сказать, что Данилов монастырь мне не мешает, а

помогает реализовываться творчески. Я перевожу тексты, меня интересующие, занимаюсь музыкой и прочее. Но, опять же, это не очень типично для наших монастырей, если брать их в общем.

Н. Б.-М.: То есть в других монастырях в целом этому препятствуют игумен или игуменья...

П. М.: Даже не игумен или игуменья, а сама идеология монастырская, сложившаяся за эти годы. Игумен и игуменья не то, что они вредят своим насельникам, хотят их ограничить. Нет, они просто вполне находятся в этом русле.

Я должен сказать, что Данилов монастырь – лучший монастырь у нас (это моя точка зрения), потому что действительно насельники монастыря имеют возможность как-то определяться сами в рамках достаточно большой свободы, (имеется в виду внутренняя свобода), поэтому каждый насельник сам определяет свою меру внутренней жизни, а наше начальство это понимает, надо отдать ему должное...

Н. Б.-М.: Ну, а что значит «сам определяет меру внутренней жизни»?

П. М.: Ну, вот, формально говоря – соотношение молитвы и труда и т.д. У каждого разное устройство.

Н. Б.-М.: А под «трудом» вы понимаете послушание монастырское?

П. М.: И монастырское, и какие-то, может быть, личные занятия... благочестивые занятия.

Н. Б.-М.: А помните, было такое мнение, восходящее к Лютеру, что монашеская жизнь противоречит Евангелию?

П. М.: Нет, не противоречит. Сам Господь говорит: «Кто может вместить, тот вместит». Просто есть люди, для которых это – путь, скажем так. Он не для всех, –

о чем Евангелие говорит, так что здесь Лютер не прав. При всей моей к нему любви (улыбается).

Н. Б.-М.: Ради чего идет человек в монастырь?

П. М.: Ну, все зависит от человека. Монастырь, в идеале, должен предоставить человеку условия. То есть тишину, минимум попечений. Устроенный какой-то более или менее быт, налаженные богослужения и так далее... Если эти рамки получаются в монастырской жизни, то все в дальнейшем зависит от самого человека – как он их использует.

А в нашем монастыре, находящемся в процессе именно внешнего восстановления, наоборот возникают препятствия, на мой взгляд, из-за постоянной стройки – визжат бензопилы, приезжают грузовики, сбрасывают железные листы, которыми будут крыши и заборы крыть и так далее. Уж это совсем не способствует как раз тому, ради чего человек идет в монастырь, к тому же преемственности нет, духовных наставников нет.

Н. Б.-М.: Чем, в таком случае, монастырь отличается, грубо говоря, от кооператива?..

П. М.: Нет, я не хочу все в черных красках изображать. Отличается все-таки! Так или иначе, люди думают о Боге, молятся, стараются как-то жить благочестиво... Несомненно отличается в лучшую сторону. Но это просто не в той мере, в которой хотелось бы и о которой мечтают во всех святоотеческих книгах.

Н. Б.-М.: А ради чего собираются монахи вместе, создается монашеская община?

П. М.: Вы говорите слово «община», но у нас такой мотивации нет. У нас люди приходят в монастырь, чтобы найти наиболее благоприятный режим и среду для личного спасения. Несомненно это. В нашем безобщинном и антисолидарном обществе трудно

предположить, чтобы человек как-то сознательно рефлексировал и желал вот такой общины... У нас не так устроена церковная и общественная жизнь.

Н. Б.-М.: Ну, мы, миряне... я обобщаю несколько, но я знаю таких людей, которые понимают, что христианство, церковь – это семья, это община и ищут ее.

П. М.: Ну, все-таки у монахов другой акцент. Монашество, – это индивидуализм, прежде всего. Община – это хорошая вещь, но она все-таки уже вторична для монаха. В самом слове «монах» это заложено.

Н. Б.-М.: А общежительный монастырь, что же это, как не общность?..

П. М.: Да, по мнению Василия Великого это идеальная община и прочее. Но, в принципе, мы видим, что само монашество, когда оно возникло, оно пошло по двум путям. Первое – это индивидуалистическое монашество: Антоний Великий, Макарий Великий. Другое – это общежительное – Пахомий Великий. И что мы видим: что с самого начала там были все эти «замечательные» нестроения! Это же прекрасно видно в истории, в Патерике, когда сестра Пахомия Великого организовала женский монастырь, который окормляли ни кто иной, как сам Пахомий Великий. И пришел какой-то старец, и почтил своим вниманием, и сказал сестрам, что самый святой человек у вас в монастыре – это ваша кухарка. И оказалось, что все эти 400 девушек постоянно ее оскорбляли. Это – начало монашества! Ну, так чего ожидать-то?

Нет! У меня иллюзий нет насчет этого! Человек падший. Монашеское устремление индивидуалистическое... Вот основные две вещи.

Опять же, если серьезно, то поэтому и появились монастырские уставы, чтобы урегулировать эти вещи.

Поставить границы между людьми, предписать им нормы поведения, чего совершенно не нужно в индивидуалистическом монашестве. Там как человек решает, так и живет. А в общежительном – да, нужен устав!

Н. Б.-М.: А воплощение евангельских заповедей?

П. М.: Но, причем тут монастырь, они везде должны воплощаться!

Н. Б.-М.: Безусловно! Но в монастыре ведь особое стремление к этому... если, как вы говорите, что ощутили призыв, чтобы служить Богу более полно, полноценно. Разве это не Евангелие?..

П. М.: Да, это Евангелие, несомненно, но если в общине отношения монахов друг с другом регулировались бы Евангелием, тогда не нужны были бы уставы. Один игумен, который собирался строить монастырь, спросил у Нектария Эгинского: «Владыка, какой вы мне дадите устав?» – Нектарий снял с полки Евангелие, дал ему и сказал: «Вот ваш Устав». Уставы существуют, и это говорит о падшести человека, о его немощи. Несомненно, что все христиане, а тем более монашествующие, стремятся к исполнению евангельских заповедей. Но так же, как и в жизни любого человека это трудно, так и в жизни монашествующего это нелегко.

Н. Б.-М.: В жизни монашествующих больше благоприятных обстоятельств и условий?

П. М.: Трудно сказать!.. Не думаю... Если брать, опять же, монашеские уставы, то они что регулируют? Богослужение, совместную работу, совместное жительство, ну и сам этот принцип – то, что акцент этот делается, прежде всего, на богослужении, да? Монахи ради чего собираются? Чтобы молиться и все такое прочее. В Евангелии же не делается акцент на богослужении, правда? То есть тоже начинается, как бы я сказал,

смещение акцентов. Это сложно, сложно. Потому наиболее близкий путь к Евангелию, это путь Антония Великого, Макария Великого, которые уходили в пустыню, питались от дел рук своих обязательно, не связывали себя никакими уставами и законоположениями местного характера и старались жить по Евангелию. Но общежительное, монастырское монашество – это совсем другая штука. И монахи с такими устремлениями, попав в монастырь, чувствуют себя очень плохо. Им, может быть, лучше жить в городе, на квартире. Ходить спокойно на работу и не быть зависимыми от устава... Это сложная тема.

Н. Б.-М.: Монашество существует много веков, но формы осуществления монашеского призвания могут меняться и, наверно, должны меняться. При том, что цель – подражание Христу – остается неизменной.

И кажется, что в наше время все большая ответственность ложится на каждого христианина, а не только на монаха. Но пастырского попечения не хватает и нам, мирянам. Жрецов много, а пастырей мало.

П. М.: Мы опять возвращаемся к той, самой главной проблеме: отсутствию церковной педагогики, то есть, другими словами – пастырства церковного. Оно не выполняет свои задачи. В этом, конечно, вина Церкви, – что она забыла свое главное назначение. И «утешением» для нас может служить только то, что так часто бывало в истории христианства.

И из-за этого очень много потерь. Конечно, мы говорили, что человек ответственен за себя, что все зависит от человека, но необходима помощь и поддержка.

Сейчас, конечно, изменилась ситуация, потому что нынче всякий народ валом валит в Церковь. Раньше, в конце советских времен – все-таки еще приходили в

Церковь и в монашество сознательно, из религиозных побуждений. Но, не имея опыта, знаний, сталкиваясь с искушениями – постепенно, одно, другое, одна мелочь, другая, и человек ослабевает, теряет силу, решимость, теряет тормоза, сваливается куда-то. И то, что на этом процессе, порой, уже в случае и безнравственных вещей, человек не встречает не только духовного, но и административного какого-то тормоза – это тоже вопрос к Церкви: «Почему?!».

Н. Б.-М.: То есть получается потеря евангельских ориентиров у монахов?

П. М.: Я думаю, тут и внешний проект присутствует, советский, вполне удавшийся.

Мне кажется, это началось с 50-х годов прошлого века, когда после войны обновленцев принимали в церковь в массовом количестве, а уже среди них это разложение началось... Так что это вполне внешний проект.

Большевики добились, чего хотели: новое общество из людей создали – советский народ, русскую нацию уничтожили, Церковь развалили изнутри.

Н. Б.-М.: Но все-таки и Церковь несет на себе ответственность за эту катастрофу – революцию и все последующее...

П. М.: Конечно, несет! Знаете, я не сторонник восстановления патриаршества. Я вообще-то сторонник синодального периода в Русской церкви, считаю, что он лучший. Судя по тому, что в царское время в среде монашествующих и сожительства с противоположным полом-то практически не было, не говоря о другом...

Все-таки Победоносцев был, да и оберпрокуратура за этим следила. В этом тоже был ее плюс. Был какой-то противовес. Светские чиновники и оберпрокуратура следили, чтобы архиереи не распускались... Чтобы

не очень распускались. Таких явлений, как сегодня, до революции не было.

Н. Б.-М.: Но ведь если все происходящее трезво не оценить, не осмыслить, не поставить «диагноз», то нет шансов на исцеление?..

П. М.: Никаких!.. Если Церковь перестает пастырски осмыслять историю, и нет правильного отношения к прошлому, то трудно созидать настоящее и чего-то ждать в будущем...

Н. Б.-М.: Скажите, отец Пётр, а для вас лично – что главным является в монашестве и без чего оно не может быть?

П. М.: Я все-таки прихожу к выводу, что вера в Бога. (Смеется.)

Н. Б.-М.: Человек оригинален. Мне тоже так кажется.

П. М.: А что тут можно сказать?! Но вера настоящая, живая. Вера повседневная, упование ежеминутное. Жизнь во Христе. Это и есть суть монашества.

Н. Б.-М.: Без этого и нет смысла!

П. М.: Конечно!

*Москва-Рига
Февраль-июль 2016 г.*

**ПАМЯТИ
ЕКАТЕРИНЫ ГЕНИЕВОЙ**

*Екатерина Юрьевна Гениева
(1946–2015)*

14 июля 2015 года в московском храме святых бесребреников Космы и Дамиана в Шубине председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион совершил чин отпевания директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино Е. Ю. Гениевой, скончавшейся 9 июля.

По окончании заупокойного богослужения митрополит Иларион обратился к собравшимся с архипастырским словом¹:

Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы провожаем в последний путь, путь всея земли, дорогую для нас и незабвенную Екатерину Юрьевну, с которой почти каждого из нас в жизни связывало очень многое.

Когда мы совершаем отпевание и внимаем текстам молитв и Евангелия, которое читается за отпеванием усопшего, то всякий раз убеждаемся, что речь в них идет не столько о смерти, сколько о жизни. В этом евангельском чтении пять раз звучит слово «жизнь», и Господь Иисус Христос, беседуя с иудеями, говорит им, что Он является жизнью, воскресением и источником жизни (см. Ин 5:24-30). Эти слова для всех нас служат утешением в тот тяжелый период, когда мы теряем близкого и дорогого для нас человека.

¹ См. Феномен Катя. М.: Центр книги Рудомино. 2016. // Иларион (Алфеев), митр. С. 13–15.

Уход любимого человека всякий раз переживается очень тяжело, ибо мы понимаем, что наша земная человеческая семья понесла невосполнимую утрату, ведь ушедшего человека никто не может заменить. Но в то же время мы осознаем, что в той великой семье людей, которых объединяет на небесах Господь наш Иисус Христос и Спаситель, на одного члена стало больше.

Мы знаем, что каждый из нас должен будет пройти тем же путем, каким сейчас идет раба Божия Екатерина. Каждого из нас ждет последнее целование здесь, на земле, и встреча там, на небесах, с Господом, а также с теми, кто нам был дорог в земной жизни. И сегодня, молясь о Екатерине Юрьевне, с которой многие из нас общались совсем недавно, еще несколько дней назад, мы понимаем, что эта разлука — временная, имеющая для каждого свои сроки. Ведь рано или поздно мы все перейдем туда, чтобы воссоединиться на небесах, обетованных каждому из нас Господом Иисусом Христом. И этот переход для нас будет светлым и радостным, если мы будем вести достойную и праведную жизнь, какую вела Екатерина Юрьевна.

Можно много говорить о ее заслугах, о ее человеческих и профессиональных качествах, но сегодня, в этом храме, я хотел бы сказать, прежде всего, о ее глубокой воцерковленности. Екатерина Юрьевна была человеком Церкви во всех смыслах этого слова. С детства воспитанная в религиозной семье глубоко верующей бабушкой, знавшая с юности многих выдающихся священнослужителей и будущих священнослужителей, среди которых был и приснопамятный протоиерей Александр Мень, она в течение всей своей жизни пронесла любовь ко Христу и Церкви.

Она была очень близким человеком отцу Александру, и после его трагической кончины всегда чтילה его память, которая была для нее священной. Она всегда собирала людей в день его кончины. Скоро исполнится уже четверть века, как отец Александр покинул этот мир. Екатерина Юрьевна также отдала много сил и времени для возрождения этого храма, приложив немало усилий и для того, чтобы его возвратили Церкви. И ровно 24 года назад этот святой храм в честь святых бессребреников Космы и Дамиана Римских был возвращен Церкви, и первая служба была совершена здесь, в день их памяти. И неслучайно, что сегодня именно отсюда мы провожаем ее в последний путь.

Екатерина Юрьевна до последних дней своей жизни сохраняла то глубокое чувство причастности Богу, предстояния Ему, которое озаряло ее жизнь и ее дела. Мне довелось увидеться с ней за две недели до ее кончины, когда она была уже истощена болезнью, но не сломлена ею, пребывая в бодром духе и всегда с присутствием ей, даже в последние дни, чувством юмора. Несмотря на физическую немощь, она встретила со мной, со слушателями Общецерковной аспирантуры и прочитала свою последнюю лекцию так, как делала это на протяжении многих лет, когда Господь давал ей здоровье и силы.

До последних дней она находилась в окружении дорогих и близких ей людей. Кончина ее не была безболезненной, но при этом подлинно христианской, непостыдной и мирной. Она ушла из этого мира, примиренная со всеми, соединившись с Богом через Причастие святых Христовых Тайн, приняв их на смертном одре из рук священника.

Екатерина Юрьевна не хотела, чтобы ее отпевание было печальным. И ее отпевание было торжественным. Предваряемое Божественной литургией, оно было проникнуто тем чувством предстояния Богу, которое мы испытываем каждый раз, когда приходим в храм Божий, когда вместе совершаем богослужение. И сейчас, в этом святом храме, когда мы в последний раз в ее присутствии будем возглашать ей «Вечную память», помолимся о том, чтобы Господь упокоил ее душу в селениях праведных и простил ей все грехи, вольные и невольные, ибо нет человека, который жив был бы и не согрешил. И будем просить Господа, чтобы помогал нам не забывать ее, чтобы мы учились ее трудолюбию, жизнелюбию и беспредельной любви к Богу и преданности Церкви. Аминь.

Евгений Рашковский

**ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ТЬМЫ:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О ЕКАТЕРИНЕ ГЕНИЕВОЙ¹**

*...и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе –
На пире Платона во время чумы.*

Борис Пастернак

Первая моя встреча с Екатериной, с Катей Гениевой произошла давным-давно, еще в прошлом веке, почти четыре десятка лет назад. Точнее – на исходе 1977 года. Ко мне поступила просьба (уж не помню, от кого) написать для журнала «Литературное обозрение», в тогдашнем просторечии «Литобоза», рецензию на только что напечатанный на страницах журнала «Иностранная литература» переведенный Марией Павловной Богословской роман Джойса «Портрет художника в юности»². Написать-то я написал, но хотел сверить свою рецензию с кем-то из людей, по-настоящему разбирающихся в истории европейской литературы.

Мой знакомый, Александр Борисович Грибанов, как раз и вывел меня на Катю, тогда еще скромного научного сотрудника Библиотеки иностранной литературы. Я ожидал разноса, однако Катина реакция оказалась

¹ Подробное и относительно систематичное описание жизни и трудов Е. Ю. Гениевой см.: *Паласио М.* Екатерина Юрьевна Гениева: 01.04.1946 – 09.07.2015 // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 8. С. 84–87.

² 1976, №№ 10–12.

неожиданно для меня дружеской и щедрой: «Такая рецензия не только Марии Павловне нужна. Она и *ему самому*³ нужна». Меня поразило и обрадовало столь простое и серьезное отношение Кати к проблематике жизни, смерти и бессмертия. И это в те годы, когда («свежо предание, да верится с трудом!») эта проблематика была предметом преследований и глумления.

И сразу же она дала мне на прочтение – незнакомому, по существу, человеку – машинописный фолиант своей диссертации о жизни и творчестве Джойса.

Эту же самую рецензию я показал старому своему приятелю – исследователю французской литературы Самарию Израилевичу Великовскому. Но здесь отзыв оказался менее обнадеживающим: «Рецензия-то Ваша, может, и хороша, но – не пропустят. Сидит там один джентльмен, человек очень начитанный. Только вот не по-Вашему начитанный. Он-то и зарубит...».

К сожалению, прав оказался Самарий Израилевич, человек, понимающий и глубокий, но менее оптимистичный и менее окрыленный, нежели Катя. Человек проникновенного дара, он не выдержал беснующейся тьмы тех времен...

Но всё это – «дела давно минувших дней». Да и казенная тьма тогдашняя нынче перекрасилась из «марксистско-ленинских» в религиозно-фундаменталистские цвета.

А настоящее же мое сотрудничество с Катей началось со времен Горбачевской «перестройки».

Вскоре после открытия российского отделения Фонда Джорджа Сороса (Институт «Открытое общество») Катя привлекла меня к работе различных его подразде-

³ Т. е. Джойсу. Катя всегда говорила со мною недомолвками, надеясь – иной раз тщетно – на остроуту моего понимания.

лений, связанных с научными конференциями, с отбором и внутренним рецензированием изданий Фонда, с работой по помощи российскому школьному делу, с работой по Мегaproекту «Высшее образование в России». Последнее направление, которому Катя отдавала столько внимания и сил, дало мне особенно много. Катя воистину заражала своей озабоченностью судьбами интеллигенции российских регионов. Работая вместе с Катей, я со всей ясностью осознал, что эти вузовские и школьные преподаватели, священники, библиотекари – эти недооцениваемые нашим бюрократическим государством люди – подчас даже не вполне интеллектуально изощренные, но преданные делу просвещения и познания, – образуют воистину *человеческую соль России*. И, между прочим, именно благодаря Кате и организованным ею поездкам – от Сергиева Посада до Хабаровска, от Коми-Пермяцкого округа до Кабарды – я сделал одно радостное лично для себя открытие: оказалось, что не в Москве и даже не в Питере, но именно в российских регионах обитают вдумчивые и пристальные читатели моих книг и статей.

Уже назначенная первым заместителем генерального директора ВГБИЛ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова, Катя привлекла меня к одной из просветительских программ, которую развернула в стенах Библиотеки и в которой принял участие будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – в те годы митрополит Смоленский и Калининградский. Программа была организована совместно с Домом Анны Франк (Амстердам) и посвящена памяти жертв Холокоста⁴.

⁴ Открывая эту программу, Катя говорила, что проблема Холокоста имеет отношение и к ее собственной судьбе: ее родные по отцовской линии были расстреляны гитлеровцами в Киеве, в Бабьем Яру.

В те годы, когда постсоветские мозги были изрядно затуманены казенной антисемитской и проарабской пропагандой прежних времен, эта проблематика относилась к разряду полузапретных⁵. И как раз в рамках именно этой программы Катя попросила меня выступить в Большом зале Библиотеки с публичной лекцией о природе тоталитарных практик массового истребления людей: тема еще более запретная, нежели тема Холокоста и, как говорили в старое время, «стыдная». Слова из разухабистого приключенческого фильма тех времен – «за державу обидно» – были в те года едва ли не господствующим кредо нашего народонаселения...

Однако казенные художества продолжались. 9 сентября 1990 г. произошло злодеяние, потрясшее весь мир и доселе не раскрытое: убийство нашего общего с Катей духовного наставника и друга – протоиерея Александра Меня. С тех пор – прежде всего именно трудами Кати – Библиотека иностранной литературы стала одним из центров увековечения памяти великого русского пастыря⁶. С тех пор – по просьбе Кати – я принимал участие в подготовке и организации ежегодных Меневских научных конференций и в издании их трудов⁷. На мой взгляд, эти четвертьвековые работы нашей

⁵ Мало кто даже сейчас понимает, что советская политика 60-х-70-х годов на Ближнем Востоке несет немалую историческую ответственность за раскошегаривание нынешнего арабо-исламского экстремизма, ставшего со временем одной из угроз нашей собственной стране.

⁶ Мемориальный культурно-просветительный центр «Дубрава» (вместе с храмом во имя преп. Сергия Радонежского) на окраине Сергиева Посада, возведенный на месте убийства о. Александра, сформировался несколько позднее.

⁷ См., напр.: Двадцать лет без отца Александра. И с ним. / Предисл., сост. Е. Ю. Гениева, отв. ред. Е. Б. Рашковский. – М.: Центр книги Рудомино, 2010.

Библиотеки имели и продолжают иметь огромное значение в интеллектуальной и духовной жизни России. Да только ли в России? Ибо эти Меневские встречи превратились в постоянную площадку творческого диалога представителей духовенства, ученых, писателей, дипломатов, общественных деятелей из Москвы, из российских регионов и зарубежных стран. И всё это разнообразие людей и мнений так или иначе связано с той проблемой, которая была центральной в жизни и о. Александра, и Кати: как достойно жить, как достойно «ходить перед Богом»⁸ в этом многоликом, бурном и исполненном противоречий мире? Как выстраивать для нынешних и будущих поколений достойную человеческое существование среду?

И эта достойная жизнь, достойная среда, по определению, должна включать в себя умение радоваться⁹.

Помню, как в одну из наших просветительских поездок в Кабарду мы ужинали в каком-то из тамошних ресторанов. Кабардинский оркестр играл весь вечер дежурные лезгинки и фокстроты. И вдруг – бабахнул «семь-сорок». Мы с Катей пустились в пляс. И надо было видеть, с каким артистизмом, с каким царственным озорством выплясывала моя партнерша...

* * *

Строго говоря, религиозное направление в работе нашей Библиотеки, с коим связала меня судьба, началось еще давным-давно, с 20-х годов прошлого столетия.

Кто сейчас помнит, кто сейчас среди нашей беспамятной публики знает, что в начале 20-х годов,

⁸ См.: Быт 17:1.

⁹ См.: 1 Фес 5:16.

когда «ленинская партия» отступилась от губительной политики «военного коммунизма», под руководством Надежды Константиновны Крупской, супруги Ильича, началась кампания по выпалыванию из государственных библиотек всей и всяческой религиозной литературы: начиная Библией и кончая духовными произведениями Лескова, Вл. Соловьева, Толстого? Об изданиях Русского зарубежья я уж не говорю.

Так вот, уже в тот период, вопреки «генеральной линии» и благодаря инициативе основателя Библиотеки – Маргариты Ивановны Рудомино (1900–1990) – в Библиотеку стали поступать разнообразные книги на разных языках, – книги, спасенные из разгромленных дворянских усадеб. А уж далее – вследствие казенного запроса на «критику буржуазной идеологии» – в Библиотеку стали поступать выписываемые из-за рубежа разнообразные книги по истории литературы, по собственно истории, по философии (а где философия – там и теология: поди отличи!). Благо, что среди сотрудников Библиотеки было немало людей компетентных, мыслящих и верующих.

Разумеется, большинство этих изданий – по тогдашним идеологическим условиям – подлежало заключению в «спецхране» (как бы особой тюрьме для неугодных начальству книг), но ведь библиотечное комплектование объективно рассчитано не на «злобу дня», но на десятилетия и века...

Специализированное религиозное направление стремительно сложилось в Библиотеке вместе с официальной либерализацией отношения к религии на исходе 1980-х годов. И – опять-таки! – благодаря не только глубочайшим культурным сдвигам «снизу» (компрометация советского государственного атеизма),

но и благодаря «перестроечной» политике М. С. Горбачева. Бóльшая часть бюрократии и общества, хотя и изверившаяся в «научном коммунизме», всё же не была готова к этим переменам. Но Библиотека – была готова.

Вообще, становление осознанного и организационно оформленного религиоведческого направления в нашей Библиотеке, подсказанное общими замыслами и усилиями о. Александра Меня, академика Вячеслава Всеволодовича Иванова и самой Екатерины Юрьевны, во многом вытекало из исторически сложившегося парадоксального статуса Библиотеки. Действительно, «Иностранка» всегда сочетала в своих трудах два, казалось бы, взаимоисключающих принципа: с одной стороны, принципа специализированной научной библиотеки с сильным филологическим уклоном, а с другой – библиотеки воистину публичной, открытой для всех. А уж с ликвидацией «спецхрана» и со вторжением в жизнь электронных технологий работы с книгой, этот парадоксальный опыт «Иностранки» оказался востребованным всей системой российского библиотечного дела: библиотека становилась не только сочетанием пополняемого книгохранилища и читальни, не только местом встречи Человека и Книги, но и местом непрерывных контактов Человека и Человека – и как раз именно на почве великой и никогда не теряющей своего значения книжной культуры.

И не случайно созданное и оформленное Катериной религиоведческое направление в работе нашей Библиотеки привлекало к себе людей самых разнообразных (читателей, посетителей и участников наших встреч, лекций и конференций, экскурсантов, единовременных посетителей, приходивших к нам за библиографическими и научными консультациями) – от людей немудрящих

и даже полуграмотных до профессоров и академиков; от детей до пенсионеров. И всё это не случайно: за всем этим угадывался Катин мощнейший человеческий размах и охват¹⁰.

И самоё религиозоведческую материю она понимала широко: не только как описание теологий, обрядов и статистик верующих. Она понимала, что работа над постижением религиозных содержаний и смыслов теснейшим образом связывает религиоведение с комплексом филологических, исторических и философских наук. И, само собой, – с книговедением. И не случайно же «Библия» и «библиотека» – слова однокоренные, в обоих случаях обозначающие собрание книг¹¹.

И не случайно благодаря своей широте, изяществу и внутренней силе она была способна – не лукавя и не теряя себя – работать с церковными иерархами, дипломатами, творческой интеллигенцией, представителями бизнеса и гражданского общества. И даже господа из нынешнего «политического класса» – и те не могли не выказывать ей уважения. Вот что значит масштаб личности – гибкой и одновременно непреклонной!

И вот о чём нельзя забывать: человек книжный, куртуазный и по-своему властный, – она всё равно оставалась на стороне обделяемых, гонимых и травимых. Но это – тема целого и притом особого разговора.

А здесь скажу только вкратце. Человек космополитической культуры, она близко к сердцу принимала

¹⁰ См.: *Никитинский Л. В.* Бог забрал у нас женщину, которая, увы, так и не стала министром культуры // Новая газета. М. 15.07.2015. № 74. С. 20.

¹¹ См.: *Гениева Е.Ю.* Семья и книга [Интервью Е. Б. Рашковскому] // Семья. Духовные и общественные проблемы. – М.: Центр книги Рудомино, 2011. С. 43–45.

культурные нужды российских регионов и республик Ближнего зарубежья. Отправляя меня в командировки – в Иваново ли, в Пензу, в Харьков или Минск, она всегда набивала мой чемодан и рюкзак книжными подарками для тамошних библиотек: и светских, и церковных – только дотащи...

* * *

Катя предложила мне взять на себя религиозное направление в работе Библиотеки в двадцатых числах июня 2007 года – сразу после кончины возглавлявшего это направление о. Георгия Чистякова. Трудность задачи ошеломила и испугала меня, но отступить было некуда: многолетняя дружба с о. Георгием, некоторое участие в его и Катиных библиотечных трудах и, наконец, глубина моего уважения к самой Катерине – сделали свое дело. Да к тому же и чувствовал себя перед нею в неоплатном долгу: именно фонды Библиотеки неоплатно помогли мне в написании работ на религиозно-философские и богословские темы; именно по её инициативе руководимое ею издательство «Рудомино» напечатало два сборника моих стихов, да к тому же и с моими рисунками, что требовало немало издательских и полиграфических усилий...

А между тем, работа подсказанного о. Александром, академиком Ивановым и самой Катей направления была и остается чрезвычайно сложной. Ибо направление это, за которым угадывается глубокий общекультурный и (не побоюсь этого слова) просвещенно-государственный подход, обязывает Библиотеку быть средоточием *непрерывного и творческого диалога*: верующие и неверующие, православные и инославные, духовенство

и міряне, ученые и простецы, великороссы и представители иных народов, Москва и российские регионы, Россия и Зарубежье, включая и Русское зарубежье. Так что весь этот комплекс трудов по консультированию читателей, комплектованию религиоведческой литературы, лекциям, научным и мемориальным конференциям, книжным презентациям, по сотрудничеству с академической, вузовской и церковной наукой, с религиозными конфессиями требует особых знаний и особых усилий.

И не случайно это направление нашей библиотечной работы получило благословение Патриарха всея Руси Алексия II и Патриарха Кирилла (причем последний поддерживал Библиотеку еще в бытность свою митрополитом Смоленским и Калининградским).

И весь этот комплекс работ требовал от Катерины огромной мобилизации духовных, интеллектуальных и попросту психофизических сил, огромного объема памяти, разветвленных и взаимосвязанных ассоциаций.

И вот – некоторый, в своем роде курьезный и бытовой, но красноречивый пример на сей счет.

День 20 ноября 2010 года. Скатываюсь вниз по Яузской улице, бегу от метро «Таганская» в Библиотеку. И вдруг перед самым моим носом резко тормозит автомобиль и оттуда – словно *deus ex machina*¹² – выскакивает Катя:

– Женя, с днем Ангела тебя!

– Катюша, спасибо, только вот почему ты знаешь?

– А я всё знаю.

¹² Бог из машины (лат.) – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней, фактора.

– А когда я помру, знаешь?

– Знаю.

– Так когда же?

– Нескоро.

Я старше ее почти что на целых шесть лет. Бедная, она видать, что-то предчувствовала...

Еще один краткий диалог (и, как это всегда водилось между нами, в полушутливом тоне, да еще и московским говорком¹³):

– Уж больно много, матушка, ты с меня спрашиваешь...

– Кого больше люблю, с того и больше спрашиваю.

– Ах, Катерина, любила б ты меня чуток поменьше...

...И это притом, что в мою работу и в мои инициативы она почти никогда и не вмешивалась: плавай, мол, сам, как умеешь. Но всегда помогала. Советом, налаживанием внутрибиблиотечных и особенно внешних контактов. Однако поручений и идей от нее – как из рога изобилия. И кое с чем я даже справлялся.

Критику и несогласия по конкретным вопросам работы (по крайней мере, с моей стороны) она воспринимала легко. А иной раз – даже и с благодарностью.

Она, как это свойственно тонким филологам или психологам, чувствовала внутренний стиль каждого человека. И в разговоре со мною (разумеется, без свидетелей) она могла подпустить и соленое русское словечко.

Она понимала людей и связывала их рабочие и творческие возможности с их внутренними предпосылками. И помогала людям в их бытовых и душевных трудностях. Кому могла и чем могла.

А к себе была беспощадна. Ибо всегда чувствовала себя в неоплатном долгу перед Богом, культурой,

¹³ Мы оба с нею – коренные москвичи.

страной, своим Домом-Библиотекой, перед окружающими людьми... И даже – перед всем кругом наших текущих трудов.

За несколько дней до кончины она звонила мне домой из последнего своего пристанища – израильской больницы – с просьбой организовать тематический вечер «Поэты-дипломаты»¹⁴.

* * *

Откуда взялась она такая, откуда пришла?

Известно, что за нею, за ее воспитанием и внутренним опытом стояли глубокие пласты старой российской дворянско-интеллигентской культуры и передовая европейская образованность, в частности, и образованность филологическая. Отсюда – и широта ее кругозора и основательность познаний, и ее мастерство историка литературы (прежде всего – литературы англоязычной), и сами ее манеры, сочетавшие обаятельность, уважительное (я бы даже сказал – ободряющее) отношение к собеседнику или партнеру. Но – при несомненной внутренней твердости. Вообще, эта благорасположенная к людям духовная щедрость была характерна для той горстки российских интеллектуалов, которые сумели пронести и развить в себе этот дар вопреки всему окружающему человеческому оскудению, непониманию и преследованиям разной степени тяжести¹⁵.

¹⁴ Эту последнюю сообщенную мне Катину волю мы постарались выполнить. Вечер состоялся 27 октября 2015 г. – См.: «Проснувшееся слово». – Инф. ресурс: www.libfl.ru/?page=225465265

¹⁵ Приведу имена тех из отошедших людей, которые прямо или косвенно прошли через мою жизнь, во многом

И не случайно Катерина – дважды рыцарь: рыцарь Британской империи и кавалер Почетного легиона.

Но за всем этим несомненным обаянием и заслуженным внешним блеском не каждый мог разглядеть и нечто иное: глубинный субстрат полускрытой, гонимой, но не сдавшейся российской церковной жизни XX столетия¹⁶. Нельзя не вспомнить в этой связи о Сергее Николаевиче Дурылине¹⁷, патриархе Пимене (Извекове), монахиня Досифее (Вержбловской)¹⁸, о людях «катакомбной Церкви», о духовном круге отцов Алексия и Сергия Мечёвых, об о. Всеволоде Шпиллере, митрополите Сурожском Антонии, об отцах Александре Мене и Георгии Чистякове, о которых писалось выше. Последние годы Катиной жизни были согреты дружбой с благородным, искренним и широко образованным о. Александром Борисовым.

определив ее ход: историк мысли и литературы С. С. Аверинцев, историк С. О. Шмидт, востоковеды М. А. Батунский, Б. В. Ветров и В. А. Рубин, социологи Г. Г. Дилигенский, И. С. Кон и Ю. А. Левада, Е. Б. Пастернак (исследователь и публикатор наследия своего великого отца), философ Г. С. Померанц, поэты М. С. Петровых и Д. С. Самойлов, – не говоря уже о священниках Владимире Смирнове, Александре Мене или Георгии Чистякове.

И что интересно – все они, как и Катя, – очень московские люди. Люди от той Москвы, которой, наверное, уже нет. Москвы, которая загублена казенной спесью в ходе последних четырех-пяти десятилетий...

¹⁶ Вновь отсылаю читателя к статье Мигеля Паласио.

¹⁷ См.: «Я никому так не пишу, как Вам...». Переписка Сергея Николаевича Дурылина и Елены Васильевны Гениевой. – М.: Центр книги Рудомино, 2010.

¹⁸ *Вержбловская Е. В. (монахиня Досифея)*. Близнец. – М.: Центр книги Рудомино, 2010.

Для всех этих священнослужителей любовь и православный молитвенный опыт были превыше политических страстей и суетной конфессиональной и – тем паче – национально-государственной гордыни, превыше всех придирок и гонений со стороны скоропреходящих властей. Катерина, как и все они, являла собой особый лик России: России, открытой миру в непрерывных творческих исканиях и в силе духовной и культурной памяти лучших ее людей. Ибо все они, – может быть, каждый на свой лад – мыслили и переживали свое человеческое время, свое человеческое творчество в контексте Вечности, в контексте Царства Божия. Переживали как дар Богу и людям...

* * *

Как-то я встретил ее, только что получив из печати очередную свою книгу:

– Катюш, у меня для тебя подарочек.

В ответ:

– Люблю получать подарки.

А еще больше она любила подарки дарить.

Да она и сама была подарком.

* * *

Катина жизнь – жизнь против тьмы. Тьмы забот, тьмы истории, тьмы людского невежества, тьмы собственных физических страданий. Потеря такого человека – потеря невозполнимая. Однако благодарной памятью о таких людях, как Катя, скрепляется и развивается земная история. Наша-с-вами-история.

Postscriptum. О кончине Кати я узнал, проводя от-
пуск на даче. И почему-то в моей голове сложились та-
кие стихи в память о ней:

*Как-то безнадежно и упрямо
старый сад обхаживаю сам.
Лилий золотые гексаграммы
тянутся к дождливым небесам,*

*и тропинки каменной извивы
порастают сорною травой.
Выдирая заросли крапивы,
я к земле склоняюсь головой.*

*Ветренно, легко и одиноко.
Удостоверением чудес
за преградой облачных небес
оживает голубое око...*

Зубово, 12.07.2015

...А когда приехал в Москву прощаться с Катей,
случайно узнал, что золотисто-желтые лилии и были в
числе ее любимых цветов...

*Москва
август – ноябрь 2015 г.*

Ив Аман

Профессор 10-го Парижского университета. Председатель международного Попечительского совета ВГБИЛ.

«ДЕЛАЙТЕ!»

Мне до сих пор очень трудно писать о ней.

Живя далеко от Москвы, я еще не осознал ее ухода.

Да и о ком писать? О друге? об общественном деятеле? О друге, о Кате, мне писать трудно, рано.

Напишу о Екатерине Юрьевне.

Многим она казалась «чужаком», пришельцем из неведомой страны. Одни удивлялись, другие восхищались, третьи раздражались, четвертые смирались.

Я много раз задавал себе вопрос, откуда у нее такое свободолобие, такая сила воли, такая интуиция, такое дерзновение, такая открытость к людям?

Меня больше всего поражал ее дух свободы. Она действовала так, как ей подсказывала совесть, невзирая на все «но», которые могли возникать. Признаюсь, что часто боялся за нее, порой пытался ее отговаривать, убеждал, что не время, люди не поймут, нельзя лезть на рожон. На самом деле на рожон она не лезла. Она внутренне понимала, как далеко можно зайти и где надо остановиться. И, в конце концов, всегда оказывалась права. Это не значит, что ей было легко, что она не испытывала ни страха ни сомнений – она их перебарывала.

Откуда у нее все это? Как разгадать тайну этой удивительной личности? Для этого не надо отправляться в иные миры. Эта тайна, по-моему, находится недалеко

от Москвы на бабушкиной даче. Там она с детства воспитывалась на великой классической литературе, русской и мировой. Туда приходили священники катакомбной Церкви и отправляли тайную службу, а она, ребенком, присутствовала на ней. С отцом Александром Менем она не только дружила в последние годы его жизни, но и получила от него благословение заниматься Иностранкой. Она познакомилась с ним еще в детстве, они были из одной духовной среды.

В ней сочеталось много противоположных качеств. Но что особенно ее отличало, это сочетание глубины мысли и эрудиции с практическим умом. Она не раз рассказывала мне сон, в котором отец Александр Мень говорил ей: «Делайте!». Это был ее девиз: действуйте, делайте! Во время любых обсуждений у нее неизменно возникали два вопроса: чем помочь или как из этого сделать проект. Проекты у нее били ключом из головы. Даже в больнице она придумывала проекты! И их осуществляла!

В течение двадцати пяти лет, которые прошли со времени ее избрания сначала заместителем, а потом директором Библиотеки, она несла служение. Как мы знаем, она не сразу согласилась занять это место, не стремилась к нему. Однако со временем она полюбила это служение и проявила в нем все свои таланты. Те, кто видел ее на разных презентациях, вечерах, встречах, лекциях, – как она входит нарядная, обаятельная, приветливая, с какой легкостью выступает, без бумаги, как будто без подготовки произносит всегда свежие, интересные, оригинальные мысли, – могли подумать, что жизнь ее – сплошной праздник. Но каким трудом, какими усилиями, какой силой воли ей это давалось. Надо было видеть ее, замученную от усталости, от количе-

ства встреч с утра до вечера, от травли, от бесконечной череды проверок в Библиотеке. Но когда она выходила к людям, то словно преображалась. Дважды ей предлагали высокий пост в международных организациях, и оба раза она отказывалась. Последние полтора года, когда она продолжала работать, не замедляя темпа, и одновременно боролась с раком, — были зримым знаком истинности ее служения.

За несколько дней до смерти она успела поучаствовать в беседе с Александром Архангельским и дать интервью Катерине Гордеевой на *Медузе*. Уверен, она внутренне понимала, что это ее последние публичные выступления: в них сквозило беспокойство о судьбе Библиотеки.

Поэтому, на мой взгляд, лучшая дань ее памяти — продолжение того курса, который она задала Иностранке. Просвещать. Строить не стены, но мосты. Между людьми. Через рубежи, государственные, культурные, социальные, духовные, конфессиональные. Мосты.

Париж – Москва

Вента Коцере

Вента Коцере (Venta Kocere – латышск.) – директор Академической библиотеки Латвийского университета. Доктор филологии, магистр по социальным наукам, кавалер ордена Трех Звезд (высшая государственная награда Латвийской Республики).

Закончила филологический факультет Латвийского государственного университета и заочное отделение аспирантуры Московского государственного института культуры. Автор свыше двухсот научных публикаций по библиографии, библиотековедению и истории культуры.

Награждена орденом Чести (Грузия), орденом княгини Ольги (Украина), Крестом Маарьямаа (орден Креста Земли Марии, Эстония), медалью ордена «За заслуги перед Литвой», медалью св. Георгия IV степени «Честь. Слава. Труд» (Украина), медалью министерства иностранных дел ЛР «За содействие членству Латвии в НАТО».

Действительный член Санкт-Петербургской Петровской академии наук и искусств.

КАТЯ В МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ

Дороги. Люди. Дороги изгибаются, скрещиваются, запутываются как сеть. На них встречаются люди. Многие проходят мимо не останавливаясь. Другие останавливаются. На момент. На долгое время. На всю жизнь.

Что заставляет одних людей встретиться, других пройти мимо, посмотреть друг на друга, подружиться? Что у них общее, что их объединяет, вызывает интерес,

необходимость дополнить друг друга? Но бывает, что ты знаешь – это твой человек, вы знакомы уже целую вечность...

Если директор Латвийской национальной библиотеки Андрис Вилкс дружил с генеральным директором Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино (ВГБИЛ) Екатериной Юрьевной Гениевой 25 лет, то мое знакомство и дружба с Катей началась 20 лет тому назад.

Уже в начале 90-х годов я знала ее заочно, потом очное знакомство переросло в искреннюю дружбу двух родственных душ, для которых библиотека являлась не только книгами на полках. Мы с Катей встречались и в Москве, и в Риге, на разных международных конференциях.

Для меня большим событием явилось издание в 2005 году монографии Екатерины Юрьевны Гениевой «Библиотека как центр межкультурной коммуникации», которая была посвящена теоретическим и практическим аспектам межкультурной коммуникации в библиотеке. Автор рассматривала современную библиотеку в контексте актуальных концепций как один из важнейших институтов общества, который не только собирает и хранит документы, но и активно участвует в социализации читателей, способствует формированию плюралистического видения и основ толерантного мышления.

Почему Платон считал книги «Мёртвыми статуями», а Пифагор принципиально не записывал свои мысли? Отчего наша современность предпочитает чтению зрелищные формы обучения и досуга? В чём состоит секрет и притягательность общения «из уст в уста», «лицом к лицу»? Что такое «плюралистическая библио-

тека» и чем она отличается от библиотеки «просвещенческой»? Можно ли превратить скучную научную конференцию в увлекательную игру? Отвечая на эти и многие другие вопросы, книга вводит читателя в проблемное поле современной коммуникативистики, социологии чтения.

С момента её выхода, она стала моей настольной книгой, потому, что в неё были вложены мои мысли, моё понимание. Это было невероятно!

У нас с Катей было не только много общего, но мы в один день были награждены высшими государственными наградами Латвии. 3 мая 2005 года я получила орден Трёх Звёзд «За заслуги перед Латвией», а Катя – Крест Признания. Этот день для нас был незабываемый и торжественный. Вручала награды президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, которая на церемонии награждения отметила, что после многих лет, снова вручается Крест Признания, история которого началась во времена правления Курляндского герцога. Он таким образом хотел объединить всех верных и честных, достойных людей. Его девиз и сегодня звучит также: «Достойным людям» («Godaprāta ļaudīm»).

Благодаря Екатерине Юрьевне и посольству Латвии в России, 1 ноября 2007 года Академической библиотеке было подарено 54 тома издания «Россия. XX век. Документы», которые издал фонд «Демократия» Александра Яковлева. Это являлось очень важным событием, в презентации книги участвовали: представитель фонда «Мемориал» Арсений Рогинский, российский историк Юрий Афанасьев, президент фонда «Демократия» Наталья Ушацкая, посол Латвии в России Андрис Тейкманис, Екатерина Юрьевна. В тот момент Академическая библиотека была единственной библиотекой,

*Дискуссия круглого стола
«Большое чтение» в Лат-
вийской Академической
библиотеке 28 февраля
2008 года.*

Фото: Андрис Мелбардис

тельства «Вагриус» Алла Николаевская.

Екатерина Юрьевна рассказала об уникальном литературном проекте «Большое чтение» – «Big Read», который начался в 2007 году, когда отмечалось 200-летие со дня установления дипломатических отношений между США и Россией. Это была совместная русско-американская инициатива, направленная на то, чтобы широко познакомить читателей с литературными произведениями этих стран. Первым шагом было издание в США на английском языке рассказа Александра Солженицина «Один день Ивана Денисовича». Эту работу выбрали американские партнёры. А русские выбрали роман американской писательницы

которая имела все эти тома, потому, что до этого не был публично доступен полный комплект этого издания.

Во время XI Балтийской международной книжной ярмарки 28 февраля 2008 года, в Академической библиотеке проходила дискуссия круглого стола «Большое чтение. Роль перевода в межкультурном диалоге». Главные организаторы этой дискуссии были Екатерина Юрьевна и заместитель генерального директора ВГБИЛ по издательскому делу Глеб Успенский и главный редактор изда-

Харпер Ли «Убить пересмешника» (Harper Lee. «To kill a Mockingbird»). Книга Харпер Ли стала одной из самых популярных, получила большое признание русского читателя. Организаторы проекта неоднократно отмечали: «Книга выбрана потому, что она оживляет тот идеализм, который забыт, когда мы перестаём быть детьми, и напоминает о том, как хрупок мир, в котором мы живём, как важно сохранять человеческие отношения, быть терпеливыми друг к другу. Эта книга согревает сердца и строит мосты – мосты между различными культурами, которые объединяют народы. Задача проекта была хотя бы в одном российском регионе привлечь внимание пяти-семи тысяч человек.

Это удалось сделать! Интерес молодёжи к знаменитейшему роману, который был издан в США в 1960 году, превзошёл самые смелые ожидания инициаторов «Большого чтения». Проект начался очень удачно, потом были начаты проекты с Германией, Францией, Великобританией и Италией.

Участникам круглого стола в Академической библиотеке в Риге было очень интересно узнать, что в 2007 году, когда весь мир отмечал 125-летие знаменитого ирландского писателя Джеймса Джойса (James Joyce) издательство «Вагриус» при поддержке Екатерины Юрьевны и Ирландского посольства в России, издало сборник рассказов писателя «Дублинцы» («Dubliners»). Д. Джойса считают одним из основоположников течения модернизма. Д. Джойс свой сборник посвятил описанию рая Ирландии, истории, его морали, произведение стало ирландским зеркалом. Книга вышла в свет в 1914 году.

*Подписание соглашения о сотрудничестве между
Латвийской Академической библиотекой и ВГБИЛ
29 февраля 2008 года в присутствии сотрудников
обеих Библиотек. Фото: Андрис Мелбардис*

Также в этой дискуссии 28 февраля 2008 г., проходившей в нашей Академической библиотеке, участвовал посол Украины в Латвии, поэт, переводчик, литературовед, член Союзов писателей Грузии и Украины Рауль Чилачава, который познакомил присутствующих со своей новой книгой „Trejkrāsainā saule”, («Трёхцветное солнце») потому, что это не только ссылка на стихотворение Райниса, но и издание перевода произведений Райниса и Аспазии на трёх языках – латышском, украинском и грузинском. Он отметил, что является «продуктом» межкультурного диалога, потому, что по национальности грузин, родился в Грузии, 40 лет прожил

на Украине, и считает, что культурные связи можно укрепить, познакомив людей с поэзией обоих народов.

Дискуссию о переводах на украинском языке продолжила переводчица Валентина Силава, которая перевела «Эпифании» Иманта Зиедониса на украинский язык. На украинском языке были изданы латышские народные сказки, народные песни, также произведения Райниса, Андрея Упитиса. Анны Саксе, Мирдзы Кемпе, Зигмунда Скуиньша, Ояrsa Вациетиса и др. Екатерина Юрьевна получила подарок от Академической библиотеки – книгу «Эпифании». Имантс Зиедонис пояснял, что «эпифании» – это греческое слово, которое означает отсвет, откровение, маленькие импульсы, маленькие вспышки, в свете которых отдельные моменты жизни высвечиваются особенно ярко...

29 февраля 2008 года было подписано соглашение о сотрудничестве между Латвийской Академической библиотекой и ВГБИЛ, которое включило вопросы взаимной информационной поддержки в осуществлении совместных проектов, организацию выставок, конференций, семинаров и др.

12 декабря 2008 года в Академической библиотеке была открыта выставка «Памятники культуры – жертвы человеческой ненависти», которая была представлена ВГБИЛ и Благотворительным фондом «Институт толерантности». Благодаря Екатерине Юрьевне и ее коллегам, в Риге возможно было ознакомиться с тем, как конфликты, возникавшие между людьми на почве ненависти, губительно действовали на судьбы памятников культуры, и увидеть хронологию разрушения, начиная с древнего Египта и Карфагена до наших дней. Выставка отображала не только тему вандализма во всех ее выражениях, но и гибель памятников во время современных войн и национальных конфликтов. На

Открытие выставки «Памятники культуры – жертвы человеческой ненависти» в Латвийской Академической библиотеке 12 декабря 2008 года.

Фото: Андрис Мелбардис

открытии выставки Катя выступила очень убедительно и эмоционально.

Одновременно на этом мероприятии наша библиотека получила замечательный подарок из ВГБИЛ – 200 книг на русском языке по культуре, этике, истории и литературоведению. Это были книги, которые содействовали культуре толерантности.

Наши корни и европейское наследие имеют древнюю историю, и хранителями этих свидетельств являются книги и их хранилища – библиотеки, роль которых переоценить невозможно.

Уже в 1524 году при участии Мартина Лютера была основана Bibliotheca Rigensis – одна из старейших библиотек в Европе – ныне Академическая библиотека

Латвийского университета, в фондах которой хранится 3,3 млн. единиц информационных ресурсов, ценнейшее и богатейшее в Латвии собрание старейших редких изданий и рукописей (начиная с XIII века) и самое обширное в мире собрание латышской литературы, где можно найти всё о Латвии и латышах независимо от места издания и языка.

Сегодня Академическая библиотека стремится способствовать диалогу и взаимопониманию между культурами и нациями, обогащает культурную жизнь Латвии, активно участвуя в международных культурных процессах. Культура – основной ресурс и инструмент, с помощью которого создаются и поддерживаются международные связи, как на межгосударственном уровне, так и между неправительственными организациями.

Весной 2011 года раздался звонок из Москвы – звонила Катя и пригласила меня с ней вместе участвовать в Межрегиональном форуме «Современная библиотека – современному обществу». Мне три раза не надо было повторять – раз Катя приглашает – надо ехать. Подготовила выступление «Роль Академической библиотеки Латвийского университета в расширении межкультурного диалога», а Катя представила доклад «Библиотека как инструмент культурной модернизации». Участники форума смогли познакомиться с проектом «Большое чтение» (совместный проект ВГБИЛ и Публичной библиотеки г. Чикаго (США)), который направлен на повышение интереса к книге, к мировому культурному наследию, к современной литературе. Как отметила Екатерина Юрьевна, роль библиотеки в жизни общества меняется и это – общемировая тенденция. Вопрос не в том, как задержать читателя в физическом пространстве библиотеки, а как сохранить его желание читать и «потреблять» информацию.

*Вента Коцере на открытии форума
«Современная библиотека – современному обществу»
в Перми 22 июня 2011 года. Фото: Людмила Смирнова*

*Надпись на титульном листе:
«Дорогой Венте – с любовью и надеждами на будущее
Искренне (Подпись) 23.06.11 Пермь»*

Время, которое я провела на форуме в Перми, было замечательным — мы много беседовали, обсуждали разные жизненные вопросы. Катя мне подарила свою последнюю книгу «И снова Джойс...». В предисловии к книге она писала: «Предлагаемый вниманию читателя текст — попытка подвести некоторые собственные джойсовские итоги и отчасти поставить точку в моей джойсовской одиссее. Впрочем, кто знает, может быть, она вновь превратится в запятую». Для меня эта книга очень дорога и когда я её открываю и листаю, я вспоминаю нашу с Катей встречу в Перми.

18 января 2014 года мы с Катей встретились на акции «Цепь друзей книги», когда по живой цепочке из рук в руки люди передали 2000 книг из старого здания Латвийской национальной библиотеки в новое — «Замок света». Все книги, переданные по живой цепочке, были из тех, что подарены жителями для полки народной книги. Я была безумно рада, что в этот уникальный и в памятный день, несмотря на сильный мороз, мы могли повстречаться с Катей и её помощницей Людмилой Скачковой. Эта оказалась наша с Катей последняя встреча ...

13–15 февраля 2015 года во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино и в Государственном мемориальном и природном заповеднике «Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная поляна”» проходила международная научно-практическая конференция «Библиотеки, музеи: основные направления взаимодействия и сотрудничества». Для участников конференции — руководителей и специалистов ведущих библиотек и музеев регионов России и зарубежных стран, представителей архивного сообщества, представителей администрации президента Российской Федерации и министерства культуры России было инте-

«Цепь друзей книги» в Риге 18 января 2014 года.

Фото: Роберт Свиженец

ресно послушать и моё выступление «Сотрудничество библиотек и музеев Латвии: из опыта Академической библиотеки Латвийского университета». Заслушано было более 40 докладов по истории и перспективам сотрудничества библиотек и музеев, других учреждений культуры и образования в области сохранения, популяризации и освоения культурно-исторического наследия. У меня была возможность познакомиться с коллегами

из разных стран. Когда мои друзья из ВГБИЛ спросили, что бы я хотела ещё посмотреть в их библиотеке, я, конечно, ответила: «ваши культурные центры». После моего предыдущего визита появились новые – Азербайджанский культурный центр, Болгарский культурный институт, отдел японской культуры «Japan Foundation». Всё было замечательно, но не хватало присутствия Кати... Она находилась в больнице в Израиле. Я вышла во двор библиотеки, обняла скульптуру Джеймса Джойса, сфотографировалась и, чтобы взбодрить Катю, я отправила ей это фото в благодарность за великолепно проведённую конференцию. Она была рада.

После ухода Кати я думала, что нам, друзьям Екатерины Юрьевны в Латвии обязательно надо организовать вечер, посвящённый её памяти. И он действительно состоялся.

15 марта 2016 года в Латвийской национальной библиотеке прошёл вечер памяти Екатерины Юрьевны Гениевой (1946–2015), на котором поделились своими воспоминаниями её рижские друзья. Для всех нас это было очень важно и необходимо, потому, что мы её всегда будем помнить такой, какая она была для нас всех вместе и для каждого по отдельности.

Рига, июль 2016 г.

*Вента Коцере
у скульптуры Джеймса
Джойса во внутреннем
дворике ВГБИЛ.*

*14 февраля 2015 года.
Фото: Роберт Свиженец*

Директор Академической библиотеки Латвийского университета Вента Коцере выступает на вечере памяти Екатерины Гениевой, проходившем в Риге 15 марта 2016 г. в ЛНБ. Фото: Василий Минченко

Председатель Международного благотворительного общества им. Александра Меня (Рига) Наталья Большакова-Минченко выступает на вечере памяти Екатерины Гениевой, проходившем в Риге 15 марта 2016 г. в ЛНБ. Фото: Василий Минченко

Наталия Большакова-Минченко

В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ

(Из воспоминаний о Екатерине Гениевой)

Для Екатерины Гениевой самым главным было служение культуре, – в том высоком смысле этого слова (от латинского cultura), как возделывание; воспитание; развитие; почитание; диалог. Культура проявляет себя в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, друг к другу и к самим себе. И поэтому общество, в котором нет уважения к человеческой личности, – бескультурно, независимо оттого, на какой ступени цивилизации оно находится. Кроме того, Катя, будучи и идеалистом и прагматиком, осознавала культуру как основной ресурс, дающий надежду на возрождение страны, общества, и для нее всегда, при любой власти, во времена кризисов «культура оставалась площадкой, где можно было о чем-то договориться». И, в частности, русская культура всегда была открытой, осознающей себя как одну из граней общеевропейской христианской культуры. И Библиотека иностранной литературы имени Рудомино стала под ее руководством настоящим центром культуры, просвещения и диалога. Но она не раз говорила, что эта идея – библиотека как культурный центр – была предложена ее духовником, отцом Александром Менем в конце 80-х годов XX столетия. Он видел именно эту библиотеку как место пересечения разных сфер и направлений: искусства и литературы, науки и техники, истории и современности. И как место встречи культурных, религиозных традиций разных народов.

Отец Александр видел в Кате тот потенциал, который поможет ей возглавить библиотеку и сделать ее таким мостом между различными языками, национальностями, конфессиями, потому что отец Александр сам был человеком диалога и понимал, что без открытости, «обмена дарами» невозможно преодолеть разделения, ненависть, ксенофобию, что будущее человечества – только в диалоге, в просвещении и сотрудничестве. Он уговорил академика Вячеслава Всеволодовича Иванова стать генеральным директором Библиотеки имени Рудомينو, временно, с тем, что вскоре Катя (которая при Иванове стала заместителем директора) будет генеральным директором, что произошло уже после убийства отца Александра. Катя приняла это, и, как мы знаем, блестяще осуществила эти идеи.

В это же время, в конце 80-х годов отец Александр и познакомил меня с Катей. И с тех пор, более 25 лет, мы были связаны и духовным отцом, и дружбой, а после его гибели – и сотрудничеством, – поскольку мы в Риге, в декабре 1990 года создали общественную организацию – Благотворительный фонд имени Александра Меня, чтобы иметь возможность проводить публичные встречи, конференции по его наследию, издавать его труды и журнал, задуманный вместе с ним. И я возглавила Фонд. Катя очень поддерживала нашу деятельность, у нас были многие годы (по ее инициативе) официальный договор о сотрудничестве с Библиотекой иностранной литературы, в рамках которого мы много чего делали вместе. Катя приглашала нас участвовать во всех конференциях по наследию А. Меня и в экуменических и общественных дискуссиях, проводимых и в Москве и в других городах России и в Западной Европе. Присылала своих сотрудников в Ригу для участия в проводимых нашим Фондом конференциях.

Все годы существования альманаха «Христианос» (с 1991) Катя всегда была его верным читателем, во время наших встреч не забывала высказать свои комментарии по прочитанным материалам последнего выпуска. Позиция редакции, темы, над которыми мы работали, качество текстов и переводов, свобода и отсутствие какой бы то ни было «партийности» в статьях «Христианоса» неизменно ее радовали и, порой, даже удивляли. И в этом тоже она видела верность нашему духовному отцу – протоиерею Александру Меню. Мы с ней были из одного гнезда, обе родились там, «откуда берутся духовные дети – в Брюссельской капусте» (новодеревенская шутка 1980-х годов). Эта общность духовной биографии создавала особую интонацию, что ли, между нами, особенную простоту в отношениях, мы общались «по-родственному». И то, что мы могли не совпадать в каких-то оценках, взглядах и т. д. – ничего не меняло, не отражалось на нашей «родственности». И с течением времени наши отношения обретали все большую глубину, во всяком случае, я это так ощущала, хотя виделись мы нечасто, но когда встречались лицом к лицу, или в телефонном разговоре, то так просто, естественно, как будто и не расставались.

...Вспоминаю, как раздается телефонный звонок и милый бодрый голос говорит: «Знаешь, мы едем к вам, будет встреча в Национальной библиотеке, и тебе обязательно надо познакомиться с...». Или: «Натусик, ты должна выступить на антифашистском Форуме, который состоится в Москве...» – «Я?..» – «Да, я просмотрела твои статьи, темы выступлений на конференциях у нас... Именно ты выступишь от Латвии, я уже отправила твои данные в Латвийское отделение Фонда Сороса,

*Презентация XX-го выпуска альманаха «Христианос»
в Овальном зале БИЛ. 05.12.2011 г. Выступает
Екатерина Гениева. Фото: Владимир Спектор*

пойди к ним и оформи командировку... Через неделю пришли мне, пожалуйста, тему твоего доклада минут на тридцать... Целую...»

...Думали мы, что Катя появится в альманахе и в качестве автора, когда будет затронута «ее тема». Высоко оценивая «Христианос», Катя считала необходимым распространять его по областным библиотекам России, чтобы сделать его доступным для российского читателя в провинции, что и делалось благодаря программе «Большое чтение».

Но то, что мне придется писать о Кате по ее кончине и публиковать в альманахе воспоминания о ней в рубрике «Памяти Екатерины Гениевой», – этого я просто не могла себе представить... Мне это странно и горько! Но не делать этого я не могу.

Открывая презентацию XX-го «Христианоса» в Овальном зале Библиотеки 5-го декабря 2011 года, Катя

сказала: *«Дорогие отцы! Дорогие друзья! Дорогие Наташа и Вася!»*

Вы знаете, это вообще чудо, конечно, что вот это прекрасное издание – альманах «Христианос» существует, и так успешно существует 20 лет!

Вообще, даже поверить в это невозможно, потому что за это время многие из созданных журналов, альманахов, закрылись, а вот здесь за 20 лет такой напряженной работы, требующей полной отдачи, альманах этот, можно сказать, все больше набирает силу, и сегодня его даже не с чем сравнить!

Мы с Наташей вспоминали, каков же юбилей издательства и самого Фонда им. Александра Меня в Риге. И, оказывается, что уже 21 год... Нет нужды и говорить, насколько важны вот эти числа: 20 лет, 21 год в нашей жизни, в нашей общей жизни...

И то, что вы выбрали Овальный зал для того, чтобы праздновать свой День рождения, я в этом усматриваю естественную закономерность, потому что где же еще в Москве представлять «Христианос», как не в Овальном зале, который освящен присутствием, бытованием, мыслями, выступлениями таких выдающихся людей, как отец Александр Мень, отец Георгий Чистяков (имевших самое прямое отношение к альманаху), да и многих, с кем это замечательное издание нас соединяет, и кого «Христианос» привел сегодня сюда, как Наташа сказала, в этот зимний московский, не очень веселый вечер.

Наташенька и Вася! Я вас от души поздравляю. На самом деле вы сами по себе являетесь чудом, потому что, судя по всему, в редакции находятся два человека, ну, не считая авторов, конечно, которые привлекаются, но чтобы делать из года в год такое издание и,

порой, – вопреки всему – требуется немало упрямства и веры в то, что ты делаешь необходимую вещь и в то, что с Божией помощью это будет продолжаться.

Поэтому поздравляю вас, потому что, как Наташа определила, 21 год – это возраст возмужания и совершеннолетия, и я, конечно, поздравляю всех нас, что мы можем иметь такое ценное издание в руках, и все то, что здесь представлено – и альманахи, и книги (показывает на экспозицию наших изданий), я, иначе, как чудом Божиим, назвать не могу.

Поэтому, дай вам Бог здоровья, сил, уверенности, Божией помощи, и, если будете отмечать 25-летие, 30-летие, то, конечно двери этого зала всегда для вас открыты.

Поздравляю и надеюсь, что наши встречи будут продолжаться столько, сколько Господу будет угодно.

Поздравляю вас, дорогие!».

И вот – 25-летие...

И в XXV выпуске альманаха – рубрика памяти Кати с воспоминаниями ее друзей и коллег...

Ибо пространство памяти – это тоже измерение культуры.

* * *

Не могу хотя бы не упомянуть и о том, как в 2000-ом году, к 10-летию кончины отца Александра, когда Михаилу Горбачёву была присуждена международная премия имени Александра Меня «За сближение между народами и преодоление национальной розни», вручение которой происходило в Германии, в Духовной академии г. Штутгарта, при участии членов правительства

Конференция «Покаяние, прощение, примирение, ответственность». Слева направо: Н. Большакова, Е. Гениева, о. Георгий Чистяков, Андрис Вилкс

Конференция «Покаяние, прощение, примирение, ответственность». Слева направо: о. Георгий Чистяков, архиепископ Тадеуш Кондрусевич, Е. Гениева

*Во время перерыва на конференции. Слева направо:
Л. Улицкая, Н. Большакова, Е. Гениева*

*Конференция «Покаяние, прощение, примирение,
ответственность». Слева направо: о. Александр Борисов,
Л. Улицкая, Е. Гениева*

и бывших канцлеров Германии, дипломатов, интеллектуальной элиты, духовенства, – Катя пригласила и меня присоединиться к их делегации из России. Это было потрясающее, незабываемое событие, думаю, – уникальное по своей сути. Но оно требует отдельного разговора.

Хочется вспомнить 2-х дневную международную конференцию (Рига, 2004 г.) памяти Александра Меня на тему «Покаяние, прощение, примирение, ответственность», подготовленную и проведенную нашей организацией совместно с Библиотекой иностранной литературы и с Латвийской национальной библиотекой, в которой принимали участие Екатерина Гениева; Андрис Вилкс – генеральный директор Национальной библиотеки; Карина Петерсоне – директор Фонда Национальной библиотеки; Артур Приедитис, культуролог – директор Центра мультикультурализма; бывший посол Германии в России Эрнст-Йорг фон Штудниц; Фальк Бомсдорф из Фонда Фридриха Наумана; профессор Ив Аман из Парижа; Улдис Тиронс – главный редактор журнала «Ригас лайкс»; священник Георгий Чистяков – директор Центра религиозной литературы ВГБИЛ; протоиерей Александр Борисов, настоятель храма свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине, президент Российского Библейского общества; архиепископ Тадеуш Кондрусевич, возглавляющий архиепархию Божией Матери Римско-Католической Церкви в Москве; писательница Людмила Улицкая; Александр Кобак – исполнительный директор международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачёва и другие участники из Москвы, Петербурга, Иерусалима, Таллина, Риги.

Еще одно немаловажное событие, в котором Екатерина Юрьевна пригласила меня участвовать и выступить,

*Презентация 4-х томника «Латыши и Латвия»
(на латышском языке) в Овальном зале БИЛ. Слева
направо: директор Библиотеки г-жа Екатерина Гениева,
кинорежиссер г-н Янис Стрейч, посол Латвийской
Республики в Российской Федерации г-жа Астра Курме.
Фото: Василий Минченко*

связано с изданием исторического четырехтомника «Латыши и Латвия» (на латышском языке), презентация которого проходила в Овальном зале БИЛ 16 апреля 2014 г. Четырехтомник привезла в Москву представительная делегация из Латвии, возглавляемая вице-президентом Академии наук Латвии Талавсом Юндзисом; вел презентацию почетный член Академии наук, кинорежиссер Янис Стрейч; в презентации также участвовала чрезвычайный и полномочный посол Латвии в России госпожа Астра Курме.

Это было наше последнее совместное мероприятие, хотя намечено у нас было на 2014 год так много всего!

За неделю до этого Катя сказала мне о своем угрожающем диагнозе рака 4-ой степени, с метастазами, о чем она буквально только что узнала сама. А в середине января 2014 г. Катя приезжала в Ригу, в свой любимый отель «Gutenbergs», соединяющий в своем интерьере черты позднего Средневековья с комфортом XXI века, где, поднявшись на лифте в кафе на открытую террасу, можно оказаться прямо напротив башни Домского собора, и над черепичными крышами Старой Риги, а спустившись в подвальный этаж, попасть в атмосферу дорогого ресторана с бесшумно передвигающимися официантками в средневековых нарядах. Зимой Катя любила здесь выпить «Горячий бальзам» – напиток, состоящий из горячего сока черной смородины и 50 г черного рижского бальзама – очень ароматный, вкусный, согревающий.

Встретившись в «Gutenbergs», мы, расположившись за овальным столом, приступили к обсуждению планов, к построению проектов. Мы запланировали нашу совместную работу не только на весь 2014 год, но многое и на 2015 г., так как это был год 80-летия со дня рождения о. Александра Меня и 25-летия его мученической кончины. За все годы нашего сотрудничества с «Иностранкой» Катя никогда не включала нас с такой интенсивностью в «орбиту» своих планов, как на эти два года. Считая, что о нашем служении слишком мало знают в России, Катя назначила на сентябрь 2014 г. масштабное представление нашего Фонда в БИЛ – со всеми изданиями, видеорядом; также вечер в посольстве Латвии в Москве; к тому же я должна была подготовить программу для проведения «Одного дня с отцом Александром» в Центральной детской библиотеке в Москве – для детей, подростков и родителей; кроме всего этого – планировались совместные издания и в Риге и в Москве; конференции и поездки.

Было радостно от перспективы захватывающе интересной общей работы!

Но этим нашим планам не суждено было сбыться (хотя Катя, мужественно борясь с напавшей на нее смертельной болезнью, много работала, продолжала ездить, и Библиотека существовала в своем обычном рабочем ритме), кроме одного, – очень значимого для нас. Я имею ввиду издание сборника «На пороге бессмертия. Последние встречи с отцом Александром Менем. Свидетельства». Авторами идеи этой книги являются Е. Ю. Гениева и ее муж Ю. С. Беленький, и мы все участвуем в ней в качестве авторов.

В последний наш разговор с Катей по телефону, в мае 2015 г., она говорила, как ей понравился мой текст, написанный для этого сборника, благодарила за него. Мне это очень дорого. И поразительно, что в последние месяцы своей жизни она думала и говорила об этом, ей было это важно!

Книга вышла в свет в издательстве БИЛ «Центр книги им. М. И. Рудомино» в первых числах сентября 2015 г., как и планировалось, но Кати с нами уже не было. Но я совершенно точно знаю, что она радуется, что задуманное дело сделано, вовремя и хорошо. Книга «На пороге бессмертия...» открывается предисловием Кати (написанным за восемь месяцев до ее ухода) – очень сильным, некоторые строки воспринимаешь как ее исповедание веры, Пасхальной веры, я никогда не слышала, чтобы Катя так говорила.

В конце она пишет: «Он принадлежит к той редкой породе людей, которых можно определить как люди-мосты. И доказательством того, что они существуют, становится тот факт, что мы, такие разные, продолжаем общаться, понимать и любить друг друга через него». Сама Катя тоже из этой редкой породы, что и отец Александр.

*Участники вечера памяти Екатерины Гениевой,
проходившего в Риге 15 марта 2016 г. в ЛНБ.*

Фото: Роберт Свиженец

И потому мы собрались в Риге 15 марта 2016 года, в Национальной библиотеке Латвии, чтобы вместе вспоминая ее, быть ближе друг к другу. Это была и очень важная деловая встреча, так как в тот день два генеральных директора – самой крупной Латвийской национальной библиотеки и одной из крупнейших библиотек России – БИЛ подписали договор о сотрудничестве, и это был и вечер воспоминаний, согретый любовью к Кате всех присутствующих, среди ее фотографий, ее книг и любимых ею цветов – синих ирисов, и не хотелось нам расходиться, продолжали делиться воспоминаниями за трапезой и всем нам было хорошо вместе, москвичам и рижанам, латышам и русским.

А 1-го апреля 2016 г. в день своего 70-летия Катя опять собрала нас. По приглашению БИЛ и мужа Кати Юрия

Введенское кладбище.

На могиле Е. Гениевой

01.04.2016.

Фото: Василий Минченко

Беленького, мы с мужем поехали в Москву, чтобы день ее рождения провести вместе с родными и коллегами Кати, сотрудниками «Иностранки», многие из которых за эти годы стали нашими друзьями. День этот начался с молитвы, с панихиды на могиле Кати. Ее похоронили на Введенском (Немецком) кладбище, в месте захоронения ее дедушки, бабушки и мамы. На этой же аллее находится могила доктора Фёдора Петровича Гааза. Это ста-

рое (с 1771 года) кладбище, со своей историей.

А на 17-30 было назначено открытие памятника Кате во внутреннем дворе Библитеки, который Катя называла «Атриум», и где по ее инициативе образовался своеобразный «пантеон» памятников и скульптурных портретов многих святых и рыцарей культуры.

Честно сказать, я боялась увидеть памятник ей... Но реальность оказалась лучше, чем я думала. Катин памятник хорош тем, что, стоя на ступеньках, слева перед центральным входом в «Иностранку», Катя жестом радушной хозяйки словно приглашает нас войти в этот Дом, которому она подвижническим каждодневным трудом в течение 40 лет придала тот облик, то новое качество, которое преобразило все библиотечное дело.

*Памятник Е. Ю. Гениевой перед центральным входом
в БИЛ. 01.04.2016. Фото: Василий Минченко*

Выступающие на открытии памятника; в первом ряду слева направо: Ю. С. Бельский – супруг Е. Ю. Гениевой; М. Е. Швыдкой – специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству; В. Р. Мединский – министр культуры РФ; В. В. Дуда – генеральный директор БИЛ им. М. И. Рудомино.

Фото: Василий Минченко

День был очень холодный, совсем зимний, но людей собралось на открытии памятника много, в том числе, цвет культурной элиты Москвы и большое количество иностранных гостей.

И на вечере памяти в большом зале «Иностранки» негде было сесть, зал был переполнен. Вечер был прекрасно подготовлен и оформлен с большим вкусом – во всем чувствовалась любовь – это было приношением всех сотрудников Библиотеки своему директору ко Дню рождения. Вел вечер режиссер Гарри Бардин, друг Кати. Выступления были самые разнообразные, было много искренности, сердечности, благодарности и любви.

На открытии памятника Е. Ю. Гениевой. 01.04.2016.
 Фото: Василий Минченко

Награды Е. Ю. Гениевой.
 Фото: Василий Минченко

Настроение вечера было таким трепетным, праздничным и светлым, наполненным чувством единения. В соседнем Мраморном зале собравшиеся могли увидеть изящно оформленную выставку фотографий, инсталляций, портретов, а также – российские и зарубежные награды Екатерины Гениевой.

Каждого гостя одарили книгой «Феномен Катя», изданной к этому дню.

Пишу, и не верится самой, что уже год прошел... Отчетливо помню, как утром 10 июля 2015 г., это была пятница, раздался телефонный звонок из Тель-Авива, и Юра Беленький сказал мне, что вчера вечером, в клинике, скончалась Катя.

Как без веры воспринимать, переносить разлуку с родными, уход дорогих и необходимых людей – не знаю, представить себе не могу... Не сомневаюсь, что Катя ушла туда, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания... но Жизнь бесконечная, бытие Любви, и что ей там так хорошо, как нам на земле не бывает.

И то, что это Событие, ее смерть, а для нас, христиан – рождение в вечность, произошло на Святой Земле Израиля, и то, что Катя в последние часы жизни осознанно соединилась с Христом («Иисусе, Сыне Божий, приди и соедини меня с Тобою навек» – из молитвы перед причастием) на Его земле, – Фаворским светом освящает весь путь ее жизни, делая его невероятно цельным. И является для нас таинственным свидетельством милосердия Бога к человеку.

«У Бога нет мертвых, у Бога все живы!» – любил повторять наш пастырь, словно делясь с нами своей верой, желая наполнить нас своим упованием.

*Латвия, Рига
Июль, 2016 г.*

Андрис Вилкс

*Директор Латвийской национальной библиотеки. Член
международного Попечительского совета ВГБИЛ.*

ЕЁ ЛИЧНОСТЬ ЛОМАЛА СТЕРЕОТИПЫ¹

9 июля 2015 года 22:45. «10 минут как не стало Кати. Люда». Скорбная весть всегда горька – ушла из жизни Екатерина Юрьевна Гениева, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы, кавалер Креста Признания Латвийской Республики. Через несколько минут скорбная весть уже идет бегущей строкой на телеканале «Дождь».

Я был знаком с Екатериной Юрьевной 25 лет. Мы познакомились во время конгресса библиотекарей в Стокгольме. Наша дружба была закреплена, когда следующий конгресс состоялся в Москве во время путча. Тогда мы поняли, что находимся на одной стороне баррикад. Затем мы встретились в Совете библиотечной программы Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), который поддерживал развитие библиотек в Восточной Европе.

Екатерина Юрьевна была человеком мира. Будучи глубоко культурным человеком и патриотом России, истинным православным, она была исключительно открыта всем нациям и толерантна по отношению к любой религии. Она строила мосты между славянскими народами, бывшими советскими народами, а также между

¹ Выступление на вечере памяти Е. Гениевой в ЛНБ (Рига, 15 марта 2016 г.).

англо-американскими, франкоязычными, южноевропейскими и ближневосточными культурами и странами. Исходя из своего происхождения, с некоторыми землями у нее были особенные отношения. Одна из них – Латвия. Очень хочется надеяться, что Латвия занимала особенное место в жизни Кати не только благодаря обычному жизненному контексту (вдовец Юрий Самуилович Беленький имеет тесные связи с Ригой). Несмотря на чрезмерную нагрузку и бессчетные перелеты по России и миру, она практически каждый год находила возможность приехать в Ригу.

Вначале неформально, затем посредством двустороннего договора началось сотрудничество Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) и Латвийской национальной библиотеки (ЛНБ). Были организованы классические профессиональные мероприятия – выставки, конференции и т.д., но благодаря размаху Екатерины Юрьевны, вскоре они перешли границу традиционных форм и содержания. Красной нитью и главной задачей этих мероприятий всегда был честный и равный диалог. Это не был разговор старшего брата или сестры с младшим ребенком.

Каждый раз, когда мы встречались, у Кати были нескончаемые идеи – конференции, выставки, публикации и т.д. Невозможно перечислить все совместные мероприятия. Идей всегда было больше, чем возможностей их воплощения. Это была Катина тактика – сделать много и на высоком уровне. Прделанная работа являет собой событие блестящего интеллектуального, гражданского и творческого характера. Конференция и дискуссии в Риге, посвященные отцу Александру Меню. Круглый стол, посвященный книге «Соловки» и

*Генеральный директор Латвийской национальной
библиотеки Андрис Вилкс выступает на вечере памяти
Екатерины Гениевой, проходившем в Риге
15 марта 2016 г. в ЛНБ.
Фото: Василий Минченко*

другие беседы в связи с подаренной ЛНБ энциклопедией о ГУЛАГе и многие другие. Наши московские коллеги всегда помогали ориентироваться в море книг и периодических изданий, а также преподносили книги в дар. Благодаря Екатерине Юрьевне и ее Библиотеке ЛНБ получила в дар не сотни, а тысячи новых книг. Также было опубликовано мультимедийное издание поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

В Москве в ВГБИЛ проходили круглые столы с участием исследователей, политиков и деятелей культуры обеих стран. Там же были организованы презентации книг об истории Латвии и книги бывшего президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги. Обе библиотеки пытались содействовать разрешению болезненного вопроса о реституции культурных ценностей. Последнее совместное мероприятие – фрагменты спектакля Латвийского Национального театра «Сны Райниса» (режиссер Кирилл Серебренников). В мероприятии принял участие директор театра Ояр Рубенис (Райнис тоже когда-то был директором этого театра) и русский писатель Роальд Добровенский². Не менее важно, что многие сотрудники обеих библиотек стали крепкими партнерами и даже хорошими друзьями.

В то же самое время, Екатерина Юрьевна всячески способствовала тесному контакту между библиотечными специалистами разных отраслей: комплектования, информационных систем, реституции, детского обслуживания, непрерывного образования работников и др.

² Роальд Григорьевич Добровенский – русский прозаик, латвийский журналист. Переводчик с бурятского, якутского, монгольского, чукотского, латышского языков. Член Союза писателей России и Латвии. Почётный член Латвийской академии наук (2002).

Со времен Яниса Петерса³ и Иманта Даудиша⁴, ныне покойного, посольство Латвийской Республики в Российской Федерации получало поддержку в лице ВГБИЛ. Екатерина Юрьевна могла мгновенно создать прекрасные отношения с очередным послом Латвии в России.

В 2000 году Екатерина Юрьевна стала членом международной комиссии экспертов, созданной при содействии ЮНЕСКО для воплощения проекта нового здания ЛНБ. В 2001 году, будучи членом другой комиссии ЮНЕСКО, Екатерина Юрьевна Гениева была одним из главных защитников номинации латвийского «Шкафа Дайн» Кришьяниса Баронса⁵.

Будучи на посту международного эксперта, Екатерина Юрьевна значительно повлияла на продвижение проекта ЛНБ. Это не была архитектура, фонды, предоставление электронных ресурсов или услуг, по крайней мере не в прямом виде. Это было глобальное видение о новой роли библиотеки в образовании, науке и культуре. Это выражалось как социально активное, даже проактивное сотрудничество с многочисленными партнерами – представителями разных отраслей деятельности. Она видела место, где встречается текст, автор и читатель и происходит диалог. Сама о том не подозревая, Екатерина Юрьевна стала соавтором идеи, которая воплощена в рижской библиотеке. Мы очень признательны, что Екатерина Юрьевна смогла принять

³ Янис Петерс – латышский поэт, публицист, латвийский дипломат и общественный деятель. Первый посол независимой Латвии в новой России.

⁴ Имантс Даудиш был послом Латвии в России после Я. Петерса.

⁵ Кришьянис Баронс (1835–1923) – латышский писатель, фольклорист и общественный деятель, собиратель дайн – латышских народных песен.

участие в символическом моменте – «Цепочке друзей книг» 18 января 2014 года, когда при температуре –14 градусов по Цельсию 14 тысяч человек дружно передавали книги от старого здания библиотеки в новое.

Думая о Кате, я поймал себя на мысли, что размах ее личности выходит за рамки традиционных библиотек, но не заменяя их чем-либо посторонним, а привнося новые дискурсы – толерантность, демократию, истинную дружбу и мирное сосуществование разных стран, наций и религий. В моем представлении Екатерина Юрьевна ассоциируется с определениями «мужественная» и «женственная». Ее личность ломает стереотипы, когда и где эти слова необходимо применять. Катя была очень мужественная, но вместе с тем оставалась удивительно женственной.

14 июля 2015 г., когда нам пришлось прощаться с Екатериной Юрьевной, свои искренние соболезнования принес не только действующий посол Латвии в России Астра Курме, но и три других посла, которые раньше работали в Москве – Андрис Тейкманис (Лондон), Элита Гравале (Тбилиси) и Эдгарс Скуя (Вена), а также Фонд поддержки Латвийской национальной библиотеки и Национальная комиссия Латвии по делам ЮНЕСКО. Это верное доказательство того, что Екатерину Юрьевну в Латвии любили и ценили. Ее уход – моя личная утрата, а также большая потеря для ЛНБ и нашей страны.

Несмотря на это, нам необходимо продолжать сотрудничество с ВГБИЛ. Возможно, что нам удастся во внутреннем дворике ВГБИЛ открыть памятник Райнису, 150-летие которого отмечали в 2015 году. Скорее всего обе библиотеки в продолжение сотрудничества будут находить и воплощать все новые и новые идеи.

Вадим Дуда

Генеральный директор Библиотеки иностранной литературы (Москва).

**ЕКАТЕРИНА ГЕНИЕВА:
TO BE CONTINUED¹**

Ничто не может сравниться с торжественным убранством хорошей библиотеки. Открытые и застекленные полки, где в почти маниакальном порядке расположены десятки тысяч книг – и совсем новенькие, только что полученные из типографии, и прожившие долгую жизнь. В отличие от всех остальных мест большого города, тонущих в грохоте и суете, именно здесь, посреди спокойствия и мудрости фолиантов, могут произойти судьбоносные встречи твоей жизни. И встречи с книгами, которые могут изменить привычное русло повседневных дел, и встречи с людьми, которые оставляют неизгладимый след в твоей жизни. Встречи, которые открывают тебе иные горизонты. Придают новый смысл давно привычным вещам и понятиям. Позволяют взглянуть на многое под иным углом – и нагромождение сложных дел и трудных задач превращается в понятную картинку, с четкими закономерностями и предсказуемыми алгоритмами решений, помогают найти ту самую тонику для разрешения зависшей доминанты. Такие люди далеки от всепрощения и жалости ко всему сущему – они требовательны и задают

¹ Продолжение следует (англ.).

Выступление на вечере памяти Е. Гениевой в ЛНБ (Рига, 15 марта 2016 г.).

*Вадим Дуда – генеральный директор
Библиотеки иностранной литературы (Москва)
выступает на вечере памяти Екатерины Гениевой,
проходившем в Риге 15 марта 2016 г. в ЛНБ.*

Фото: Василий Минченко

крайне высокую жизненную планку. Impossible, but doable² – говорят они, сталкиваясь с новыми вызовами, заряжаясь энергией и энтузиазмом, загораясь от возможности сделать что-то новое, дерзкое и необычное, чтобы еще и еще раз убедиться (и убедить окружающих, неверующих), что сила духа и интеллекта, сила мысли и добрых намерений смогут сокрушить любые препятствия.

Такие люди становятся Учителями. Их не бывает много, не всегда их появление в жизни очевидно, и часто мы лишь по прошествии многих лет видим тот неоценимый вклад, который был привнесен в нашу жизнь. Настоящий Учитель не читает длинных нотаций, он скорее является камертоном, с которым мы можем сравнить настройку своей жизни, чтобы обрести гармонию и смысл – если у нас хватает таланта и опыта, чтобы такую настройку провести и поддерживать гармонию – и щедро делится своим опытом и светом, почувствовав попадание в тон.

Несомненно, что Екатерина Гениева для многих была настоящим Учителем. Да, конечно же и талантливым ученым, литературоведом, великим гуманитарным деятелем, так много сделавшим для развития библиотек нашей страны, для установления таких глубоких, дружеских и доверительных связей между дипломатами, деятелями культуры, писателями, простыми людьми разных стран. Она оставила щедрое научное и литературное наследство, но я уверен, что основное достояние – люди, которые подпали под ее влияние и харизму, были втянуты в орбиту высоких дел и проектов. Те, кто настроен на гармонию, на высокую планку, верящие в

² Невозможно, но выполнимо (англ.).

силу культуры и тяги к прекрасному у всех хороших людей на планете. Ее ученики, последователи, преемники.

Никто не работал так красиво, как она – как будто в полете или танце, всегда элегантная и собранная, настроенная на победу в любом деле. Ее стиль общения редко бывал нормально-вежливым, безличным. Она не часто была удовлетворена простым утвердительным ответом, ей нужны были доказательства, что «на другом конце» ее четко понимают и ее замыслы находятся в надежных руках. И мелочей здесь просто не существовало! И по сути, и по форме. Иногда даже жаль, что электронная почта так прочно вошла в нашу жизнь – хорошо могу представить себе ее конверты с запахом фиалок и сургучной печатью с монограммой... Из своих многочисленных поездок она всегда возвращалась с новыми представлениями о библиотеках, о жизни, обо всем на свете. И непременно – с полными силами, с живым желанием действовать и успеть использовать все лучшее и современное в «Иностранке», в других партнерских проектах.

«Так много проектов, так мало времени...» – сказала Екатерина Гениева в одном из своих интервью. Не совсем так. Камертон продолжает звучать, и все так же – сила добрых намерений в сердцах хороших людей сможет преодолеть все препятствия. И именно поэтому – to be continued...

ПРИНОШЕНИЕ «ХРИСТИАНОСУ»

Валентин Курбатов

Соль и крапива¹

Альманах «Христианос»: мужество веры

С вечера дул сильный ветер, и берёзы и сосны Михайловского метались под ним, как мачты или сорванные паруса. Их зелень, кармин и золото зрелой осени были замутнены и неприветливы. А ночью пошёл снег.

Я спал под мансардным окном, выходящим в небо, и, когда среди ночи включил настольную лампу, белые хлопья кинулись на свет, как в летние месяцы летят на огонь бабочки. Да они даже и не летели, а, кажется, рождались прямо из тьмы, ударялись о стекло с одушевлённым недоумением (ведь они только вылетели!), жадно припадали к стеклу, чтобы лучше разглядеть свет, и тотчас таяли. Хлопья были большие и маленькие, и жизнь их от этого была дольше или короче.

Сердце во мне улыбнулось грустной прямоте образа: ведь это мы! мы! Явиться из тьмы, удивиться на миг слепящему чуду жизни и исчезнуть. Да и не было тут никакой образности и усилия ума, а только урок. Как Господень взгляд, безмолвное прикосновение. Ум, конечно, тоже своего не упустил и тотчас добавил хвостик, что и всякий образ – это Господня улыбка навстречу твоему открытому сердцу, благодарность за напряжение души, восхищённой жизнью.

В другой-то час, может быть, и не увидел бы или подумал о другом, но тут передо мной подле лампы

¹ Опубликовано в журнале «Истина и жизнь». М., 2003, № 1.

высилась стопка альманаха «Христианос»² за одиннадцать лет существования этого напряжённого, беспокоящего издания, и мысль который день настойчиво кружилась вокруг его проблематики. Осмотреть сейчас этот большой путь просто невозможно. Да и ум для этого надобен повместительнее и повооружённое моего, чтобы уметь обнять высокое богословие, причины исторического расхождения Церквей (альманах внимательно слушает православную мысль, не минуя католиков и протестантов), тонкости религиозной поэтики и иконы и эсхатологические упования нашей противоречивой, взаимно неуступчивой и менее всего ищущей духовного объединения ойкумены.

Альманах обращен к читателю, ещё редкому в нашей Церкви, живущему более интенсивной и более церковной жизнью, чем живу я, но и моё сердце отзывается многому в нём с настоящей остротой, любовью, а то и страданием, и это даёт мне право на суждение.

Наш брат – интеллигент первого поколения («настьмы и тьмы...»), пришедший в Церковь не с рождением, а когда «было позволено», а то уж когда быть некрещёным делалось и неловко (как ещё недавно быть верующим среди боевого комсомола и партии), – объект для Церкви необыкновенно сложный. Как правило, это человек смущённый, закомплексованный и оттого требовательный, а то и капризный: всё ему хочется места поближе. Грешников легче спасти, чем книжников. Но и упростить книжника до бабушки – труд, во-первых, тяжёлый, а во-вторых, неблагодарный. И тут вернее всего взгляд С. С. Аверинцева: «В Церкви нет приви-

² Христианос. Альманах. Издатель – Международный Благотворительный Фонд имени Александра Меня. Рига. Латвия. Выпуски I–XI. 1991–2002.

легированных мест, а если есть, они принадлежат самым убогим. Интеллигент – не лучше никого другого, может быть, – хуже всех; но он наряду со всеми нуждается в спасении своей бессмертной души, а для того чтобы ему помочь, его необходимо понять именно в качестве интеллигента» («Христианос-IX», 2000 г. С. 18).

Драгоценность альманаха именно в том, что он, продолжая традицию благословившего, но не успевшего увидеть это издание отца Александра Меня, говорит именно и прежде всего с интеллигентом, который приносит в Церковь и своего Толстого с его напряжённым вопрошанием и отрицанием чудес, и своего Достоевского с его «возвращением билета», если спасутся не все. Мы ведь приходим в Церковь готовые и норовим сразу выпрямить ее по нашей мерке, а когда не выходит, оставляем так же дружно, как пришли в конце 80-х годов, сетуя на непонимание. «Очарование церковностью, что наступает после эпохи гонений, быстро отцветает, и Церкви так или иначе предстоит встретиться всерьёз как с новым вызовом секуляризма, не щадящим ни священных наших воспоминаний, ни священных умилений, так и с натиском как бы «харизматического», почти наркотического сектантства, обещающего рай немедленно, безо всякой там догматики» (отец Владимир Зелинский, «Христианос-VII», 1998 г. С. 172). Да уж и не предстоит, а встречается Церковь с этим двойным вызовом неоатеизма и сектантства, привезёнными духовными «челноками» и легко освоивших простодушный интеллектуальный рынок.

Но, слава Богу, после очередного отлива остаётся на прибрежных камнях несколько настоящих тяжёлых кристаллов, которые не уносятся волной случайности. Церковь находила исповедников в годы гонения.

Находит она их и в годы не менее опасного благополучия. Альманах благодарно вспоминает их живой опыт и крепит неуверенные души тех, кто стоит, кажется, твёрже других, но тоже часто изнемогает, сталкиваясь с механическим обрядом, с утратившим творческую силу бытом Церкви. Обряд – высшее достижение отточившей его до кристалла Церкви, но он же, может быть, и самое тяжкое искушение «чистому» интеллигенту, не умеющему увидеть евхаристической чаши за платочками наших ревнивых к Церкви старух, которые уж очень снижают высокую мысль горячего, ищущего небесной высоты многоумного верующего своим прямым «язычеством».

Отец Александр Мень умел в этих случаях найти самые верные, удерживающие порывистых интеллигентов слова: «Сейчас дуют сильные и холодные ветры (это он писал в 1975 году, до настоящего вхождения интеллигенции в Церковь, да только эти ветры не теплее и сейчас, а разве ленивее, что хуже и опаснее силы, – В. К.). Возможности выращивать много хрупких и прекрасных цветов почти нет. Весьма важно, чтобы хранились корни. А они – иррациональны, темны, народны, язычески грубы и чувственны. Однако всякая культура, в том числе и церковная, вырастает на этой почве... Корни всегда безобразны. Если бы остались одни цветы – они недолго бы выжили» («Христианос-ХІ», 2002 г. С. 30).

Но, помня о корнях, он думал и о плодах. Как думал о них напряжённо сосредоточенный отец Сергей Желудков в Пскове («Христианос-ІІ», 1993 г., «Христианос-ІІІ», 1994 г., «Христианос-ІV», 1995 г.), когда-то с благородным вызовом назвавший свою, до сего дня хранимую у меня, по-домашнему переплетённую книгу «Почему и я христианин?», самым именем утверж-

давшую лучшее, к чему и он рад примкнуть с любовью и радостью сотворчества. Все прекрасные люди – христиане. Вот и я – тоже. Тут была улыбка, но и урок свободы мысли и веры. Думали о плодах и авторы самиздатовского журнала «Выбор», из которых потом вырастали хорошие церковные публицисты и священники, как один из глубоких мыслителей, ясных богословов и деятельных авторов «Христианоса» отец Владимир Зелинский.

Искал плодов и работал на них в малом городке Альметьевске горячий, гневный, смущавший бежавшие от него издательства, прошедший лагерь, ссылки и поражения в правах Б. С. Бакулин («Христианос-VII», 1998 г.), в одиночку составивший шеститомный «Православный богословский словарь» и много других столь же объёмных книг. Он ничего из них не напечатал, потому что был резок и прям в оценке состояния богословия 70–80-х годов, как в свой час были резки со своим временем святители Василий Великий и Григорий Богослов, но его мысль плодоносила в самом воздухе русской мысли и Церкви, потому что она была полна слышанием Бога Живого даже в удушающем молчании и делала свою созидательную работу.

Сейчас, взглядываясь в эти имена на страницах «Христианоса», поневоле думаешь: пока ты жил, бегал, суетился в своей вечной советской озабоченности освоением новых земель, строительством непременно самых крупных ГЭС, промышленными и сельскохозяйственными совнархозами, неперспективными деревнями, пятилетками в четыре года, моральными кодексами и движением коммунистических бригад, по соседству с тобой в деятельной незримости твои сверстники или люди постарше тебя ни на минуту не теряли из виду неба.

Они слышали Бога с сыновней любовью и естественной, ни на минуту не обрывающейся наследованностью и сыновним же пониманием целостности и непрерывности церковной жизни.

Они были детьми времени не в сиюминутном смысле, а времени как вечности, как Господня дня, который взошёл с Воскресением и завершится только со Вторым Пришествием, детьми не земного, любящего себя и своё преходящего града, но Града Небесного, которому нет конца (если вспомнить «Два Града» блаженного Августина).

Они не боялись противоречий веры-доверия и веры-достоверности, зная глубиной сердца о прямом сестринском родстве этих вер. Авторы альманаха опытные и сильные: митрополит Антоний (Блум), архиепископ Иоанн (Шаховской), игумен Иннокентий (Павлов), архимандриты Зиновий (Теодор), Виктор (Мамонтов) и Иоанн (Крестьянкин), а с ними те, кого они воскрешают в воспоминаниях и размышлениях: старец Силуан и архимандрит Таврион (Батозский), схиархимандрит Косма и митрополит Вениамин (Федченков), и чем далее ты идёшь за ними, не отделяя их текстов, а словно приращивая их друг другом, тем увереннее светает твоё сердце и ты яснее чувствуешь молодую свободу и бесстрашную открытость миру настоящих христиан, не ведающих нашей благочестивой трусости и осмотрительности, уклоняющейся от творчества. Для них как будто не существует дуализма между знанием и верой, потому что они каждое мгновение слышат в себе присутствие Непостижимого, которое предшествует всякому знанию и содержит его в себе. Они берут в спутники бесед с интеллигенцией самых серьёзных «испытателей веры» С. Франка и Л. Шестова, М. Бубера и С. Вейль

и не уклоняются от последних вопросов равно Ветхого и Нового Заветов, помня о полноте Богосыновства и о драматизме исторического пути христианства до и после разделения целостного корневого мира на далеко разошедшиеся ветви иудаизма, православия, католичества и протестантизма.

И тут, наверное, надо сказать о главном достоинстве альманаха. С первого номера он помнит Павлово апостольское слово о том, что во Христе нет ни эллина, ни иудея, и не страшится идти по тревожной грани, за которой для иудеев соблазн, а для эллинов – безумие. Авторы альманаха – мужественные люди и настоящие христиане. Они знают, что путь, в который они вышли – путь напоминания о миновавшем единстве и упования на единство будущее, – сегодня, среди разбегающихся народов, идеологий и вер, оставлен всеми. На словах ещё нет-нет и прозвучит призыв к единству, но неспособность и равнодушие призыва скоро выдадут неискренность или просто неуверенность зовущего. Авторы отлично видят, что пора горячих надежд отца Сергия Булгакова, матери Марии (Скобцовой), К. С. Льюиса, Терезы из Лизье и многих, многих страдающих от разделения людей в России и Европе на очищение засорённых историей истоков Церкви прошла.

Всё вошло в вязкие берега, устраивающие все Церкви. Они знают это, глядят реальности в лицо, не уклоняясь, но не оставляют своей муравьиной работы. Об этом знает бенедиктинский иеромонах Габриэль Бунге, высокий практик «личной молитвы по преданию святых отцов», видя усталость и даже осмеянность экуменических усилий; но он знает также, что «небесный Иерусалим... всегда больше любого своего проявления – исторического, местного, временного», и потому всё не

оставляет речи о «единой Церкви, чьё вертикальное божественное измерение неизменно остаётся определяющим для её горизонтально-человеческого измерения» («Христианос-Х», 2001 г. С. 164). Не забывают об этом священники Георгий Чистяков и Владимир Лапшин и знающие догматическую тонкость границ Церкви и потому взвешенно ответственные в анализе сложных проблем богослужебного языка и обряда Илья Басин и Андрей Десницкий. Постоянно помнит и отец Владимир Зелинский, много сделавший для общего дела переводами книг итальянских и французских католических богословов, православным священническим служением в Брешии и точными, выверенными выступлениями на екуменических конференциях. Одна из глав его большой работы «Болезнь не к смерти» и называется «Умирание екуменизма»: «Он валится наземь от православных анафем, ибо они приговаривают его к небытию, как лазутчика, пробирающегося за церковную ограду из чужого враждебного лагеря. Он угасает и на Западе или, скорее, погружается в летаргический сон с мирными и приятными сновидениями, ибо, несмотря на всё возрастающую активность, вдруг оказывается, что больше ему уже нечего делать... Он кажется уже архаичным в книжных магазинах, заполненных трактатами на тему духовности православной, католической, буддистской, экзотической и всякой другой, какой вам будет угодно...» И вот тут и вырывается у отца Владимира главное, разом всё освещающее слово: «Он оказывается лишним, *когда исцеляется от боли разделения*, когда сводится к простой терпимости (а затем и безразличию), к гарантии прав человека (избирать бога себе по вкусу), *когда лишается своей соли* и больше не вспоминает о былой своей солёности» («Христианос-VIII», 1999 г. С. 276).

«Когда исцеляется от боли...»

Подлинно – сколько книг! И каких! Сколько прекрасных статей, высоких встреч, умнейших конференций! А христианство всё замкнутее, ветви всё дальше и словно уж и не одного корня. Кто-то ещё по привычке говорит о «Церквах-сестрах», но о сестрах уж едва ли и троюродных.

То-то и беда, что чем убедительнее, ярче слова, тем меньше в них боли разделения. Как в литературе, политике, так, увы, и в Церкви. Слово всё скорее выветривается и становится опустелым звуком. Вроде и мысль прекрасна, и одета она безупречно, а сердце не повергается на колени и не забывается в отчаянной молитве, в острой тоске сиротства. И это повсюду, повсюду! На яснополянских писательских встречах этого года, не сговариваясь, об этом думали писатели разных поколений и разной крови О. Павлов, А. Ким, А. Нурпеисов. Будто слова перестали слушаться их и они с болью догадались, что время от времени слово ищет не звука, а жертвы, прямого дела, молчаливого креста, немого слушания.

Вот и тут, кажется, довольно было прочитать замечательного англичанина К. С. Льюиса, умеющего властью собравшейся во Христе души воцерковить каждое побуждение мысли (на полях его работ Николай Эппле так и называет главу за главой: «воцерковление филологии», «воцерковление мифологии», «воцерковление платонизма»; «Христианос-ХІ», 2002 г.), или вслушаться в великое, полное горечи слово Католикоса всех армян Гарегина І, чтобы если не забыть разделение, то до острой боли устыдиться его. Но приходит пора очередного номера, и надо начинать всё сначала. И раз от разу ты уже внимательнее читаешь не собственно теоретические

статьи, а жития и биографии, дневники и свидетельства тех, кто ни на минуту не исцелялся от боли разделения, кто не забывал, что христианство живо, пока оно солоно, как человеческие слёзы, кто слышал глубокую простоту главного: «Чтобы внести нашу особую христианскую лепту в повышение качества жизни в нашем современном мире, так сильно искушаемом материальными ценностями и чрезмерным и сугубым потребительством, мы должны сделать нашу «солёность» достаточно солёной, потому что, как Господь наш напоминает нам: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на погребение людям» (Мф 5:13)». (Гарегин I. «Христианос-VI», 1997 г. С. 224).

«Мы должны быть чем-то вроде крапивы, которая обжигает. Подошёл вплотную к христианину – на тебе должен остаться какой-то отпечаток» (архиепископ Сергей Евкарпийский. «Христианос-VIII», 1999 г. С. 231).

«Делай, что должно, и будь в том, что делаешь» (Хо-семария Эскрива. «Христианос-XI», 2002. С. 250).

Или, как замечательно сказалось матерью Терезой, когда после вручения ей Нобелевской премии на вопрос журналиста о том, что неладно в Церкви, она ответила: «Вы и я».

Жития и свидетельства есть в каждом номере, и чтение их прекрасно и странно. Паутина времени рвётся, воздух редееет, и оказывается, что времена мученичества и подвига никогда не проходят. Всегда где-то для христианина – ночь и время гефсиманской молитвы. Здесь это материалы допросов и завещание Патриарха Тихона («Христианос-IV», 1995 г.), письма и дневники отца Дмитрия Клепинина и матери Марии (Скобцовой) из немецких лагерей («Христианос-VIII», 1999 г.), это

дневники и письма из тех же немецких лагерей великого пастора, трезвого свидетеля обезбоженного мира и мужественного утешителя Дитриха Бонхёффера («Христианос-IX», 2000 г.). Они из ада находят слова света, потому что близость креста и страшная тяжесть жизни приближают к ним Голгофу и Распятого до настоящего усыновления и преображения. Так же когда-то потрясла меня безымянная книга «Отчизна неизвестная», напечатанная в журнале «Москва». Человек писал её в сталинских лагерях, и она через все страдания и смерть светилась любовью, словно он, как и все они, сидели в других лагерях, чем Солженицын, Жигулин, Шаламов. Они за заботами невыносимого быта даже не всегда и говорят о Христе, но свет Его светит в них так очевидно, что надо только *прийти и увидеть*, ибо свет этот выше самого умудрённого богословия. Как икона – богословие в красках, так мученичество – икона и богословие христианина в час безумия мира.

И как не вспомнить не такую уж далёкую от нас по времени гибель в мусульманских странах сознательно шедших туда для свидетельства Господнего единства в человечестве брата Шарля де Фуко или брата Кристиана де Шерже, успевших оставить прощающее и призывающее слово и потому находящих последователей в лице Малых братьев и Малых сестёр Иисуса Христа, чьи принципы бесстрашия так замечательно изложены сестрой Магдаленой в её послании «сестрицам»: «Не бойся... Не все поймут тебя... Твоя среда, народ и раса обвинят тебя в том, что ты бросила и предала их. А тем, кого ты выбрала так искренне и с такой любовью, трудно будет поверить в твою искренность и любовь» («Христианос-VII», 1998 г. С. 89).

А много ли легче бескровный путь брата Роже из общины Тэзе, чья жизнь, начатая в пустыне и нищете, отдана единству и больше не оставляет основателю общины ни минуты покоя? Или отца Ламбера Бодуэна, вышедшего в путь единства так рано, что Католическая Церковь предпочла изгнать его из созданного им монастыря, чтобы понять глубину его призыва лишь десятилетия спустя? Или отца Жака Лёва, разделившего с докерами Марселя всю их жизнь и труд, чтобы слышать их сердце изнутри?

Христианство – это всегда вверх по течению, к истокам, к одиночеству и Голгофе, которые – единственное условие победы и света. И сам уже одиннадцатилетний «Христианос», за что благодарность и поклон неизменному редактору Наталии Большаковой, – это то же неутомимое служение и свидетельство, подвиг мужества и терпения, потому что и наша, и Католическая Церкви, обременённые заботами повседневного служения, пока предпочитают менее вопросительные пути.

Отец Владимир Зелинский, заканчивая уже цитированные мной размышления об экуменизме, предлагал избегать этого износившегося и потерявшего значение и первоначальный смысл понятия, чтобы возвратиться к более глубокому и верному, не оставляющему гуманистических лазеек единству «в общении Святого Духа» («Христианос-VIII», 1999 г. С. 283). И напоминал об «образе раба», принятом Христом для понимания человека. «Этот образ раба, слуги, ученика или хотя бы слушателя при встрече с иным верованием и благочестием иногда может нести в себе больше покоряющей силы, чем упорно яростное или холодное отстаивание своего» («Христианос-VIII», 1999 г. С. 285). А у чудесного белорусского филолога Инны Войцкой в статье о

поэзии Ольги Седаковой есть такой образ: «Что есть культура: погребальный плач? Те, кто умерли, кто идут впереди нас, дают нам возможность их услышать – это их форма любви к нам, которой мы все даны друг другу в этот краткий миг существования» («Христианос-ХI», 2002 г. С. 286). Но разве это о культуре? Или только о ней?

Авторы «Христианоса» и его «герои» – Патриарх Афинагор I, митрополит Леонид (Поляков) и архиепископ Михаил (Мудьюгин), Оливье Клеман и С. С. Аверинцев, мать Мария и протоиерей Александр Мень, кармелитка сестра Тереза Младенца Иисуса и православная монахиня Иоанна (Рейтлингер), протопресвитер Александр Шмеман и епископ Серафим (Сигрист) – живые и усопшие, идут впереди нас и освещают нам путь светом Истины и любви. Все они общим усилием настойчиво и терпеливо, как подобает Матери-Церкви, словом и опытом убеждают нас, что время разговоров, хотя бы и очень благочестивых, позади. Приходит пора *становиться, учиться мужеству быть христианином и встречаться с другим христианином в Духе Святом, «делать, что должен, и быть в том, что делаешь»*. Христос всё протягивает руку к смоковнице, всё ждет её соучастия в чуде жизни. И стыдно будет нам, если мы не услышим урока этой притчи, и окажемся бесплодными, как она, и будем обречены иссыханию. «Отсидеться в траншее до Второго Пришествия» (А. Ерёмин. «Христианос-VI», 1997 г. С. 93) не удастся. Ни православным, ни католикам (см. об этом у протоиерея Владимира Фёдорова – «Христианос-Х», 2001 г., иеромонаха Антония Ламбрехтса и кардинала Жана-Мари Люстиже – «Христианос-II», 1993 г., «Христианос-III», 1994 г.). Ни протестантам, о чём с замечательной

открытостью и доверчивой свободой говорил архиепископ Лютеранской Евангелической Церкви Латвии Янис Ванагс («Христианос-IX», 2000 г.).

...Человеческие снежинки всё летят из тьмы и ударяются о стекло с изумлением и жаждой преодоления. Я всё думаю, что это за стекло, что за преграда – такая прозрачная, такая неодолимая? Наверно, это человеческая история, где всё понятно, но где всё твёрдо и внутренне непроницаемо. Мы будем всё время расшибаться о неё, пока не научимся идти прямо к Богу, лететь к свету, минуя её посредничество, учась быть солью и крапивой.

*Россия, Псков
Октябрь 2002 г.*

«ХВАЛИТЕ ГОСПОДА, ВСЕ НАРОДЫ»¹

Рецензия на альманах «Христианос-XX»

Кто-то из христиан сказал: раскол не менее, а то и более, опасен, чем ересь. Догматические заблуждения могут быть выяснены и исправлены при наличии любви и взаимопонимания, но раскол – грех против самой любви, заповеданной нам Господом...

Важнейшей теме – теме единства – посвящен только что вышедший в свет XX номер альманаха «Христианос». Слова подвижников духа, свидетельства церковнослужителей, изыскания исследователей истории Церкви – материалы номера задают направление мысли читателя в сторону как единства поместных Христовых Церквей, так и единства евреев и христиан (слова Папы Иоанна Павла II: *«Каждый, кто встречается с Иисусом Христом, встречается с иудаизмом. [...] Еврейская религия не является для нас “внешней”; некоторым образом она “внутренняя” для нашей религии»* цитируются составителями альманаха в обращении к читателю), и единства разрозненного, разбитого грехом человека – внутри-себя, достигаемого в процессе личного Богообщения, ведущего к чаянию единства всех людей как детей Божьих.

Высокая планка в деле восстановления этого всестороннего единства задана первым разделом – «Хвалите Господа, все народы», в котором приведены высказывания о молитве и Богопознании, и сами молитвы

¹ Опубликовано в журнале Вестник РХД, № 199. Париж, 2012. С. 198–201.

христианских, мусульманских, иудейских, буддистских подвижников. «Мы ни в коем случае не проповедуем идею, что все религии мира одинаковы и нет между ними никакой разницы. Мы просто приглашаем вслушаться в глубину надежд и устремлений, воплощенных в слова этих молитв», – отмечают составители.

О разных способах достижения этого чаемого единства в Церкви Христовой, о том, какие опасности подстерегают на путях увлечения ложными методами объединения, говорит в продолжение темы священник Коптской Православной Церкви Матта-эль-Мескин (1919–2006) в статье «Христианское единство»: «Не допусти, о Господь, чтобы [...] единства искали через разницу во взглядах, братолюбие смешивали с политикой, а расово-национальные группировки считали бы духовной силой». Не столько в действиях официальных церковных структур, подчас движимых политическими и иными отмирными соображениями, лежит основа единства христиан, сколько в самой Богоданной природе Церкви как Тела Христова. Этот аспект – природа церковной соборности – в историко-лингвистическом экскурсе освещает священник Антоний Лакирев («О Церкви, единстве и смысле слов далекого прошлого»), о почитании на Востоке и Западе святых неразделенной Церкви пишет служитель МП РПЦ протоиерей Олег Батов («Вражда будет побеждена»), взгляд на присутствие восточного Православия на Западе приведен в публикуемом докладе блаженной памяти о. Георгия Чистякова «Место для встречи» (Мюнстер, 1999 г.).

Живое сердце человеческое, внутри которого, по слову Христа, есть Царство Божие и которое исихасты называют мистическим центром человека, есть основное место поиска единства человека с Богом и верующих

между собою. Раздел «Монашеское призвание – служение единству» открывается свидетельством «Об истоках одного монашеского и экуменического призвания» архимандрита Эммануила Ланна (1923–2010), активного участника экуменического диалога, и продолжается статьей «Монашеская жизнь и экуменический диалог» Энцо Бьянки, настоятеля Свято-Преображенского монастыря в Бозе (Италия): «Присутствуя во всех великих религиях, даже в тех, что, подобно исламу, пытались ее искоренить, монашеская жизнь питаема своей собственной антропологией: целомудрие, общинная жизнь или уединение, искание абсолюта и аскетика в разных ее формах, – все это составляющие монашеской жизни, запечатлевающиеся на плоти, на теле, на всей целокупной личности до такой степени, что мы отмечаем сходство, «монотропию» (единонаправленность устремления) среди тех, в чьих жизнях присутствуют эти элементы, даже если религиозная среда, в которой они живут, различна...». Именно антропологическая основа монашества, вектор направленности сердца монаха к Горнему, по мнению автора, а также и то, что монашеское делание есть *«эпikleза, постоянное призывание Духа, внутри Церквей»*, способствует подлинному церковному единству (хотя, как отмечено в статье, за века истории само монашество и немало погрешило против этого единства). Яркой иллюстрацией темы служит обзор писем и дневниковых записей св. Терезы Калькуттской *«Нести свет тем, кто во мраке...»*, сделанный литературоведом Светланой Панич.

Раскол между евреями и христианами из «языков» – трагедия, положившая начало общецерковному расколу. Каким образом почитатели Бога Единого стали врагами, до каких пор еврей для христианина – и

наоборот – будет «евер» – чужак «с того берега», когда наконец от осторожного рассматривания религиозных традиций друг друга евреи и христиане перейдут к живому единению в Боге? Раздел «Иудеи, христиане, мусульмане – пути к диалогу» открывает беседа блаженной памяти о. Александра Меня «Иудейство, иудаизм, христианство», произнесенная им в 1973 году в кругу прихожан, но основной посыл которой: «Иудейская религия задумана – я употребляю этот термин специально – Богом как мировая религия. Это явствует из всей Библии. Эта религия не может оставаться в рамках Израиля. То, что было сложено в рамках нашего народа, должно быть и было вынесено для всего мира» – сегодня, перед лицом вызовов все более обезбоживающегося мира, актуален как никогда: как иудеи должны увидеть в Иешуа восполнение Завета и исполнение мессианских обетований Израилю, так и христиане – увидеть в иудаизме не косную систему обрядоверия, но живые, кровные отношения с Богом Единым. Эту же тему раскрывают статья библеиста, вице-президента Общества иудео-христианской дружбы Сандрин Канери (Франция) «Евангелие, Ветхий Завет и устное предание», вдохновенное эссе православного христианина Александра Кантора (Израиль) «Радуйся, Сионе, мати Церквей!», посвященный острой боли арабо-израильского конфликта отрывок из книги малой сестры Анни Иисуса «Испытание любви», выступление раввина Давида Розена «Диалог Церкви с ее старшими братьями», сделанного им на Синоде Католической Церкви в Риме в октябре 2010 года. Записи бесед Наталии Большаковой со служителями Церкви Христовой, живущими в Израиле (священником Рафиком Хури; священником Давидом Нойхаузом; малым братом Йохананом Элиха-

ем) – свидетельство того, какую подпитку горению духа дает христианину прикосновение к Земле Ветхого Завета.

Ряд тем, обозначенный альманахом – лишь камень, брошенный в стоячую воду, а круги по воде – возможность для читателей – верующих разных конфессий и традиций осмыслить и начать свой путь к единству в Боге и преодолению раскола – греха, ответ за который, в той или иной степени, предстоит держать каждому из нас.

*Россия, Минусинск
Ноябрь 2011 г.*

ПРИНОШЕНИЕ «ХРИСТИАНОСУ»¹

Если мы посмотрим на все выпуски альманаха «Христианос», пробежим глазами оглавления 20 его номеров, у нас, вероятно, возникнет ощущение пути, выбранного с самого начала, но пролагаемого с трудом, а затем становящегося все более уверенным, я бы сказал индивидуальным. Но прежде чем говорить об этом пути, хочу напомнить, что эти 20 выпусков принадлежат, может быть, самой захватывающему периоду в истории нашей Церкви – 20-летию свободы. Уж как ни называть это время, более свободных лет за более, чем 1000 лет у Русской Церкви не было. А что означает свобода в Церкви? А то, что со свободой выясняется среди прочего, что видимая всему миру церковная жизнь состоит не только из богослужений, указов, назначений и явлений иерархов народу, но также и из жизни мирян, в том числе и жизни в культуре. И эта жизнь определяет по своему лицо Церкви и память о ней, которая останется после нас.

«Христианос» вырос, прежде всего, из памяти, из того духовного завещания, которое о. Александр Мень оставил Наталии Большаковой незадолго до того, как вышел из дома и пошел по тропинке к поезду, направляясь в храм 9 сентября 1990 года. Этот день, ставший границей между его физической жизнью и физической смертью, осветил собою духовную жизнь, над которой

¹ Текст был написан и прислан в качестве приветствия к презентации альманаха «Христианос-XX», состоявшейся в Москве, в Овальном зале БИЛ 05.12.2011.

смерть уже не имела власти. Оказалось, что о. Александр, не считая множества духовных детей и многих книг, коих, казалось, не под силу было создать одному человеку, оставил не одно, а множество наследств, причем совсем разных: вот Общеизвестный православный университет, носящий его имя, вот группа добровольцев, столько лет работающих в Российской детской клинической больнице, вот и альманах «Христианос», воплощающий в себе предложенный отцом Александром тип диалога с другими исповеданиями и новый, во многом неожиданный для православия, поворот к тайне народа Израиля.

Надо сказать, что наследие о. Александра заключается не только в делах и словах, но в самом его облике, в его вере и верности, открытости, радости, которую он излучал, в его заветах милосердия, в его обаянии, в его молитве, в самом воздухе, который окружал его, и, конечно, в его мученичестве. Все это вобрал в себя «Христианос». Он не стал, разумеется, повторять или воспроизводить то, что уже говорилось, но нащупал, угадал, пролил свет на эти следы и стал пролагать их дальше.

Одна из особенностей «Христианоса» в том, что он обращается не столько к проблемам, сколько к личностям, в которых эти проблемы становятся жизненной темой, болью, верой, надеждой, любовью. Возьмем трудную тему христианского единства, одну из ключевых для «Христианоса». Она трудная, потому что всегда на поверхности, о ней так много говорят и спорят, что все слова, которые вращаются вокруг, стираются и приедаются, вызывая у кого-то даже аллергию.

«Христианос» не берется разрешить загадку разделения, над которой бьются уже сто лет одна экумени-

ческая конференция за другой, он вызывает или скорее приглашает свидетелей – облако свидетелей – по слову апостола Павла, начиная с самого о. Александра, малых сестер Иисуса Магдалину и Клер, брата Роже из Тэзе, архим. Тавриона (Батозского), Ирину Михайловну Поснову, о. Георгия Чистякова, о. Габриэля Бунге, архиепископа Ванагса, Энцо Бьянки, Оливье Клемана, епископа Болеслава Слосканса, Наталью Трауберг – всех не упомнишь и не перечислишь. У каждого из них – свой путь, свое особое исповедание, свое таинство встречи с Богом, которое никак не описывается расхожим термином «экуменизм». Но можно обозначить его как «жажду вселенскости», как открытие Христа в другом, в ином, непохожем, дальнем, но покоряюще подлинном. И в этом открывается для нас миссия «Христианоса» – не в одной лишь проповеди соединения и примирения «да будут все едины», но в узнавании этого единства во Христе – не только в многообразии (и это слово, увы, претерпело инфляцию), но в неисчерпаемости Его присутствия. Потому что каждое христианское свидетельство, когда оно от веры, всегда подлинно. И всякая подлинность обладает своей силой, своей неоспоримостью, я бы добавил, своей диалогичностью и притягательностью.

Я коснулся лишь одной темы, несущей на своих крыльях все выпуски альманаха, но тем иных в нем, разумеется, немало. Последние номера стали тематическими; один посвящен преимущественно красоте, другой – Царству Божию, третий – иудео-христианскому диалогу, четвертый – тайне добра и зла. Если полет «Христианоса» продолжится, и дай Бог, чтобы это было так, то, он одну за другой облетит когда-нибудь основные ключевые загадки веры, те пути-дороги, ведущие

к единому центру, который есть Христос, Христос, живущий в людях, узанным или неузнанным, открытым или зашифрованным. Конечно, каждый взлет, каждый выпуск Альманаха достается нелегко, как нелегко в наше слишком практическое время что-то регулярно издавать, не обещая авторам иного вознаграждения, кроме «круговой поруки» духа, объединяющей людей общей атмосферой дружества, единства при всех возможных разномыслиях, и наконец, любви к одним и тем же звездам над головой.

Уже многие годы наблюдая, в качестве одного из авторов альманаха, рождение «Христианоса», понимаю, что появление каждого номера – дело хлопотное, трудное, жертвенное, требующее как воли, так и родительской заботы. Вдохновитель и составитель его, Наталия Большакова, над каждым выпуском бьется «как орлица над орленком», заботливо, ласково, иногда и грозно, и вот он всякий раз рождается неожиданно как чудо. Христианских журналов издается, может быть, не так уж мало, но «Христианос», несмотря на то, что издается в другой стране, ставшей ныне малопроницаемой, остается альманахом российским, не только по языку, но и в силу причастности к какой-то «ойкумене» (Сергей Аверинцев) взаимопонимания, открытости, вселенскости, всечеловечности, в том ее звучании, которую придал ей когда-то Достоевский.

Что сказать на прощание? Дай ему Бог и дальше оставаться – «Христианосом» – христианином и учеником Христовым. И будем благодарны тем, кто над ним трудится, прежде всего – Наталии Большаковой и Василию Минченко.

*Италия, Брешия
Ноябрь 2011 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Школа христианства.....	5
-------------------------	---

СОВРЕМЕННОЕ МОНАШЕСТВО

Адальберто Майнард

Свидетельство христианского монашества в современном мире	9
--	---

Архим. Савва (Мажуко)

Бургундский треугольник, или Как один монах в Европе «веру продавал»	24
---	----

ХРИСТИАНСКОЕ МОНАШЕСТВО НА ЗАПАДЕ

Диакон Максим Юдаков

Монастырь Пресвятой Троицы в Думенце (Италия)	37
---	----

К 800-летию основания
Доминиканского Ордена

Сестра Мария Святого Сердца

Святой Доминик и монахини Ордена Проповедников. <i>(Перевод с английского)</i>	59
---	----

К 500-летию РЕФОРМАЦИИ

Д-р Герхард Кнодт

Жить и верить вместе – пробуждение монашеской общежительной жизни в Немецкой Евангелической Церкви. <i>(Перевод с немецкого)</i>	82
--	----

МОНАШЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Архим. Амвросий (Шевцов)

Взаимное доверие в отношениях игумена и братии	109
--	-----

Архим. Савва (Мажуко)	
Евхаристия и иночество.....	117
Архим. Филарет (Егоров)	
О внутренней сути монашества.....	125
Архим. Савва (Мажуко)	
Монашеское призвание: дар и крест.....	130

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ) (1891–1945)

Наталья Белевцева	
Мать Мария (Е. Ю. Скобцова)	
и сестра Иоанна (Ю. Н. Рейтлингер):	
биографические и творческие пересечения.....	143
Мать Мария (Скобцова)	
О монашестве	
(Из трудов второй половины 1930-х годов).....	171
Е. Ю. Скобцова	
Из «Жатвы духа»:	
Иоанникий Великий.....	193
Виталий-монах.....	201

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Прот. Дионисий Мартышин, свящ. Павел Бочков	
Духовные идеалы Православной Церкви	
и преодоление социальной изоляции	
на церковном приходе	211
Беседа с игуменом Петром (Мещериновым) –	
<i>настоятелем подворья Данилова монастыря</i>	
<i>в деревне Долматово Московской области</i>	
Монашество не заключается в клобуках и рясах.....	233

ПАМЯТИ ЕКАТЕРИНЫ ГЕНИЕВОЙ

Митр. Волоколамский Иларион (Алфеев)

Проповедь, произнесенная на отпевании
Екатерины Юрьевны Гениевой, 14 июля 2015 года 253

Евгений Рашковский

Человек против тьмы:
из воспоминаний о Екатерине Гениевой 257

Ив Аман

«Делайте!» 272

Вента Коцере

Катя в моих воспоминаниях 275

Наталия Большакова-Минченко

В пространстве памяти
(Из воспоминаний о Екатерине Гениевой) 289

Андрис Вилкс

«Её личность ломала стереотипы»
Выступление на вечере памяти Е. Гениевой
15.03.2016 (Рига) (перевод с латышского) 307

Вадим Дуда

«Екатерина Гениева: to be continued»
Выступление на вечере памяти Е. Гениевой
15.03.2016 (Рига) 313

ПРИНОШЕНИЕ «ХРИСТИАНОСУ»

Валентин Курбатов

Соль и крапива
Альманах «Христианос»: мужество веры 319

Священник Сергей Круглов

«Хвалите Господа, все народы» 333

Протоиерей Владимир Зелинский

Приношение «Христианосу» 338

SOMMAIRE

Ecole du christianisme	5
------------------------------	---

LE MONACHISME CONTEMPORAIN

Adalberto Mainardi

Témoignage de la vie monastique chrétienne dans le monde d'aujourd'hui	9
--	---

Archimandrite Savva (Mazhouko)

« Le triangle de Bourgogne » où comment un moine « a trahi sa foi » en Europe	24
--	----

LE MONACHISME CHRÉTIEN À L'OCCIDENT

Diacre Maxime Joudakov

Monastère de la Sainte Trinité à Dumenza (Italie)	37
---	----

POUR LES 800 ANS DE LA FONDATION DE L'ORDRE DOMINICAIN

Sœur Marie du Sacré Cœur

Saint Dominique et les moniales de l'Ordre des Prêcheurs (Traduit de l'anglais)	59
--	----

POUR LES 500 ANS DE LA REFORME

Dr . Gerhard Knodt

Vivre et croire ensemble – la renaissance de la vie monastique communautaire dans l'Eglise Evangélique Allemande (Traduit de l'allemand)	82
--	----

COLLOQUES SUR LA VIE CONSACRÉE

Archimandrite Ambroise (Shevtsov)

La confiance mutuelle entre l'igoumène et les frères	109
--	-----

Archimandrite Savva (Mazhouko)

Eucharistie et vie consacrée	117
------------------------------------	-----

Archimandrite Filaret (Jegorov)

Sur la force intérieure de la vie consacrée	125
---	-----

Archimandrite Savva (Mazhouko)

La vocation monastique : don et croix 130

**POUR LES 125 ANS DE L'ANNIVERSAIRE
DE LA VENERABLE MARTYRE
MÈRE MARIE (SKOBTSOVA) (1891–1945)**

Natalie Belevtseva

Mère Marie (E. J. Skobtsova)

et sœur Ioanna (J. N. Reitlinguer):

croisements biographiques et artistiques 143

Mère Marie (Skobtsova)

Le monachisme

(Des travaux de la fin des années 1930) 171

E. J. Skobtsova

De “La moisson de l’Esprit”

Ioannikios le grand 193

Le moine Vitalis 201

PROBLÈMES ACTUELS DE L'ÉGLISE

Archiprêtre Dionisy Martychkine, prêtre Pavel Botchkov

Les idéaux spirituels de l’Eglise Orthodoxe et le surpassement
de l’isolation sociale dans la paroisse 211

« L’habit ne fait pas le moine... »

Entretien avec l’igoumène Piotr Mescherinov –

Doyen du métôchion du monastère Danilov dans

le village Dolmatovo dans la région de Moscou 233

A LA MEMOIRE D’EKATERINA GUENIEVA

Mitropolite Illarion de Volokolamsk (Alfeev)

Homélie pour l’office des défunts célébré pour

Ekaterina Yourievna Guenieva,

14 juillet 2015 253

Yevguenij Rachkovskiy

L'homme contre les ténèbres:

Souvenirs sur Ekaterina Guenieva 257

Yves Hamant

«Faites !» 272

Venta Kocere

Katia dans mes souvenirs 275

Natalia Bolchakova-Mintchenko

Dans l'espace de la mémoire

(Souvenirs sur Ekaterina Guenieva) 289**Andris Vilks**

«Sa personnalité détruisait les stéréotypes»

*Discours à la soirée pour la mémoire de E. Guenieva**15.03.2016 (Riga) (Traduit du letton)* 307**Vadim Douda**

«Ekaterina Guenieva: to be continued»

*Discours à la soirée pour la mémoire de E. Guenieva**15.03.2016 (Riga)* 313**OFFRANDES A «CHRISTIANOS»****Valentin Kourbatov**

Sel et orties

Almanach "Christianos": le courage de la foi 319**Prêtre Serguey Krouglov**

«Louez Dieu, tous les peuples» 333

Archiprêtre Vladimir Zelinsky

Offrande à «Christianos» 338

CONTENTS

The School of Christianity	5
----------------------------------	---

CONTEMPORARY MONASTICISM

Adalberto Mainardi

The Witness of Christian Monasticism in the Contemporary World.....	9
---	---

Archimandrite Savva (Mazhuko)

The Burgundian Triangle, or How One Monk in Europe “Sold Faith”	24
--	----

CHRISTIAN MONASTICISM IN THE WEST

Deacon Maxim Yudakov

The Monastery of the Holy Trinity in Dumenza (Italy)	37
--	----

THE 800TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDING OF THE DOMINICAN ORDER

Sister Maria of the Sacred Heart

St. Dominic and the Nuns of the Order of Preachers (<i>Translated from the English</i>)	59
--	----

THE 500TH ANNIVERSARY OF THE REFORMATION

Dr. Gerhard Knodt

To Live and Believe Together – the Awakening to the Cenobitic Life in Monasteries of the German Evangelical Church (<i>Translated from the German</i>)	82
--	----

MONASTIC CONFERENCES

Archimandrite Amvrosy (Shevtsov)

Mutual Trust in Relations between a Hegumen and His Brothers.....	109
--	-----

Archimandrite Savva (Mazhuko)

The Eucharist and Monastic Life.....	117
--------------------------------------	-----

Archimandrite Filaret (Yegorov)	
On the Essence of Monasticism.....	125
Archimandrite Savva (Mazhuko)	
The Monastic Calling: Gift and Cross.....	130

THE 125TH ANNIVERSARY OF THE VENERABLE MARTYR MARIA (SKOBTSOVA) (1891–1945)

Natalia Belevtseva	
Mother Maria (E.Yu. Skobtsova) and Sister Ioanna (Yu.N. Reitlinger): Biographical and Creative Intersections.....	143

Mother Maria (Skobtsova)	
On Monasticism (From the writings of the second half of the 1930s)	171

E.Yu. Skobtsova	
From «The Harvest of the Spirit»:	
Ioannikios the Great	193
Vitaly the Monk.....	201

CONTEMPORARY CHURCH PROBLEMS

Archpriest Dionisy Martyshin, priest Pavel Bochkov	
Spiritual Ideals of the Orthodox Church And Overcoming Social Isolation in a Church Parish.....	211
Monasticism is not in Cowl and Cassock <i>Conversation with Hegumen Petr (Meshcherinov) – Superior of the metochion of Danilovsky Monastery in the village Dolmatovo, Moscow region</i>	233

IN MEMORIAM OF EKATERINA GENIEVA

Metropolitan of Volokolamsk Hilarion (Alfeev)	
Sermon at the burial service of Ekaterina Yuryevna Genieva, 14 July, 2015	253

Evgeny Rashkovsky

A Human Being against the Darkness:
remembering Ekaterina Genieva 257

Yves Hamant

«Do it!» 272

Venta Kotsere

Katia as I remember her 275

Natalia Bolshakova-Minchenko

In the Space of Memory
(*Remembering Ekaterina Genieva*) 289

Andris Vilks

«Her Personality Broke the Stereotypes»
A Talk at the Evening in Memory of E. Genieva
15.03.2016 (Riga) (translated from the Latvian) 307

Vadim Duda

“Ekaterina Genieva: to be continued”
A Talk at the Evening in Memory of E. Genieva
15.03.2016 (Riga) (translated from the Latvian) 313

AN OFFERING TO «CHRISTIANOS»**Valentin Kurbatov**

Salt and Nettles
Almanac «Christianos»: the courage of faith 319

Priest Sergiy Kruglov

«Praise the Lord, All Ye Nations» 333

Archpriest Vladimir Zelinsky

An Offering to «Christianos» 338

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия) изданы (1991–2016)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XXV
Альманах «Отчий Дом»

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –

Комментарий протоиерея **Александра Меня**

«Крестный Путь». Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса «По следам брата
Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция))

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталия Большакова

«Жизнь и служение епископа
Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»